

№10-11

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ФАЗЫЛ ХЮСНЮ ДАГЛАРДЖА – 110

Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА. «Поэзия была и судьба, и жизнь Дагларджа»	3
Ф.Х.ДАГЛАРДЖА. <i>Стихи</i>	8
Тофик МЕЛИКЛИ. Беседы с Дагларджа в «Вагоне» о поэзии, жизни...	11
Ф.Х.ДАГЛАРДЖА. Хайди . <i>Стихи</i>	17

ПРОЗА

Адам Исмаил БАКУВИ. Ангел любви . <i>Роман</i>	19
Пьер ШЕН. Странный случай с месье Бонневалем . <i>Рассказ</i>	123
Наргиз БАГИРОВА. <i>Рассказы</i>	126

ПОЭЗИЯ

Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	117
----------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Имруз ЭФЕНДИЕВА, Мехрибан АХМЕДОВА. Родная земля – мое вдохновение и могучая сила	118
--	-----

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 23.10. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36 -23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ФАЗЫЛ ХЮСНЮ ДАГЛАРДЖА – 110

«ПОЭЗИЯ БЫЛА И СУДЬБА, И ЖИЗНЬ ДАГЛАРДЖА»

Фазыл Хюсню Дагларджа...

Есть одна удивительная его фотография. На ней – лицо пожилого человека, умудрённого и жизнью, и поэтическим «ремеслом». На чёрном фоне только лицо, излучающее каждой клеточкой кожи свет, а глаза... Их взгляд настолько пронзителен, горяч и наполнен такой силой, что кажется – сам Бог в них растворился, чтобы глазами поэта смотреть на жизнь. Вглядываясь в это лицо, ясно осознаёшь право Дагларджи написать следующие строки: «Он в своём деле – Поэт, я в своём деле – Бог».

«Бывают художники, которым в одну жизнь удаётся прожить несколько жизней. Они никогда не топчутся на месте, напротив, стремительно продвигаются вперёд вместе со временем, а зачастую и впереди него. Фазыл Хюсню Дагларджа – автор более 80 поэтических сборников – несомненно, один из плеяды таких художников», – написал о нём в своём, созданном на основе собственных наблюдений, богатой переписке с поэтом, встречах с ним, романе-исследовании «Одиночество гения» известный тюрколог, профессор Московского государственного лингвистического университета Тофик Меликли. О богатом внутреннем мире поэта, его бесценном поэтическом наследии немало говорилось и участниками прошедшего в клубе «Натаван» мероприятия, посвящённого столетнему юбилею выдающегося турецкого поэта, и всё же, когда речь идёт о таких масштабных величинах, как Фазыл Хюсню Дагларджа, всегда остаётся ощущение недоговорённости.

Профессор Тофик Меликли любезно согласился продолжить разговор о поэте после окончания юбилейного мероприятия.

– *Тофик муаллим, когда у вас появилось желание, потребность написать эту книгу? Когда вообще вы познакомились с Дагларджа?*

– С течением времени, и без всяких скидок на скромность, должен сказать, что собственно говоря, это я открыл его и для советских, и для европейских читателей. А началось всё с кандидатской диссертации, которую я написал в 1967-1968 годах. Она была посвящена турецкой поэзии 60-х-70-х годов, и в основном, Назыму Хикмету и Фазылу Хюсню Дагларджа.

– *Так чем же вас привлекла его поэзия?*

– Его имя до поры до времени не было мне известно. Вмешался случай. Как вы знаете, Турция, как член НАТО, для нас в советское время, несмотря на географическую близость, была далёкой и неизвестной страной. Никто оттуда к нам не приезжал, лишь иногда – футболисты. На нуле были культурные и политические связи. И вот однажды в поисках материала для диссертации в спецхране Ленинской библиотеки я случайно наткнулся на закрытое в советское время издание – турецкий журнал «Варлыг», на первой странице которого было размещено стихотворение не знакомого мне автора – Фазыла Хюсню Дагларджа. Я его прочёл, и меня как будто молнией ударило: оно не было похоже ни на один из известных мне образцов поэзии – абсолютно новый взгляд на окружающий мир, необычная образная структура, обороты, язык, система мышления – всё для меня было внове, всё абсолютно оригинально.

– *А о чём в нём шла речь?*

– Содержание самое тривиальное – человек в современном мире, но вопрос не в содержании, а в изложении, в том, как он выразил свои мысли. Я несколько раз перечитал этот текст, словно пытаюсь разгадать тайну такого воздействия этих строчек на меня. Я не мог успокоиться, настолько был взволнован, и, не откладывая, отправил в Турцию на имя главного редактора журнала Яшара Наби письмо, в котором со-

общал, что заинтересовался автором такого-то стихотворения и хотел бы более широко ознакомиться с его творчеством. Ответа я не дождался и, несмотря на то, что тогда всё контролировалось, через два месяца послал второе письмо.

– *Вы не боялись?*

– Ведь говорят – «смелость города берёт», молодость также, а мне было всего 23 года, и мне было всё равно, что будет дальше. Главное для меня было найти и прочитать остальные его стихи, и я написал третье письмо, в котором сообщал, что у меня остаётся мало времени для ознакомления с творчеством Дагларджа, поскольку истекает аспирантский срок. И вдруг – чудо! Я получаю посылку с семью-восемью его книгами.

– *Это же огромное поле для диссертанта?*

– Да, и когда я их получил, у меня было раздолье для творчества, я работал как проклятый, штудировал их, потому что время поджимало. Я был настолько взволнован темой, что буквально за два месяца написал огромную главу, почти равную по объёму диссертации, а затем всего за два с половиной года завершил работу и защитился. Словом, оттуда, с того времени и начались наши отношения с Дагларджа, правда, пока на расстоянии, заочно.

– *Но вы не сказали, как они начались.*

– Он ответил на третье письмо, написал: «Спасибо, что вы интересуетесь моим творчеством, посылаю вам коротенькое письмо и эти книги».

– *Значит, это не редактор прислал книги?*

– Оказывается, он передавал мои письма Дагларджа. В 1969 году, когда он прилетел в Москву, я спросил его: «Я написал три письма, почему вы не ответили на первые два?» Он ответил: «Когда я получил первое письмо, то решил, что это, наверное, агент КГБ интересуется и выбросил его. Когда пришло второе, стал сомневаться, а когда в третьем письме вы изложили своё отношение к стихотворению, я сказал себе: «Что ты делаешь?! Срочно отправь книги!»

– *Когда же вы с ним впервые уже очно познакомились?*

– В 1969 году, когда отмечался 170-летний юбилей Пушкина. Я тогда был привлечён к работе иностранной комиссии Союза писателей СССР и во время обсуждения списка гостей настоял на том, чтобы пригласили Фазыла Хюсю Дагларджа.

– *Настояли? Были другие альтернативы?*

– Да, но я сказал, что это самый крупный, выдающийся поэт Турции, меня поддерживали и такие специалисты, как Акпер Бабаев и Вера Феонова, и к нам прислушались. Из-за идеологического противостояния тех времен Дагларджа сомневался, принять ли ему приглашение, но я его уговорил. Так мы с ним встретились, и начались наши отношения. Они были очень тесные, он называл меня «кардаш», «брат».

– *Вы так буднично сказали о долгожданной для вас встрече, а если чуть подробнее? Что в первую очередь вы сказали друг другу?*

– Я встречал его в аэропорту вместе с Верой Феоновой. Первыми его словами были: «Сиз бу гедер гянчсиниз? (Вы так молоды?)». Мне тогда было 24 года, а ему – чуть за 50. Я ведь ему ничего не писал о себе... Мы с ним обнялись и всю дорогу из аэропорта говорили только о поэзии, литературе. Потом мы вместе совершили путешествие по пушкинским местам, были в Пскове, Михайловском, где в те времена ежегодно на открытой поляне проводился поэтический праздник. На него съезжались десятки тысяч людей. Мы также приняли в нём участие, и Дагларджа прочёл на турецком стихотворение «Венок Пушкину», которое я экспромтом перевёл на русский и озвучил следом за ним. Выступление турецкого поэта транслировалось по всему Советскому Союзу.

– *А как Дагларджа воспринимал поэзию Пушкина?*

– Он слышал о нём, но поэзия Пушкина была абсолютно ему не знакома, потому что за рубежом Пушкина больше знают как прозаика, его поэзия в переводах многое

теряет. Ну как перевести на любой другой язык «Я помню чудное мгновенье»?! Владелище русским языком ощущают красоту словосочетания «чудное мгновенье» каким-то иным – пятым, шестым или десятым чувством... Перевод убивает суть пушкинского гения. Я старался как можно больше рассказать ему о жизни Пушкина, его поэзии.

– *Интересно, как личность, индивидуальность Фазыла Хюсю Дагларджа раскрывалась вам в процессе общения...*

– По характеру он был неоднозначным, замкнутым человеком, не подпускавшим к себе никого из своих коллег, и даже родственников державший на отдалении, но у нас с ним установилась духовная связь после того, как он ознакомился с моей работой о нём, отдельные отрывки из которой я перевёл для него на турецкий. Ведь когда я писал диссертацию, о нём нигде и ничего не было написано, в Турции было опубликовано лишь несколько эпизодических статей, и когда он прочёл работу, в которой я дал обстоятельный, всесторонний анализ его поэтики, он был доволен.

– *Тем, насколько правильно его поняли?*

– Он стал воспринимать меня уже как своего брата, и когда я приезжал в Турцию, многие известные турецкие писатели просили, чтобы я взял их с собой к нему. Когда мы с супругой приехали в Турцию для работы, он ежедневно водил меня по Стамбулу, знакомя с различными его районами, рассказывал о городе. Причём мы совершали пешие прогулки, потому что он говорил: если хочешь город прочувствовать, нужно ходить пешком. Стамбул я полюбил благодаря Дагларджа.

– *А как он воспринимал Стамбул?*

– Абсолютно по-разному. Богом «помазанные» люди по-особому видят мир, самые обыденные, на первый взгляд, вещи. Они чувствуют то, что недоступно пониманию обычных людей.

– *И всё же, чтобы понять...*

– Однажды он меня спросил: «Ты любишь Стамбул?» И добавил: «Ты должен пойти и посмотреть район Сулукуля!» Я не знал, что там живут цыгане, которые чужаков не подпускают. В этом районе у них свои рестораны, увеселительные заведения, и если туда попадёшь, выберешься с большим трудом, при этом зачастую обворованным. Я поехал на машине, которая на каком-то отрезке пути оказалась окружённой цыганками. Они буквально вынудили меня выйти из машины и повели в какой-то танцевальный зал. Я шёл, окружённый шумной толпой, и мучительно искал выхода из создавшегося положения. Более всего меня волновало – когда представитель КГБ узнает о моей «прогулке», я улечу из Турции через 24 часа или через пару дней. Вот так благодаря Дагларджа я познакомился с самым значимым местом Стамбула.

– *А он сам в это время где был?*

– Был в отъезде, и я решил пойти один.

– *Но он не предупредил, что вас там может ожидать?*

– Сказал только, что это одно из колоритных мест Стамбула, но в чём его «колорит», не сказал. Я вышел из Сулукуля только, когда у меня не осталось ни копейки. Лишь после этого, словно почувствовав, цыганки отпустили меня. Когда я рассказал о случившемся турецким друзьям, они сказали: «Ты с ума сошёл, как ты мог пойти туда?!»

– *Да, цыгане любого возьмут мёртвой хваткой, но что такое Стамбул для Дагларджа уж вы-то, наверно, должны знать.*

– Он родился в Стамбуле и для него это был не просто город, а сама жизнь, само существование, воздух, которым он дышал, энергия, которая его питала и поддерживала. Для многих художников, и для Дагларджа тоже, Стамбул – это не город для обитания, а своеобразная атмосфера, в которой они пребывают. Это культурное, художественное, историческое пространство – всё вместе взятое. Стамбульская атмосфера всех завораживает, не случайно французский писатель XX века Пьер Лоти,

написавший роман «Азаде» – о любви флотского офицера-француза и красавицы-турчанки, оставался только в Стамбуле, жил в Золотом Рого. Стамбул – это мир, который засасывает, притягивает словно магнит.

– Мы говорим – Париж...

– Стамбул – это своеобразный Париж. Это, скорее всего, восточный Париж, но он и западный, потому что синтезировал в себе обе культуры.

– Возвращаясь к Дагларджа... Он ведь и в Азербайджан приезжал. Как состоялась эта поездка?

– Мы, тюркологи, внесли в Союз писателей СССР предложение оставить его на месяц, чтобы совершить путешествие по стране. Союз поддержал нас. Я тогда предварительно опубликовал в «Иностранной литературе» ряд его стихов в переводе на русский. Своим поэтическим миром, образной структурой они привлекли внимание, в частности, эстонских литераторов, и Союз писателей Эстонии командировал в Москву замечательную поэтессу Лий Сеппель, которая была известна и как переводчик произведений азербайджанских авторов. Вместе с ней мы подготовили сборник стихов Дагларджа в переводе на эстонский язык. В течение года с большими сложностями, но она изучила с моей помощью турецкий язык и выполнила поставленную перед ней задачу. Вообще, даже плохой перевод не может убить поэзию Дагларджа.

– Вот ведь какой парадокс получается: Пушкин, в отличие от него, – непереводем, и, возможно, в этом проявляется «специфика» его гениальности...

– Пушкин тесно связан с языком, поэтому, в частности, его любовная лирика теряет своё очарование в переводах... У Дагларджа немного другой взгляд, видение мира и всего, что с ним связано. Вот, например, у него такие строки: «Уходит, возвращается до утра/ Моя бессонница/ К твоей красоте»... Это из его любовной лирики.

– Он долгое время не был женат?

– Он вообще не женился. Ему было 50 лет, когда он полюбил, и всё закончилось трагично, поэтому он написал, что настоящая любовь не бывает счастливой.

– Поэтому, наверное, появились такие строки: «Это не темнота у твоих дверей, Это мои мысли».

– Когда я его спрашивал: «Устад, не тяготит ли вас одиночество?», он отвечал: «Абсолютно нет, моё одиночество напоминает одиночество слова в словаре».

– Интересно... Это очень глубоко... Такие люди обычно чувствуют «высшие сферы», что-то в этом плане в нём проявлялось?

– Конечно. Его второе произведение произвело фурор в турецкой литературе и называлось «Чочук вя Аллах» («Дитя и Бог»). Это настолько тонкая тема, о которой двумя словами не скажешь. В тех стихах он как бы глазами ребёнка, первоначально чистейшего природного явления, смотрит на мир и на Бога, осмысливая их....

– Это как у суфиев...

– В его поэзии есть элемент суфизма, не случайно он написал книгу «Быть у Мовланы» – о главе суфийского ордена, поэте Руми.

– Отойдём от этой большой и глубокой темы... Как прошло знакомство Дагларджа с Азербайджаном, каковы были его впечатления?

– До него в Азербайджан из Турции приезжали только два писателя – Азиз Несин и Андай.

– А Назым Хикмет? Ведь он неоднократно бывал в Баку.

– Он, по сути, был «наш человек», поскольку преследуемый в Турции, бежал в своё время в Советский Союз, где жил до конца своих дней. Азиз Несин и Андай приезжали всего на два-три дня, а Дагларджа находился здесь целую неделю, поэтому вся наша писательская элита была взволнована, взбудоражена тем, что приехал брат, поэт. Особенно дружеские отношения у Дагларджа сложились с Расулом Рза и Гамидом Араслы. Во время поездки он посетил Музей литературы имени Низами и был поражён тем, как в Азербайджане относятся к литературе, какое огромное здание

отведено под музей, каким уважением пользуются писатели и поэты, чьи скульптуры украшают город. На него всё это произвело колоссальное впечатление. «Вот бы и у нас в Турции открыть такой музей», – говорил он. Это на самом деле было великим нашим достижением, а для него всё это было откровением. Я ему показал памятники Физули, Низами... Он впоследствии написал целую книгу о пребывании в Азербайджане.

– В каких ещё городах он побывал?

– В Гейчае, Шамахе, где, посетив Музей Сабира, он сочинил великолепные стихи, увидев крохотную комнатушку, в которой жил наш гений. Там есть такие строки: «В этой маленькой комнатке светит огромное солнце».

Перед поездкой в Гейчай и Гянджу мы были в гостях у Расула Рза, где стали свидетелями небольшого спора между супругами о том, где растут самые красивые чинары. Нигяр ханым утверждала, что в Гяндже, Расул муаллим – что в Гейчае, где у въезда в город раскинулась вековая чинара, в дупле которой уместилась чайхана. Спросили меня, и я, гянджинец, поддержал Нигяр ханым. И вот когда мы побывали в гейчайском доме Расула муаллима, посмотрели знаменитую чинару, от зрелища которой турецкий гость пришёл в восторг, потом, по приезде в Гянджу, прогулялись по тамошней аллее из чинар, наступил «момент истины» – Дагларджа сказал, что больший след в его памяти оставили гянджинские чинары. Позже он написал стихотворение «Чинары в Гяндже».

– До приезда в Азербайджан он знал кого-то из наших поэтов?

– Он хорошо знал азербайджанских поэтов, живших в Турции, Гамида Араслы, как крупного специалиста дастана «Деде Горгуд». Когда возник вопрос его поездки в СССР, в Азербайджан, и он начал к ней готовиться, я отправил ему сборник стихов Расула Рза. И вот мы – Расул Рза, Гамид Араслы, Дагларджа и я – в машине путешествовали по Азербайджану.

– Какой была его реакция на увиденное?

– У него было совсем иное представление о реалиях нашей жизни, потому что идеология и политика сыграли с нами злую шутку, а волей-неволей мы находились под воздействием идеологической диверсии. Мы о них думали своё, а они – что мы находимся в заточении у советского режима и у нас не осталось своей культуры, литературы, языка, и вдруг он увидел совсем иную картину. После пребывания в Азербайджане, пережив абсолютное откровение, он написал стихотворение «Проснуться в Баку», где есть такие строчки: «Туркча сеслер гялир сокаклардан», «Это твой родной брат строит новый мир». Этот визит изменил его отношение и к Азербайджану, и к СССР.

– Спустя годы, что у вас осталось в душе от встреч с устадом?

– Дело в том, что наши отношения надолго не прерывались, почти каждый месяц я получал от него по два-три письма, некоторые из которых опубликовал в книге. Эта книга – мой долг перед его памятью, и я счастлив, что и в Москве, и в Баку её приняли благожелательно. Мне изначально хотелось, чтобы и в жанровом отношении она была достойна памяти Дагларджа. В ней, в основном, воплощены мои наблюдения, ощущения, чувства, живое наше общение, его письма, записи которые я вёл потихонечку на протяжении многих лет. Так что не случайно литературные критики назвали мой труд – романом-исследованием.

– О чём он писал в последних письмах?

– Сам он уже был не в состоянии, диктовал помощнику: «Я абсолютно не могу писать стихи, а это для меня смерти подобно». Поэзия была и суть его, и жизнь.

«Азербайджанские известия» 2014
Беседу вела Франгиз ХАНДЖАНБЕКОВА

Марсианин

Значит, ты и впрямь марсианин?
И та далекая звездочка – твоя родина?
Родина, брат, – это место,
Где родился ты, где твой дом.
Хочешь, я расскажу тебе, о, пришелец,
Как мы тут на Земле живем?

Вот богач-толстосум, вот хапуга,
А там потаскуха, там жалкий вор.
Так что, видишь, живем мы плохо.
Себя потеряли, гримасы двадцатого века нашли...
Скажи, а у вас сейчас какая эпоха?

Не подходи, марсианин, так близко.
Ты не ведаешь, что тебя ждет,
Какую таит опасность
Эта рука, этот рот.
А на Марсе тоже есть войны?

Лежат ли между горами зеленые чаши долин?
Читать и писать вы умеете?
Любить и плакать умеете?
А у вас после смерти матери
Тоже в отчаянье мечется сын?

Скажи, а у вас расщепили атом?
И сколько рождается в семьях детей?
А их прокормить удастся?
И мелодия каждой души
Тоже в бездне безмолвия бьется?

Не подходи, марсианин, так близко,
Обманчива моих глаз доброта,
Может, слышал ты про Иисуса,
Взлетевшего в небо с окровавленного креста?

Я плохой человек, но мне всегда одиноко.
Сырая земля забрала отца моего и дочь.
Я в тайны жизни и смерти проникнуть пытался,
Переболел безнадежностью,
Небеса вопрошал и пророка,
А в ответ молчала ночь.

А у вас, марсианин, тоже есть атмосфера,
Мягко окутывающая печали вашей земли?
А чем ваши кончились поиски?
Бога найти сумели?
Решить роковые вопросы смогли?

Не подходи, марсианин, так близко.
Лучше, что делать нам дальше, скажи.
Не то мы, пожалуй, окончательно спятим
От подозрительности и лжи.

А в году у меня обычно четыре сезона.
Лето синее очень, белая очень зима.
Я всегда говорю неправду, я хорохорюсь изредка,
Иногда чего-то пугаюсь,
И душа истекает кровью,
И тело сходит с ума.

До конца своих дней я живу в плену заблуждений.
Кончаются мои силы в драке за хлеба кусок.
Города мои расширяются, а дыханию все теснее,
И дрожит моя добродетель, как тополь в порывах ветра,
И река моей жизни уходит в песок.

Не подходи, марсианин, так близко.
Нежным взорам моим не верь.
Тьма ночная окутала небо и землю,
Голоден я, как зверь.

Перевод М.Ваксмахера

В одиночестве

Людам в одиночестве не жить,
Мой цветок.
В одиночестве не сыщешь
Дорог.

Тошно овцам в одиночестве
Полей,
Одиноких не увидишь
Тополей.

И хотя ночные звезды
Надо мной
Загораются как будто
По одной.

И хотя на берег моря
Под луной
Тихо волны набегают
По одной.

Все равно ведь – в одиночестве,
Как нам,
Очень тошно им, и звездам,
И волнам.

Перевод Т.Меликли

Если устал

Если устал, сядь, посиди,
Поразмышляй на свободе.
Ясность приходит издалека
И благодарность приводит.

Вытяни ноги, руки расслабь,
Вынь, закури сигарету.
Всё твоё тело наполнится вдруг
Мягким, рассеянным светом.

Долго тянулась голая степь,
Вот он, колодец овечий!..
Встань, если можешь, и завари
Черного кофе покрепче.

Перевод В. Игельницкой

Аллах сотворил птиц

Аллах сотворил птиц,
Чтобы охраняли поля,
Чтобы радовали жнецов,
Любили тебя, земля.

Аллах сотворил птиц,
Чтобы охраняли поля,
А пенье среди ветвей
Заворожило леса.

Аллах сотворил птиц
Из солнца и голубизны,
Чтобы умершие верили,
Что будут воскрешены.

Перевод М. Курганцева

Взгляд

Небо бездонное над головой,
В целой вселенной четверо нас –
Свет, любовь, смерть, я.

Ночь опустилась чёрным шатром.
Мы во вселенной остались втроем –
Любовь, смерть, я.

В сердце глухая вселилась тоска.
Теперь во вселенной мы только вдвоем –
Смерть, я.

Перевод М. Ваксмахера

Тебе от меня

Что может остаться тебе от меня
Когда я уйду
Раздумья мои
Но они принадлежность ума
Цветы ли возвращенные мной
Но они принадлежность природы
Творенья быть может мои
Но они принадлежность землян
И даже дыханье моё
Целиком принадлежность Свободы

Но тебе от меня
Любовь моя может остаться
Никому не принадлежащая
Она твоя.

Перевод А. Ибрагимова

ТОФИК МЕЛИКЛИ

БЕСЕДЫ С ДАГЛАРДЖА В «ВАГОНЕ» О ПОЭЗИИ, ЖИЗНИ...

Говорят, что жизнь – интересное приключение..., но такое, которое делает ее прекрасной.

В.Шкловский

Как было отмечено выше, впервые с Дагларджа я встретился в 1969 году в Москве, куда он был приглашен для участия в торжествах, связанных с юбилеем А. С. Пушкина. До этого мы с ним три года переписывались. Наше знакомство превратилось в настоящую дружбу во время его поездки в Советский Союз и продолжалось до ухода Дагларджа из жизни в 2008 году. Много лет, как только я попадал в Стамбул, первым делом набирал номер его телефона и слышал знакомый голос Фазыла Хюсю Дагларджа:

– Это ты? С приездом! Жду тебя в «Вагоне».

Я садился на паром, направляющийся в азиатскую часть Стамбула, в Кадыкёй, где почти у самого берега Мраморного моря с конца 70-х годов жил Фазыл Хюсю. Он переехал сюда из шумного, светливого «европейского» Аксарая. Здесь, в Кадыкёе, сам воздух которого заполнен отголосками прошедших веков, в тишине, нарушаемой лишь мерным и неумолкаемым шумом прибоя, поэту дышалось свободнее и работало спокойнее.

Сойдя на берег, пересекал площадь, на которой толпилось множество автобусов, поскольку здесь конечная стоянка многих маршрутов, и оказывался у входа в кафе с неожиданным названием «Вагон».

Внутри кафе вполне соответствует своему названию. Уходящее вглубь узкое и длинное помещение с полукруглым потолком в самом деле создает впечатление, будто ты попал в вагон поезда. Не хватает только купе и вторых полок.

Дагларджа и Тофик Меликли. Стамбул.1998г.

Впрочем, «Вагон» – это не кафе в привычном понимании, а скорее клуб, где можно просмотреть свежие газеты, поиграть в тавлу – нарды, бридж, посмотреть телевизор. В самом центре стоит большой бильярдный стол, вокруг которого всегда много народу. А в нижней части «Вагона», то есть у входа, обычно собираются люди, страстно о чем-то спорящие. Это в основном писатели, журналисты, художники; те, кого называют людьми свободных профессий. После переезда в Кадыкёй Фазыл Хюсю сделался завсегдатаем «Вагона».

Именно с того времени кафе стало местом встреч и горячих дискуссий творческой интеллигенции.

Здесь необходимо сделать оговорку, что такие кафе, как «Вагон», играли и по сей день играют важную роль в культурной жизни Стамбула. У многих поэтов, прозаиков, художников, музыкантов есть свои излюбленные места, где они регулярно собираются, обмениваются новостями, делятся впечатлениями о новых книгах, знакомят собравшихся со своими последними творениями, спорят о «текущем моменте». Нередко в таких кафе зарождались идеи создания новых литературных изданий, составлялись литературные манифесты, возникали поэтические школы. Для многих эти кафе служили местом работы. Так, в 40-е годы в кафе «Мюсеррет» готовили очередные номера журнала «Йуруйуш» тогда ещё совсем молодые Рыфат Ылгас, Хюсаметтин Бозок, А. Кадир и Омер Фарук Топрак.

«История стамбульских кафе – это история современной турецкой литературы», – утверждает в своих «Книге о кафе» и «Бейоглу, Бейоглу!..» поэт и критик Салах Бирсель. И в самом деле, так и останутся загадкой многие факты биографии и творчества Саида Фаика, если не знать о событиях, которые имели место в кафе «Эпталлафос» и «Чичек пассажи», трудно понять творческую деятельность Орхана Кемала, если не окунуться в атмосферу кафе «Икбал», а с кафе «Нисуаз» связаны многие тайны жизни и творчества Орхана Вели...

Таким кафе в жизни Фазыла Хюсю Дагларджа стал «Вагон». Почти ежедневно после обеда он приходил сюда, где его ждали друзья, молодые поэты, писатели, журналисты и просто почитатели его таланта. Здесь, в «Вагоне», у него зародилась идея издания «Журнала турецкого языка», редактировать который он попросил Ахмеда Мискиоглу; здесь была достигнута договоренность с руководителями издательства «Инкилаб» об издании томов собрания сочинений Фазыла Хюсю...

Мы сидим за столиком у окна и беседуем с Дагларджа о поэзии, о природе искусства, о событиях, происходящих в наших странах, просто о жизни. Эти беседы «длиной» около сорока лет, потому что они начались ещё в июньские дни 1969 года, когда Фазыл Хюсю Дагларджа впервые приехал в Советский Союз. Эти беседы продолжались и в наших письмах, и во время неоднократных встреч в Москве и Стамбуле. Я уже говорил, что темы наших бесед не были ограничены какими-либо рамками, мы говорили обо всем, что нас волнует и интересует. Но была все же в наших беседах одна главная тема, к которой, подобно тому, как все дороги ведут в Рим, сводились и все наши разговоры с Фазылом Хюсю Дагларджа. Это была тема Поэзии. И «повинен» в этом был сам Фазыл Хюсю, который не мыслил себя вне поэзии, а поэзию вне себя. «Так что же такое поэзия?» – спрашивал я поэта.

– Это моя жизнь, которая полностью, без остатка подчинена служению ей. Поэзия – суть и смысл моего существования. В детстве мне казалось, что люди ходят в школу лишь для того, чтобы научиться писать стихи. И сегодня, когда мне уже много лет, я все еще пребываю в уверенности, что живу на земле ради поэзии. Иногда мне кажется, что если бы до меня не знали ничего об Аллахе и Поэзии, то я непременно придумал бы их... Время от времени раздаются голоса, что современный человек стал равнодушнее к поэзии, а это значит, что рано или поздно ее ожидает отмирание. Но это неправда. Поэзия исчезнет лишь с исчезновением последнего человека на земле. Она, поэзия, вечна, как вечны Аллах и Любовь.

– Что же в этом случае составляет основу поэзии?

– Искренность и образность – вот две ноги, два столпа поэзии. Без них поэтическое искусство немыслимо.

Напоминаю поэту его высказывание о том, что «лиризм и образность делают поэзию поэзией».

– В этом нет никакого противоречия, – возражает Фазыл Хюсю. – Искренность включает в себя и лиризм, больше того, искренность лирична сама по себе. Это особенно наглядно проявляется в наш суровый и жестокий век.

Фазыл Хюсю много экспериментировал, он был в постоянном поиске новых форм построения стиха, новых способов выражения. Он непрерывно совершенствовал свою поэтическую речь, отшлифовывая все грани слова с усердием гранильщика алмаза. Чем вызвано такое пристальное внимание Дагларджа к проблемам поэтического языка?

– Поэзия прежде всего искусство слова. В ней важно не столько то, что сказано, сколько, как сказано. В нашей народной поэзии есть такое двустишие: «На лике твоём следы взглядов; кто же посмотрел на тебя, любимая?» Прошло много столетий, но этот маленький шедевр и сегодня поражает своей выразительностью. Поэзия не похожа ни на один из видов искусства. Если музыка создается с помощью звуков, изобразительное искусство – посредством красок, то в поэзии слова являются не просто средством выражения, а самой ее сутью. Мастерство художника в том и заключается, чтобы найти нужное соотношение между словами.

– Не приведет ли это к превалированию формальной стороны произведения? И не повлияет ли на заданность содержания?

Выслушав мои вопросы, Дагларджа замечал с улыбкой:

– Нет, не повлияет. Потому что каждое стихотворение, независимо от меня, само определяет свою форму, свой язык, свою интонацию. Как это происходит? У меня такое ощущение, что внутри меня имеется какой-то круг, наподобие гончарного, на котором готовится то или иное стихотворение. А мне остается только прислушаться к себе и изложить все прочувствованное. Не скрою, иногда бывает так, что я сам удивляюсь рождению того или иного стихотворения.

– «Талант, – говорил Шолом Алейхем, – как деньги: если есть, то есть, если нет, то нет». Без таланта, без Божьего дара, конечно, нельзя стать ни поэтом, ни художником, ни музыкантом... Но достаточно ли одного таланта, чтобы достичь Олимпа?

– Тысячу раз нет, – отвечал Фазыл Хюсю Дагларджа. – Только талант, помноженный на трудолюбие, может принести успех. На своем веку я знал многих ярких, талантливых людей, взять хотя бы Камелладдина Каму; они не смогли себя выразить в литературе лишь потому, что не трудились, не оттачивали свой талант. Так и случилось, что, написав несколько хороших стихотворений, они сошли с литературной арены. Трудолюбие – это в первую очередь – продолжал Дагларджа, – активная работа мысли, причем мысли критической. Чтобы развить свой талант, недостаточно познать все то, что сделано в той области, в которой ты работаешь, необходимо еще критически осмыслить познанное. И еще – любой поэт, прозаик должен постоянно писать, чтобы научиться свободно обращаться со словом, чтобы

сократить до минимума дистанцию между собой и языком. Подобно скульптору, которому для придания камню нужной формы требуется отсечь от монолита тонны ненужного материала, так и поэту из огромного словарного запаса языка необходимо отобрать всего 100, 150 или 300 слов и с их помощью создать свой неповторимый мир. Мастерство художника в том и заключается, чтобы найти адекватную форму для выражения своей мысли, идеи. Вот почему необходимо постоянно трудиться, экспериментировать. В книге «Дитя и Аллах» есть стихотворение, в котором нет ни одного глагола. Написал я это стихотворение для того, чтобы проверить себя, свои возможности. Благодаря постоянной работе я довольно быстро научился находить нужный размер, нужную структуру, интонацию произведения.

– Часто молодые поэты обращаются к вам за советом. Что вы им говорите, какой даете им совет?

– Прежде чем приступить к сочинению своих оригинальных произведений, каждый наш молодой поэт должен досконально изучить опыт прошлого, опыт классической и народной литературы. Когда молодые поэты обращаются ко мне за советом, я им обычно говорю: если хотите быть настоящими мастерами, а не ремесленниками, вы должны сделать следующее: купите пятьдесят общих тетрадей, потому что наша традиционная поэзия имеет 50 размеров: 35 размеров аруза и 15 – хедже. На обложке каждой тетради напишите структуру одного из этих размеров. После этого заполняйте эти тетради стихами, сочиненными только размерами, указанными на обложке. Когда все 50 тетрадей будут заполнены стихами, принесите их мне. Я проверю, правильно ли вы использовали эти поэтические размеры. Если вы не до конца усвоили тот или иной размер, то придется заполнять еще одну тетрадь. И так будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнута цель, то есть пока не постигнете секреты всех размеров. После этого вы можете сжечь все эти тетради и сочинять свои оригинальные стихи. Выслушав эти советы, молодые поэты спрашивают: а зачем все это, ведь мы собираемся писать свободным стихом? В том-то и дело, говорю я им, чтобы владеть свободным стихом, вы должны знать все предыдущие поэтические системы, все размеры и формы; познав это, вы поймете, как трудно писать свободным стихом, который имеет не внешнюю, а внутреннюю гармонию, поймете, как внешняя сторона верлибра обманчива.

Эти советы Дагларджа основывались на его собственном опыте – как уже было выше отмечено, еще в военном лицее он поступил именно так, как советовал молодым поэтам. Многие годы он писал стихи с тем, чтобы в полной мере овладеть арузом и хедже. Только после этого Фазыл Хюсюню переходит к свободному стиху.

Фазыл Хюсюню Дагларджа отслужил в турецкой армии более пятнадцати лет. Говорят, работа накладывает свой отпечаток на характер человека, влияет на его образ мышления, на его мировоззрение. Что дала Фазылу Хюсюню служба в армии?

– Армия в первую очередь приучила меня к дисциплине, вернее к самодисциплине, научила требовательно относиться к своему времени, работе. Кроме того, служба в армии развивает в человеке наблюдательность, умение классифицировать явления и факты. Ты знаешь, офицер ежедневно должен проверять, насколько соответствует внешний вид его подчиненных уставным требованиям. Так вот, со временем у меня выработалась способность с одного взгляда определить, например, кто из солдат застегнул свою форму до конца, а кто нет. Кстати, при первом же чтении я без особого труда обнаруживаю недостатки вновь написанного произведения. С другой стороны, служба в армии, к сожалению, лишает возможности активного приобщения к западной, мировой культуре. Этот недостаток пришлось наверстывать после ухода в отставку.

– Вы были знакомы с Назымом Хикметом?

– К сожалению, нет. Я служил в армии. Редко бывал в Стамбуле. Очень хотел с ним увидеться, но не получилось. В 1937 году он был арестован... После этого власть

запретила все его книги. И вскоре мы получили приказ: срочно изъять все книги Назыма и сдать. Но я не хотел отдать его книги. Оставлять их в части тоже было невозможно, а отправлять по почте домой опасно. И вот тогда и состоялось мое ужасное «прощание» с Назымом – я до утра еще раз прочел все его книги, а потом сжег их. Это был для меня жуткий, мучительный поступок, который никак не могу забыть.

Проявляя большой интерес почти ко всем сторонам человеческого бытия, Фазыл Хюсюн Дагларджа как поэт редко обращался к такой важной теме, как любовь. В его огромном творчестве стихам о любви почти не нашлось места.

– Чем это вызвано? – спрашиваю Фазыла Хюсюн.

– В пору моей молодости, – говорит он, – любовные стихи доминировали в творчестве многих моих коллег-сверстников. В 30-е годы страницы литературных журналов и газет были заполнены исключительно такими, зачастую слабыми и даже примитивными сочинениями. Все это вызывало у меня протест, который со временем перерос в полное отрицание любовной тематики. И я решил для себя, что не буду писать стихов о любви...

И в самом деле, за редким исключением, Фазыл Хюсюн Дагларджа многие годы придерживался этого принципа. Однако в последнее время все чаще и чаще из-под пера поэта выходят произведения, которые смело можно отнести к интимной лирике. Появилась книга стихов «Обнаженная», готова к печати другая – «Быть влюбленным». Не означает ли это, что табу на любовную лирику снято?

– Да, в последние годы я написал немало стихов о любви, – вдруг прерывает молчание Фазыл Хюсюн Дагларджа. – Чего скрывать, уже в зрелом возрасте я пережил страшную любовную драму. Я тогда находился в таком состоянии, что, казалось, способен был на любую глупость, на безумие. Звуки музыки, даже самой примитивной, бросали меня в дрожь, я, можно сказать, физически ощущал боль и страдания собственной души. Не дай Бог еще раз испытать такое! Словом, я пережил прекрасную несчастную любовь.

– А разве несчастная любовь может быть прекрасной?

– Может. Как раз любовь со счастливым концом нельзя назвать прекрасной, потому что в таком случае разрушается любовь, которую мы создаем в своем воображении в пору влюбленности.

Не об этом ли говорил Дагларджа в одном из своих четверостиший-хайди:

*Едва-едва в тебя влюбившись,
Вдруг открываю для себя,
Что не тебя, как должно быть, люблю я,
Люблю в тебе свою любовь к тебе?*

Рассуждения Фазыла Хюсюн о любви перекликаются со словами Кафки, который говорил: «Я люблю даже не тебя, а мое, через тебя подаренное, бытие».

– Поэты, пишущие стихи о любви, – развивает свою мысль Дагларджа, – думают, что они выражают свои интимные чувства. Это ошибочное представление. Спустя некоторое время, когда я снова обращаюсь к стихам, посвященным конкретной женщине, я обнаруживаю вдруг, что они имеют к ней самое отдаленное отношение. Независимо от конкретного источника вдохновения, моя любовная лирика обращена к женщине, созданной лишь в моем воображении. Отсюда моя глубокая уверенность, что эти стихи способны сделать красивыми всех женщин, поскольку в них я обращаюсь ко всем женщинам одновременно...

Смелое заявление, не правда ли? Конечно, Фазыл Хюсюн Дагларджа, как свойственно многим поэтическим натурам, был не раз и влюблен, и любим. В его жизни были женщины, которые сыграли важную роль в его судьбе. Но он так и не женился. Я не решаюсь прямо спросить об этом Дагларджа, поэтому спрашиваю у него, что он

думает о семейной жизни вообще.

– Такая традиционная форма человеческих отношений, как семейная жизнь, со временем исчезнет. Потому что в ней заключен самый примитивный способ давления на свободу другого человека. Не может один человек быть связанным с другим человеком десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят лет... По сути дела, такой связи нет даже сейчас, однако люди, общество по инерции продолжают поддерживать изживший себя институт брака... Сегодня во многих семьях совместно влачат свои дни две отчужденности...

Свою долгую жизнь Фазыл Хюсю провел в одиночестве. Не утомительна ли такая свобода?

– Мое одиночество напоминает одиночество слов в словаре, – отвечает поэт.

В этом весь Фазыл Хюсю Дагларджа – художник, целиком посвятивший себя поэзии. Во время одной из последних наших встреч он так и сказал:

– Ради поэзии я готов пожертвовать всем, кроме двух пальцев и одного глаза: два пальца мне нужны, чтобы держать ручку, а один глаз, чтобы видеть, что я пишу.

В 1987 году, в связи с вручением Фазылу Хюсю Дагларджа премии Международной книжной ярмарки, проходившей в Стамбуле, известный турецкий поэт и критик Ахмед Октай писал: «Фазыл Хюсю Дагларджа издал свою первую книгу 50 лет назад. Разумеется, не этим объясняется величие поэта. Вместе с тем мы должны помнить его полувековую работу по неустанному обновлению турецкой поэзии. Фазыл Хюсю Дагларджа стал памятником еще при жизни...».

В словах Ахмеда Октая нет преувеличения. Еще при жизни Фазыла Хюсю Дагларджа улица, на которой жил поэт, решением властей была названа его именем, и там же ему поставлен памятник, а его дом был превращен в музей. Огромный талант, безмерное трудолюбие, совершенное мастерство, волшебство, рожденное словом, сделали поэта – гения одиночества – признанным классиком современной турецкой поэзии, великим поэтом современности.

Фазылу Хюсю Дагларджа присущ был постоянный поиск новых форм, новых средств выражения поэтической мысли, новой образной системы. К числу таких творений относятся стихи из книги «Хайди», некоторые из которых мы предлагаем вниманию читателя. Этот сборник вышел в 1968 году и состоит из 1244 четверостиший, названных поэтом «хайди». Это слово, имеющее много значений, может быть переведено на русский язык как «айда!», «ну-ка!», «вперед!» и т.д. На мой вопрос, почему поэт именно так назвал свои стихи, в одном из его писем я получил ответ: «Хайди – это приглашение к совместному путешествию. Этим словом мне хотелось пригласить своих читателей в чудесный и вечно загадочный мир поэзии...».

СТИХОТВОРЕНИЯ ДАГЛАРДЖА ИЗ ЦИКЛА «ХАЙДИ»

Работа – поцелуй

**Всякая работа – поцелуй.
Огонь целует руки кузнеца.
Руки дерева –
Небо.**

Коронованная печаль

**Голова петуха – коронована.
Голова вола – коронована.
У кого голова коронована –
Лишается головы.**

Ум

Ум –
Тревожный глаз,
Не защищённый
Веком.

Голод света

Дни –
Половины
Огромного каравая:
Еще есть, что кусать.

Две половины

Две половины есть у человека.
Одна уходит в черную землю,
Уносится в небо
Другая.

Умножение

Дважды два –
Четыре.
Я, помноженный на тебя, –
Бесконечность.

Резонанс

Кричу: – Эй!
Гора отвечает эхом.
Тишина –
Звучное эхо молчания.

Существование

Родившись однажды – живем,
Однажды, думать начав, рождаемся снова,
Чтобы узнать,
Зачем родились в первый раз.

Перевод Фазиля Искандера

Бог и я

Он в своём деле –
Поэт.
Я в своём деле –
Бог.

Похититель света

Я свет похищаю
У черных ночей,
Когда
Пишу стихи.

Чёрная любовь

Это не тёмная ночь,
А мысли мои о тебе
Поджидают
У твоих дверей.

Всех тяжелей

Бог на весах
Взвесил все слова
И удивился –
Всех тяжелей была Любовь.

Перевод Тофика Меликли

Тщетно

Они пытались убить меня
Но не знали
Что нельзя предать смерти то,
Что живо тысячи раз.

Уподобление

Любовь подобна птице,
Слетевшей с ветки
Задолго до ночных
Ветров холодных.

О смерти и бессмертии

С любви к тебе
Начинается путь к бессмертию
С невозможности видеть тебя
Начинается смерть.

Перевод Ильхама Бадалбейли

АДАМ ИСМАИЛ БАКУВИ

АНГЕЛ ЛЮБВИ

Роман

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

*Любовь, которая не крепнет с каждым днем,
с каждым днем погибает.*

Халил Джебран

Дорогой читатель, эта реальная жизненная история вызовет в тебе как гнев, так и сострадание, как любовь, так и ненависть. Потому постарайся суметь оправдать невиновных, не забывая о том, кто виноват в первую очередь. Это окажется наибольшей справедливостью с твоей стороны.

ГЛАВА 1 РУКОПИСЬ

В нотариальной конторе кабинет директора от кабинета девушек-операторов отделяла широкая стеклянная перегородка. Сулейман заведовал этой конторой уже восемь лет, уже восемь лет выполнял здесь монотонную работу. Каждое утро созывал девушек (за эти восемь лет состав, естественно, несколько раз обновлялся) на утреннюю летучку, затем девушки заступали за свои рабочие места, а Сулейман в своем кабинете просматривал сайты (раньше это были газеты), пил чай, что приносила секретарша, названивал друзьям, подписывал документы, которые приносили девушки, принимал подателей заверенных документов. Вечером работа подходила к концу, он шел домой пешком через площадь Фонтанов, поглядывал на прохожих, присматривался к ним. Оценивал детально их одежду, манеры и, судя по всему этому, прикидывал где они могли бы работать, из какого они района, какой у них характер, семейные они или нет, каково их социальное положение. Затем Сулейман оказывался дома, рабочая и уличная рутина сменялась домашней рутинной. Жена ставила перед ним еду, непременно просила денег на какие-то нужды, принималась обсуждать счастья и несчастья родственников и знакомых, будь то поминки, будь то свадьбы. А Сулейман отделялся всякими «ну и ну», «вот как», интересовался уроками дочери, смотрел телевизор, а затем отправлялся спать. А иногда по воскресеньям приходили гости или они сами отправлялись провести близких. Сам он называл эту рутину так: «Работа и дом – вот так и живём».

Сегодня всё шло по заведенному порядку. Секретарша Зумруд принесла чаю, наполнила сахарницу конфетами. Сулейман, попивая чаю, прочел на haqqin.az новости о политике, культурную хронику на портале «Литература и искусство», а потом стал просматривать спортивные новости на komanda.az. В эту минуту за стеклянной перегородкой послышалась шумиха, он увидел, что хочет войти какой-то бородатый молодой человек, а секретарша ему говорит: «Сулейман-муаллим принимает только по работе». Он только хотел встать, пройти в соседнюю комнату и принять молодого человека по правилам приличия, как тут этот визитер ворвался внутрь.

Это самовольство и наглость молодого человека привели его в раздражение, несмотря на всегдашнюю сдержанность, сейчас он эту сдержанность потерял.

– Молодой человек, что за самовольство? Что за невоспитанность? Раз тебе говорят, что заходить нельзя, значит, нельзя. Не надо сюда заявляться со своими дикарскими повадками.

Молодой человек растерялся от этой атаки, зажал под мышкой кипу бумаг, что держал в руке, и тихо сказал:

– Я ваш земляк, из села Баят.

Услышав название родного села, Сулейман несколько смягчился, даже растрогался, но не стал подавать виду:

– Да, ты мой земляк, но это не дает тебе права устраивать тут бардак. Ты готов на голову нам лезть. – Затем Сулейман стал приди раться к бороде гостя. – Что за вид? У тебя нет денег на бритву?

Сулейману хотелось продлить эту дистанцию, но интерес взял верх, он спросил, из какого рода парень, и этот вопрос тут же привел гостя в чувство.

– Я сын Бабаша. Вы уехали из села еще в молодости, я знаю, приехали в Баку учиться. Мой отец старше вас на десять лет, вы, наверно, еще помните его. Но мать мою Сугру должны знать точно. По материнской линии я прихожусь вам родственником. Моя бабушка Пергу и ваша тетка по отцу – двоюродные сестры.

Сулейман всё думал и думал, но вспомнить этих людей не смог. И, наконец, обратился к гостю:

– Ладно, изволь сказать, зачем пришел?

– Я Эльгюн Баят, – представился парень. – Молодой писатель. Написал новый роман. Вот он, – сказал гость, положил на стол бумаги и продолжил речь. – Хочу, чтобы вы как мой земляк помогли мне в издании книги, стали спонсором. Иначе я не в силах этого сделать.

Сулейман бросил взгляд на титульный лист, увидел слово «Проститутка». Его будто молнией ударило, он тут же вскочил:

– Что за бескультурье? Ты почему такие слова пишешь?

Парень стал божиться, что это название романа, и в этом слове нет никакого бескультурья. «Проститутка» входит в лексику языка и не относится к жаргонным и вульгарным словам. Сулейман стал возражать, но парень стоял на своем, никому не удавалось переубедить другого.

На мольбу парня Сулейман отрезал: «Не стану вкладывать ни маната в книгу с таким названием». Но потом прочел три абзаца, ему стало интересно, и он пообещал, что ознакомится с романом дома.

Он обернул титульный лист, чтобы слово «Проститутка» не лезло в глаза, и жена с дочерью не видели неподобающего.

По пути домой он по обыкновению присматривался к девушкам и женщинам на площади Фонтанов, а книга под мышкой будто обжигала тело.

Легкие, вызывающие раздражение манеры молодых девушек погрузили его в думы. Он задумался о глобальных мировых процессах, задумался об Азербайджане. Взаимная интеграция народов в итоге вела к отпаду от нравственных корней, отдаляла от обычаев и традиций. Такие национальные ценности, как честь и непорочность, тоже подвергались ударам. Он задумался о том, как расплодилось в стране проституция. Чуть присмотревшись, можно было легко заметить вокруг женщин с грубыми и распущенными манерами, с силиконовыми губами и грудью, с сигаретой во рту, одетых в облегающие рейтузы, или тех, кто, якобы щеголяя в мини, вульгарным образом выставлял на всеобщее обозрение обнаженные ляжки.

Он впервые осознал, как возросло количество таких женщин. За последние годы официальная статистика по стране показывала резкий рост числа разводов. Он подумал, что причина разводов связана также с этим падением нравов.

Дойдя до дому, он ощутил слабость и апатию. Аппетита тоже не было. Он выпил стакан чаю и лег в постель. Сна ни в одном глазу. Когда уснула жена, он взял в руки роман, который лежал на прикроватном столике. Виновато и спешно перевернул страницу с названием «Проститутка» и начал читать со следующей страницы.

ГЛАВА 2 ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ЗЕРКАЛОМ

Зеркала будто бы разбираются в людях. Отражают радостного, счастливого человека одним образом, а человека печального, горестного – другим. Это большое зеркало в полный рост на стене коридора сияло, отражая зажженную в гостиной люстру. Но настроение зеркал определяют не вещи, а люди. Человека, который сейчас не заметил бы, что в зеркале угнездилась печаль, можно было бы назвать человеком бесчувственным. Ибо тридцатидвухлетняя женщина, стоящая напротив зеркала – Улькяр, была печальна, готова пролиться, как облако дождем. Порой слезы стекали у нее из глаз и катились по щекам вниз, на грудь.

Она уже второй день находилась у Него. В доме человека, даже имя которого она не осмеливалась произносить, человека, которого при беседе называла «Ты», а при мыслях о нем «Он». Он улетел на сутки в Дубай в связи с неотложным решением одной проблемы своей консалтинговой фирмы в Дубае, должен был вернуться утром, а Улькяр он поручил подумать о своем предложении и вынести вердикт: согласна ли она впредь жить вместе с Ним?

«Хочу, чтоб ты дала согласие стать моей женой, и чтоб я стал отцом твоей дочери».

Эти слова на экране мобильного после звука поступившего сообщения взволновали Улькяр, унесли ее далеко-далеко. По сути ее сердце жаждало этих слов, но ведь она этого совсем не ждала. Эти слова сверкнули молнией в ясном небе и принесли с собой ливень.

На первый взгляд нет ничего проще, чем сказать «да», всего-то две буквы, их можно произнести менее, чем за секунду. Однако порой произнести эти две буквы сложнее, чем выговорить миллион букв, а иногда и вовсе невозможно.

Часы показывали семь часов вечера, Он должен появиться завтра в квартире примерно в 11 часов утра. Ровно через шестнадцать часов.

По сути шестнадцати часов немало для принятия решения. Но для Улькяр этого было мало, она прожила ровно тридцать один год до сегодняшней даты – до 24 мая 2017 года, теперь ей предстояло перебрать в памяти все эти годы, еще раз обдумать все свои ошибки и правильные поступки, еще раз слиться с горем и печалью и заново пережить всю ту боль, что причинили ей другие. Умереть просто, это случается лишь раз, и ты навеки избавлена от всех мучений. Но Улькяр умирала каждый день, это повторялось сотни и тысячи раз.

Ей даже во сне не привиделось бы, что она встретит Его в Дубае, она никогда этого не ждала, не желала. Да, раньше она постоянно о Нем думала, справлялась у знакомых, знала, как Он обустроился в жизни. Порой даже мечтала о нем, скучала. Особенно утешалась его существованием находясь в пучине обманов и оскорблений. Но в последнее время даже представить не могла, что они хотя бы раз встретятся. Интересно, почему судьба предначертала Улькяр встретиться с ним в Дубае? Эта мимолетная на первый взгляд встреча перестала быть мимолетной, подвигая Улькяр уже в который раз внести коррективы в свою жизнь. А теперь от нее требовали, требовали сказать «да». Он написал из аэропорта, написал: «Твердо решил стать тебе верным супругом, стать Айлин отцом, обдумай всё и ответь мне, когда я завтра вернусь домой».

Вот и всё.

Он написал «ответь» и ждал, думая, что всё так просто.

Но ведь не получается ответить. Придется распутать клубок, запутавшийся на протяжении всего этого тридцати одного года, взвесить все правды и кривды и объяснить всё Ему.

И самое страшное, имелось одно ужасное обстоятельство, та правда, которую Улькяр не могла бы от него скрыть, и даже если попыталась бы, то ей пришлось бы чувствовать постоянные угрызения совести, правда, которая не дала бы ей жить спокойно и счастливо. Для этого чистого, искреннего, простого человека Улькяр – красивая женщина, мать, которая после развода жила вместе со своей дочерью Айлин. Он хотел, чтобы эта женщина стала верной его спутницей, супругой. Но Улькяр совсем другая, не такая, как прежде, ее уста, твердящие о чести и достоинстве, обманывали других, но себя она обманывать не могла. Улькяр – проститутка, и, стена под тяжестью этого клейма, должна стать Его женщиной.

Ладно, даже если отбросить всё в сторону, не станет ли она терзаться, когда, идя с Ним в обнимку по улице, случайно встретит одного из сотни тех мужчин, с которыми имела связь, и увидит его насмешливый взгляд? И не станет ли такой вот мужчина считать ни в чем не повинного Его «мерзавцем» и «нечестивцем»? А что, если Он в самые счастливые мгновения их совместной жизни, после того, как она подарит Ему и ребенка, разузнает о прошлом Улькяр и положит всему конец? Всё может быть, может, один из тех мужчин, с которыми она спала, Его друг, знакомый, сосед или родственник. У Него много контактов, он дружит и общается с сотнями самых разных людей, вдобавок ведет большие дела, если приплюсовать к этому еще и всех родственников, то картина становится абсолютно ясной. Разве прошлая жизнь Улькяр случайно не обнаружится в общении с такой массой людей?

Допустим, ничего не подозревающий Он ставит на экран телефона фотографию жены, то есть ее. А во время застолья один из друзей, увидевший фотографию, говорит: «У тебя губа не дура, это – шлюшка Улькяр, шикарная штучка, давай вызовем ее, и она ублажит нас двоих сразу?» Или говорит совсем иначе: «Как тебе не стыдно, я слышал, что ты женился, а сам ставишь на телефон фото проституток, что скажет твоя жена, если увидит?»

И что с Ним тогда станет? Какое унижение Он испытает?

Конечно, когда Он узнает, что Улькяр в прошлом была проституткой, не простит ее даже если у них прочная семья и рожден ребенок, выгонит из дому, выгонит, покрывая проклятиями, самыми грязными словами. И уже в который раз Улькяр рухнет замертво.

Ей предначертано судьбой, глядя на себя в зеркале в полный рост, видеть в этом зеркале, как киноленту, свою тридцатиоднолетнюю жизнь.

Экран мобильного телефона, который она держала в руках, стал скользким от выступившего на ладони пота, но всё еще продолжал показывать неумолимый ход времени.

Часы показывали 19:27.

ГЛАВА 3 В ПУЧИНЕ БЕСПОКОЙСТВА

Досюда Сулейман читал роман с большим интересом. Но его начало клонить в сон. Веки тяжелели и хотели закрыться. Он отложил роман в сторону... Посмотрел на Заррин – супругу, мирно спящую в кровати. Чистый, светлый лик Заррин придавал ей божественную красоту даже во сне... Лунный луч, падающий из окна, будто говорил вместо Заррин, повествовал о женской святости.

Сулейман задумался о женской непорочности... Задумался о том, какая это высшая честь быть стыдливой и верной женой, и насколько же прекрасно быть отцом, братом, мужем такой женщины. Задумался о том, какое счастье быть ребенком такой женщины.

И... вдруг его мысли устремились в совершенно противоположном направлении. А каково это быть родственником проститутки? Быть лишенным света, присутствующего непорочной женщине. Перед его глазами ожили два цветка: ароматная свежая роза с каплями утренней росы, и еще один цветок – помятый, несвежий, отломанный бутон...

Ужасные мысли овладели его сознанием. Способна ли его Заррин изменить ему? Перед рассветом этот вопрос подмял под себя его душу. Изменяла ли ему Заррин?

Откуда же взялся этот бородатый парень в его тихой и спокойной, лишенной волнений жизни?

С чувством отвращения он взял за край кипы бумаг и швырнул на пол. От этого звука даже заворочалась Заррин в постели. Он принял решение не дочитывать роман, он вызовет парня и скажет: «Забирай свой мусор и уходи».

По дороге на работу он утвердился в неотменимости этого своего решения.

Он прошел в свой кабинет, но почувствовал и сам, что странные мысли не знают удержу. Он внимательно присматривался к девушкам-операторам, к секретарше, искал в них признаки Улькяр... Его мысли кружили и кружили, но снова возвращались к роману, и ему не терпелось продолжить чтение с того места, где он остановился. К обеду понял, что нарушит данное себе обещание. Понял, что эта кипа бумаг влечет его, как наркотик. Он за это время потянулся пару раз к роману, хотел продолжить, но работы оказалось много, от обилия клиентов не продохнуть. Сулейман дождался скорейшего окончания рабочего времени, чтобы вернуться домой и продолжить чтение...

Он чувствовал себя как-то неуютно, нервничал. Вспоминал девушек из района, одноклассников, студенческих товарищей. Перед его глазами одна за другой вставали девушки, опозорившие свое имя. Интересно, думал он, сможет ли этот роман помочь ему отвлечься от беспокоящих его вопросов, помочь нашему народу избавиться от этой напасти? Он думал, если поверит после прочтения романа тому, что всё тут написанное действительно возымеет эффект, то пригласит молодых, талантливых писателей, проведет с ними дискуссию, призовет их помочь народу в борьбе с этой актуальной проблемой, этой трагедией. Он думал, что мог бы встретиться и обсудить этот вопрос и со своим преподавателем-аксакалом, читавшим ему лекции по социологии, с друзьями-депутатами... Может, удастся создать организацию, которая всколыхнет всё общество, и подготовить программу по поводу того, какие шаги стоит предпринять.

Придя домой, он тут же поужинал... Немного побеседовал с Заррин ханым об учебе своих дочерей и прошел в свой кабинет. Взял роман и лег на диван.

ГЛАВА 4 «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ»

Детские воспоминания настолько робки, настолько стыдливы... Говоришь о них и всегда рдеют щеки.

Их дом в центре района был двухэтажным, с цоколем. На первом этаже кухня, гостиная, баня, а на втором – спальные комнаты. Одна комната отца и матери, вторая брата, третья ее и сестры, а четвертая предназначалась для гостей. Сестра Лейли была младше Улькяр на два года, а брат Хаял старше на два.

Комната Лейли и Улькяр располагалась в самом углу. Их кровати стояли рядом, Лейли в детстве боялась темноты и потому по ночам, ложась спать, всегда держала сестру за руку. Семья у них была состоятельная, но игрушек имелось мало, отец не считал нужным тратить на «безделушки». Всё, что имелось из игрушек, – паратройка резиновых фигур животных, которые пищали, если нажать: мышка, собачка, лисичка, лошадка...

Каждый раз, видя кукол соседских девочек, они чуть ли не плакали, упрашивали у мамы таких же кукол. Однажды мама, оставшись в безвыходном положении, сшила человеческую фигурку из лоскутов старого матраса, приклеила волосы из веревки и дала дочкам взамен настоящей куклы.

Комната девочек была единственной комнатой в доме, где не имелось окон. И неспроста. Улькяр ребенком часто жаловалась матери: «Почему в нашей комнате нет окна?» Ответа от матери получить не удавалось, но по отношению отца к ним она многое понимала.

Ее отец Мурват, всеми силами пытающийся доказать, что дочерей по мере их взросления во что бы то ни стало следует уберечь от опасного внешнего мира, не давал дочкам продохнуть. Запреты день ото дня становились всё суровее: «Не ходи по тем улицам, не распускай волосы, не смейся и не разговаривай громко». Стоило девочкам вернуться из школы всего на десять минут позже, как дома закатывался скандал...

Работавший начальником полиции района Мурват дома проявлял такую же жесткость, как на работе, жители района знали его как безжалостного, жестокого человека, никто не называл его по имени, все звали его по фамилии – Галандаров. Даже жена Зохра звала его по фамилии. Когда шалили дети, лучшим средством их осадить оказывалась фраза: «Пожалуюсь на вас Галандарову».

Улькяр по мере взросления не могла больше обращаться к нему со словом «отец», ведь в этом слове содержалось столько близости, доброты и тепла... В сознании Улькяр слово «отец» никак не вязалось с этим жестким и грубым человеком. Со временем и для нее отец стал Галандаровым.

Как только Улькяр стала девушкой, в их дом принялись стекаться сваты.

Тракторист Самед.

Бухгалтер Аршад.

Учащийся в институте сын вдовы Бикя.

Содержащий магазин сын Полада...

Красота Улькяр не знала себе равных. Стать, формы тела, черты лица – всё гармонировало. Каштановые волосы, большие глаза, пухлые губы придавали ей особую красоту. Она была смугловатой, походила на мать, отличалась от светленькой сестры, походившей на отца. Лейли не обладала даже десятой долей красоты Улькяр, но, тем не менее, и она выглядела мило.

Сестры отличались и своим отношением к учебе. Лейли училась с рвением, ей нравилось ходить в школу. А Улькяр ленилась заглядывать в книги, отметки ей ставили только из-за страха перед Галандаровым.

Сестры ходили друг на друга в одном – страстью к телесериалам. При первой же возможности они сбегали в зал на первом этаже и усаживались перед телевизором. Когда мать, врач в районной поликлинике, находилась на работе (отец, тот вообще редко появлялся дома), у девочек случался настоящий праздник. Они смотрели латинские сериалы «Богатые тоже плачут», «Гваделупа», турецкий «Запретная любовь», не упускали и местный сериал «Я тебе верю», случалось так, что проводили за телевизором часов пять подряд. Сцены любви и измены, покоя и страданий, счастья и несчастья пленяли их только-только формирующееся отношение к жизни. «Для чего живет человек?», «За что он борется?», «Чего хочет достичь?» – всё это сестры постигали благодаря сериалам.

- Сестра, как думаешь, чего не хватало Амине в семейной жизни?
- Всего хватало.
- Тогда почему она изменила Гамиду?
- Потому что плохим оказалось родительское воспитание.
- То есть, окажись воспитание хорошим, она бы того не сделала?
- Конечно.

Между ними часто случались подобные диалоги. Лейли бесперебойно задавала вопросы Улькяр, а та как старшая сестра отвечала на эти вопросы.

Главным исполнителем «гестаповского режима», назначенного отцом своим дочерям, являлся его сын, то есть брат сестер. Первенец семьи Хаял по поручению отца не давал сестрам никакой поблажки, не спускал с них глаз в школе, требовал, чтоб они ходили в школу вместе. Детей в школу отвозил водитель, даже если у одной из девочек уроки заканчивались раньше, она не имела права в одиночку и пешком вернуться домой, ей приходилось дожидаться брата и сестру, чтобы их привез домой водитель.

Порой Хаял обвинял девочек без всякого на то обоснования, тем уже совсем надоели фразы: «Почему тот мальчик посмотрел на тебя?», «Почему ты там стояла на виду у мальчиков?» Хаял неоднократно им повторял: «Смотрите у меня, не дай Бог в кого-нибудь влюбитесь, я вам глаза выколю».

Когда Хаял окончил школу, мучений у девушек поубавилось. Хаял поступил в Баку в Полицейскую академию и тем самым забрал с собой большую часть страхов сестер. Галандаров в свое время купил поблизости от станции метро «Гянджлик» двухкомнатную квартиру, где и начал жить Хаял.

Дорога с рытвинами всегда привлекательна для тех, кто ищет приключений.

Для Улькяр любовь обладала особым значением, любовь, которую проживали в сериалах, забирала ее в дивный мир, ее притягивала своим волшебством любовь – высший дар в этой жизни. Сцены с поцелуями в зарубежных сериалах воспламеняли ее сердце, будоражили душу, в отличие от сестры, которая в такие минуты стеснялась и отворачивалась, Улькяр вся во внимании и с бесконечным трепетом досматривала сцену до самого конца, не моргнув ни разу.

Улькяр ждала своего принца на белом коне, с нетерпением дожидалась того дня, когда избавится от диктатуры Галандарова, нанесет на лицо косметику, укоротит волосы, оденется в мини-юбку. Улькяр жаждала свободы, жаждала вольной жизни, когда сможет жить по своему усмотрению. Избавиться бы от этого постылого существования, когда она даже дышит по разрешению отца-тирана... Что может быть прекрасней?

От соседки тети Маруси, супруги дяди Бербада, она частенько слышала одну присказку. Тетя Маруся часто повторяла: «Запретный плод всегда сладок».

И, казалось, в жизни действительно так, дети всегда рвутся к тому, что им запрещено.

Классом старше учился мальчик по имени Руфат. Он всегда при встрече смотрел на Улькяр во все глаза...

Его мать Софья ханым работала в школе учительницей математики. Она пользовалась уважением в школе. Руфата до девятого класса все называли сыном Софьи ханым, но уже в девятом классе всё стало иначе.

После того, как Руфат взял первое место на Общереспубликанской математической олимпиаде в Баку, он настолько прославился в школе, что уже Софью ханым стали называть мамой Руфата. Быть объектом внимания Руфата вызывало гордость. Он был не только красив, но и умен.

Она сама не поняла, с какой минуты стала скучать по тому взгляду. Притянуть чье-либо внимание прекрасно, и вдвойне прекрасно, когда кто-либо тобой восторгается.

Да, одноклассники тоже в нее влюблялись, Улькир знала, по крайней мере, трех таких ребят. Но отчего-то она встретила довольно равнодушно чувства одноклассников-одногодок, однако внимание Руфата будоражило ее, завладело всеми ее чувствами. Однажды в школьном коридоре Руфат подошел к ней:

– Задержись после школы, хочу с тобой поговорить.

У Улькир дрогнул голос. Она проговорила с сожалением:

– Не могу, брат должен зайти за мной.

После этих слов Руфат оглянулся вокруг и, уверившись, что никто за ними не наблюдает, проговорил робким голосом очень сладкие слова:

– Ты мое восходящее солнце. Я тебя люблю.

Будто небо прогремело, сверкнула молния. Будто взметнулся ветер и стал гнать перед собой всё, что было вокруг. Будто ливень пролился и потопил всё водой. Какие прекрасные слова, эти слова «я люблю тебя» – такие волшебные, чудесные, необычные, они уносят тебя далеко-далеко.

Улькир застыла, как статуя. Да, она знала, что Руфат к ней небезразличен, но, честно говоря, не ждала от него такого скорого любовного признания. Вдобавок все считали Руфата холодным и предельно рациональным, так как тот только и делал, что занимался учебой, проявлял интерес к техническим наукам. Откуда в нем такая эмоциональность, романтика? Всё это оказалось так неожиданно.

Она не нашлась, что ответить. Встретив взгляды одноклассниц, спешно отдалась от Руфата. С того дня она стала называть Руфата про себя «мой милый». Она вложила в эти слова всю свою нежность, стала считать себя самой счастливой.

Она не находила себе места, ощущала себя в каком-то совсем ином мире. Будто шла не по земле, а по облакам... Ей и облаков было мало... В своих грезах она уходила дальше в небо, ступала среди звезд... Для Улькир весь мир окрасился в яркие цвета. Жить стало столь прекрасно, что она упивалась каждым мигом.

Однажды Руфат подарил ей брелок с изображением сердечка. Улькир видела в этом красном сердечке слившееся воедино сердце их обоих. Она не выпускала брелок из рук (в дальнейшем Руфат станет постоянно дарить ей розы...)

А в один прекрасный день к Улькир прибежали девочки и сказали, что Софья ханым в учительской, хочет с тобой поговорить. Улькир шла туда вся в волнении, робея. Хорошо хоть они в учительской были лишь вдвоем, без посторонних.

– Здравствуй, доченька.

– Здравствуйте, Софья ханым.

– Сама знаешь, Руфату ты очень нравишься. Верно, вы пока еще очень молоды.

Сейчас вы в том возрасте, когда следует учиться и думать о будущей карьере. Но Руфат такой феноменальный мальчик, он отлично знает, что и когда следует делать. Я не могу вмешиваться и упрекать его, говорить, что любить пока рано. Послушай, доченька, я, с одной стороны, не в восторге от того, что вы любите в этом возрасте, а с другой, не обижайся, не очень-то желаю становиться родственником с вашей семьей. Мать твоя – хороший человек, а отец – нет. Повторю, не обижайся, всем в районе известно, что за человек Галандаров. Он делает, что заблагорассудится, а спросу с него никакого. Несмотря на всё это, я далека от мысли вмешиваться в выбор своего сына. Семью создаете вы, Улькир с Руфатом, а не Софья с Галандаровым... Я вызвала тебя сказать, что чувства моего сына очень чисты. Ты еще ребенок, не ведаяшь, сколь жестка и жестока жизнь. Порой даже не представить, кто какого поля ягода. Из культурных, воспитанных на первый взгляд семей выходят такие невоспитанные, бесчестные дети... Девушка, выходя замуж, никогда не знает наперед, окажется или нет ее муж наркоманом, алкоголиком, картежником, изменником. И парень не знает наперед, какие дела вытворяла его жена до брака, какая на ней вина. Всё это, доченька, – источник опасности для будущих семей. Но ты знаешь, что Руфат идеален, порядочен, чист, как кристалл. То, что тебя любит такой парень, – большое

счастье. Я благословляю тебя, хочу сказать, что Руфат настроен серьезно, а мы, родители, не стали играть его чувствами и приняли его выбор. Как только мой сын поступит в университет, я приду к вам просить твоей руки.

Почему в сей мир приходят плохие люди? Такие, как Галандаров? Как получается, что такие вот люди, сконцентрировав в себе все плохое, ставят табу перед всеми хорошими вещами и делами? Неужели их рождают те же матери? Зачинают те же отцы? Почему они, идя против заветов священного Корана, поступают нечестиво и несправедливо, не боятся прегрешить и навеки обречь себя на адские муки?

Улькяр еще не знала, что родной отец, о котором она так думала, завтра станет во сто крат хуже, сотворит еще большие прегрешения.

ГЛАВА 5 КОНЕЦ БЕЗЗАБОТНОГО ДЕТСТВА

В ту пору к Галандарову домой уже стали заявляться сваты. Когда Улькяр училась в одиннадцатом классе, эти визиты стали интенсивнее. Зохра часто усаживала Улькяр и Лейли перед собой, старалась привить им манеры поведения приличных девушек. При визите особ мужского пола следовало покинуть комнату, не смеяться и не разговаривать громко, не общаться с мальчиками в школе, не проявлять к ним интереса... Зохра хотела видеть дочерей такими же, как сама, врачами. Говорила: одна пусть станет терапевтом, другая – педиатром. Эта мысль тут же пришла по душе Лейли, эта девушка, которая полностью вложила в учебу, выписала из библиотеки немало книг по медицине и читала запоем. Но Улькяр слова матери не принимала всерьез, у нее не имелось никаких планов на будущее, точнее, планов по поводу специальности и профессии. Сейчас ее интересовал только Руфат и семья, которую они построят. Переехать в Баку, держась с мужем за руку, ходить на свадьбы, кино, концерты. Роскошные вечерние платья, прогулка по городу в мини-юбке, пользование косметикой... Улькяр уже набросала контуры будущей семьи. Естественно, она не собиралась учиться и работать.

Сулейман окликнул Заррин и попросил принести чаю. За то время, пока шла Заррин, успел спрятать роман. Подумал, жена всем интересуется, вот и этим романом обязательно заинтересуется, пролистает, непременно увидит заглавие текста со словом «проститутка» и закатит скандал. Он достал какие-то старые бумаги, бросил на стол и сделал вид, что занят ими.

Вошла Заррин с подносом, положила на стол стакан чаю, лимоны в розетке, сахарницу с шоколадом, бросила взгляд на бумаги, которыми был «занят» Сулейман. Ласково потрепала мужа по волосам и спросила, чем он так озабочен. А Сулейман с такой благодарностью прильнул к Заррин...

Как только Сулейман приступил к своему чаю, Заррин встала и бесшумно покинула комнату.

Сулейман еще раз задумался о женской святости... Когда они с Заррин были еще обручены, та за два года даже за руку ее взять не позволяла. Сулейман порядком расстроился, думая о том, что общество в этом плане постепенно деградирует... Подумал, что через лет двадцать, наверно, не останется таких женщин, как Заррин.

Он начал проводить параллели между Заррин и Улькяр. Как же отличаются своим мировоззрением эти две женщины. У одной на первом месте материальное благосостояние, у другой – моральные ценности. Но у него не получалось отложить роман раз и навсегда. Он тут же достал распечатку из ящика стола и продолжил жадно читать.

Улькяр собиралась стать домохозяйкой, воспитывать детей (она хотела мальчика и девочку, девочку она назвала бы Айлин, а мальчика – Эльвин), проводить свои дни в салонах красоты и торговых центрах, она была влюблена в жизнь певиц, актрис, моделей, которых видела по телевизору, как и они, собиралась ходить в фитнес-центры.

Она мечтала сидеть на мягком кожаном диване, попивать горячий кофе, болтать с подружками по телефону, вдоволь смотря свои сериалы по широкоэкранному телевизору на всю стену. Вот оно счастье. Лучшего не пожелаешь.

А Руфат продолжал делать успехи.

Руфат окончил школу на отлично.

Руфат набрал 635 баллов на вступительных экзаменах.

Руфат поступил в Экономический университет.

Руфат обучается основам бизнеса.

Этот мальчик и вправду феноменален, он еще в раннем детстве постиг пути зарабатывания денег, помогая своему отцу-ювелиру в его делах. Продолжая учиться в университете, он открыл ювелирное отделение в универмаге «Москва», говорил, что непременно должен уже сейчас занять свободные деньги, чтобы построить себе будущее.

Улькяр полностью верила, что проживет долгую и счастливую жизнь с этим ласковым и симпатичным парнем. Обучить детей в англоязычной гимназии, нанять им воспитательницу и водителя, ужинать в своем доме, чьи окна выходят на Торговую, время от времени ходить всей семьей в самые дорогие рестораны, отдыхать летом в Бодруме и Анталье, иметь люксовый автомобиль, лучший дачный дом... – вот какими были планы.

Улькяр со всей семьей немало ездила в Баку по делам отца и влюбилась в этот огромный город. Тамошняя жизнь влекла ее словно магнитом. Семейная жизнь еще далеко, так что для нее единственный шанс вырваться из-под неусыпного контроля отца и брата, сбежать из этого серого сельского района, где повсюду пахло навозом, заключался в скорейшем окончании школы и поступлении в какой-нибудь университет – пусть даже частный, платный – не важно, в какой, что дало бы возможность жить в Баку. Ей было безразлично, в каком университете учиться, какой специальностью овладеть, лишь бы куда-нибудь поступить.

Однажды приехавший из Баку на каникулы Руфат пришел в школу поговорить с ней на перемене.

– Привет.

– Привет.

– Как ты?

– Хорошо.

– А ты?

– Тоже.

– Как твои уроки?

– Нормально.

– А как твоя университетская жизнь?

– Всё отлично. Учусь на отлично.

Улькяр не удержалась пошутить:

– Интересно, почему тебя пока не захомутали расфуфыренные девушки в Баку, ты снова пришел за мной?

– Разве любовь – игрушки? – сказал Руфат.

И снова повторил те божественные слова, которые в прошлый раз высказал робким голосом:

– Ты мое рассветное солнце.

Как же приятно услышать эти слова. В тот миг Улькяр считала себя самой счастливой на всем свете.

Перемена закончилась, прозвенел звонок, Руфат протянул Улькяр книгу, которую держал в руке, сказал: «Прочти и вспоминай меня». Это был сборник стихов Бахтияра Вахабадзе. К сожалению, сейчас она не может припомнить названия. Большинство стихов в книге – о любви. 27 ноября 2002 года. Улькяр никогда не забудет того самого дня.

У Улькяр была одноклассница по имени Лейла, она в то же время приходилась Руфату двоюродной сестрой, отцы Улькяр и Лейлы дружили. Пятого декабря они отправились в Баку по каким-то своим темным делишкам, взяли с собой и девочек, чтобы те повидали Баку, немного развеялись. В тот день мужчины занимались своими делами, а девочек оставили на бульваре, чтобы те погуляли, развлеклись. В тот день Улькяр открылась Лейле, сказала, что безумно любит Руфата. Сказала, что Руфат сделал ей любовное признание, но она, несмотря на всю свою любовь к нему, не сказала, насколько сильно его любит. Лейла на это ответила, что они с Руфатом как брат и сестра и полностью доверяют друг другу. Добавила: «Да, он тебя любит, но в то же время боится, что ты к нему равнодушна».

Гуляя, они дошли до кафе «Жемчужина», росший поблизости вяз сбросил листья, но всё еще выглядел огромным. Встав перед вязом, Лейла сказала: «Руфат – очень тонкий парень, напиши ему письмо, сделай любовное признание, а потом вложи вот сюда, в дупло вяза, я сообщу ему, он придет и заберет твое письмо». Улькяр поначалу засомневалась, но потом согласилась с предложением, написала аккуратно на бумаге свое признание и вложила бумажку в дупло. Лейла написала Руфату сообщение, добавила:

– Дай Бог, никто не обнаружит твое письмо, и Руфату удастся его забрать.

На завтрашний день, когда они уже возвращались в район, Руфат прислал Лейле фото, а та передала фото Улькяр. На стволе вяза Руфат выцарапал «Р + У = любовь» и вдобавок сердечко.

Это станет самым сладким воспоминанием Улькяр, впредь оно станет согревать ее в морозы, утешать в горе.

Но спустя всего двадцать пять дней настал тот день, который тоже никогда не сможет забыть Улькяр. На сей раз это оказался плохой день, который она всегда будет вспоминать с огорчением.

31 декабря их семья готовилась встретить Новый год.

Немного посидев с домочадцами, Галандаров собрался выехать в Баку, жена оказалась недовольна этим отъездом (ведь она не могла поверить, что в праздничный-то день следует съездить в Баку, такие вот отлучки мужа случались неоднократно), но, не смея возразить, надулась. За столом Галандаров внезапно взял и заявил, что в скором времени Улькяр предстоит обручение. Сказал, что всем сватам следует давать от ворот поворот, Улькяр выйдет замуж за сына Афлатуна:

– Что это такое, сваты бесперебойно обивают мой порог. Глаз положили на мое состояние, да? Ищут себе опору да защитника в моем лице, не так ли? На двери следует повесить табличку: нашу дочь замуж не выдаем, возвращайтесь обратно. А не то, клянусь могилой отца, я живого места на этих умниках не оставлю. Мой порог для них маслом намазан да икоркой посыпан.

При этих словах Улькяр немного успокоилась, подумала, что отец имеет в виду других, но о Руфате и его семье не станет так отзываться. Ведь эта семья – самая уважаемая в районе.

Однако Галандаров всё же произнес те ужасные слова:

– Ее я выдам за сына Афлатуна!

Как так за сына Афлатуна?

– Скоро мы их обручим.

Как так обручим?

В тот миг Улькяр будто рухнула наземь с седьмого неба. Она чувствовала себя вдребезги разбитой. Она чуточку осмелела и прошептала: «Папа, какое еще обручение, мне еще учиться надо», но отец осадил ее словами: «Ну, и учишь себе дальше, никто тебе этого не запрещает. Будешь учиться с обручальным кольцом на пальце».

Улькяр невольно разрыдалась и убежала к себе в комнату. Рушился целый мир и ее семейное счастье с Руфатом, будто взяли и перевернули стол в кухне, где она сидела с Руфатом, Айлин и Эльвином, в той самой кухне, чьи окна смотрели на Торговую...

Они с Афлатуном дружили семьями, Афлатун, которого прозвали «Бизнесменом», был уважаемым ювелиром, ему принадлежали ювелирные отделения в Центральном универмаге, универмаге «Москва», Афлатун дружил и с отцом Руфата, имел с ним общие дела по ювелирной части. Супруга Афлатуна Назанде работала учительницей, семья их была состоятельная: им принадлежали продуктовые магазины, дорогие автомобили, квартира с большой площадью в новостройке в самом центре Баку, дача в Шувелане.

Дружба Галандарова с Афлатуном началась не столь давно, еще в тот период, когда Галандаров не поднялся до поста начальника полиции района, он умел добывать деньги, работал участковым то в одном, то в другом селе, в его трудовой книжке одно рабочее место сменялось другим, он умел добывать деньги самым немислимым образом, был жестким и грубым, от этого страдали жители района, клеветал и тем самым собирал со всех дань. Образцовые сотрудники полиции не ладили с ним, время от времени он получал выговоры от руководства, но даже в самую сложную минуту умел найти себе заступника. В тот период он содержал любовницу по имени Джанан, которая жила возле «автобазара» на Восьмом километре, и в каждый свой приезд в Баку дарил ей золотые украшения. Так Галандаров стал основным клиентом Афлатуна, у которого имелся ювелирный отдел в ЦУМе, знакомство переросло в дружбу. Однажды Афлатун прямо у него спросил:

– Братец, к чему твоей супруге столько золота?

А Галандаров стал хорохориться своей несравненной Джанан:

– Я не дурак, чтобы тратить столько на жену. У меня любовница. Писаная красавица.

Сын Афлатуна Мадар учился на юридическом факультете Бакинского государственного университета, его устроили на работу в прокуратуру, помощником следователя. Мадар был 1982 года рождения и единственным ребенком в семье, его порядком избаловали. На всех праздниках, в компаниях часто повторялось, что эти две семьи скоро станут приходиться друг другу родственниками, но Улькяр чувствовала в Мадаре большую спесь и самодовольство. Хотя разница в возрасте между ними составляла всего четыре года, Мадар воспринимал Улькяр как ребенка, обращался с ней как с ребенком. Вдобавок этот молодой человек, выросший в отменных условиях и никогда ни в чем не знавший отказа, был бабником. Однажды Улькяр собственными ушами услышала как ее мать сказала отцу: «Говорят, Мадар – бабник, меняет женщин, как перчатки». А отец усадил жену на место: «Молодой, вот и гуляет, когда женится, перестанет».

Во время семейных компаний Улькяр собственными глазами видела, как Мадар то и дело переписывается с девушками.

Оказывается, когда Улькяр училась еще в девятом классе, ее отец закатил пирушку с Афлатуном в одном из бакинских ресторанов, и в тот самый момент Афлатун, воспользовавшись подходящей ситуацией, сказал Галандарову:

– Братец, наш Мадар очень избалован, мы его холим и лелеем, не обижаем, вот он и делает, что вздумается, целыми днями пропадает, где придется. Такого захотеть можно, только женив. Улькяр – очень воспитанная, умная, красивая девушка,

давай поженим наших детей, пусть наши дружеские отношения перерастут в родственные.

Галандаров тут же выпалил: «Улькяр твоя» и тем самым решил судьбу дочери.

– Ну, как, выдаешь свою дочь за моего сына?

– Почему нет? Для меня честь стать вам родственником.

– В таком случае пожмем друг другу руки.

– Жму.

– Официант, принеси нам два стакана сладкого чаю.

Вот как всё обстояло в тот самый день. И вправду, они велели официанту принести сладкого чаю, выпили, а потом подняли рюмки с водкой за здоровье молодой семьи и будущих родственных связей.

Да, родители порой так поступают, не интересуясь мнением бесправных детей. Родители постоянно пытаются оградить своих детей от всякого баловства, но, когда наступает время им жениться и выходить замуж, эти самые родители не берут в расчет, что дети уже взрослые, и продолжают обращаться с ними, как с детьми.

Улькяр, услышав горькую весть о том, что ее судьба уже решена, некоторое время не могла в себя прийти. Она потеряла аппетит, пропала улыбка с лица. Перестала ходить в школу, чувствовала себя обиженной на весь мир. Приходила Лейли, пробовала ее утешить, приводила примеры из их любимых сериалов: «Сестра, милая, первая любовь никогда не претворяется в жизнь, влюбленные никогда не обретают друг друга, так что не переживай, забудь Руфата, стерпится – слюбится, ты непременно полюбишь Мадара после замужества».

Сестра говорила, но без толку.

Улькяр напоминала дождевое облако, проливающееся дождем.

Улькяр напоминала увядший цветок, безвольно висящий на стебельке.

Горе и скорбь в душе Улькяр справляли праздник.

По мнению Галандарова, родитель должен определять будущее семьи в целях своих меркантильных интересов. Есть что пить и кушать, есть крыша над головой, никто тебя не ругает и не бьет... Чего тебе еще, дитя? Сиди смирно, учи уроки, исполняй повеления взрослых. А когда настанет пора, выходи замуж за человека из приличной семьи. Вот и всё.

Вот что внушал своим детям Галандаров.

«Да как смеют эти соплячки сами выбирать себе мужей? Какая еще любовь? Всё это сказки. Как они смеют породнить меня с кем-то без племени, без роду? Может, девушка, которую выберет мой сын, окажется настоящей проституткой, в таком случае я опозорюсь на весь белый свет. Может, парни, за которых выйдут мои дочери, окажутся наркоманами и картежниками? В таком случае я сквозь землю провалюсь».

Вот как думал Галандаров.

Он и сам женился на Зохре по родительской указке, они приходились друг другу дальними родственниками, до обручения даже в лицо друг друга не видели. Он помнил, как сказал матери: «Не по вкусу она мне, лицом не вышла». И тогда мать ответила: «А зачем тебе ее лицо, будешь на всеобщее обозрение выставлять? Лицом она не вышла... Главное, она чистая, незапятнанная. Характер покладистый, бойкая, рабоящая». На эти слова матери Галандаров не нашелся, что ответить.

Они с Зохрой больше походили не на супругов, а на квартирантов, вынужденных жить под одной крышей. Галандаров полностью контролировал Зохру, не позволяя ей даже мнения своего высказать по какому-либо поводу.

Когда Зохра стала подниматься по карьерной лестнице и возникла перспектива стать главврачом, он и этого не позволил, наоборот, договорился с отделением здравоохранения района и перевел Зохру с полного штата на полштата, и сказал: «Жена должна заниматься домашними делами, а не делать уколы в чужие ягодицы».

То, что он не запретил до сих пор Зохре работать, было настоящим чудом.

Галандаров целыми сутками пропадал на работе, а по субботам и воскресеньям предпочитал застолья с заместителем исполкома, прокурором, председателем муниципалитета, военным комиссаром.

Родник, высаженный лес. Тень под деревьями, щебечут птицы, дымит мангал, каплет жир с шомполов с шашлыком, одна бутылка водки за другой. Лей-пей, селье.

Они устраивали между собой небольшой турнир по нардам. Каждый ставил под доску хрустящую купюру в сто манатов, весь куш доставался тому, кто одержит окончательную победу.

Вволю шутили и смеялись. Так они избавлялись от стресса, накопившегося за неделю. Посиделки длились до полуночи. Галандаров возвращался домой за полночь и сразу засыпал мертвецким сном, от его храпа закладывало уши.

Иногда по субботам-воскресеньям он отправлялся в Баку, и в каждый свой визит посещал не только Джанан, но и других женщин легкого поведения, тратил на них деньги. Зохра прослышала о любовнице своего мужа. Поговаривали, что и квартиру ей купил Галандаров. Зохра пробовала пару раз возмутиться этими похождениями мужа, но тот сразу осадил ее. И даже, несмотря на свою вину, устроил такую шумиху, что Зохре пришлось отойти от греха подальше. Зохра выросла в консервативной семье, как-то, когда дети были еще малы, она обиделась на мужа и вернулась в отцовский дом. Но ей дали от ворот поворот: «Из мужниного дома живой не возвращайся». Вот Зохре и пришлось смириться с такой судьбой, она подавила в себе все мятежные поползновения.

Но время от времени она изъясляла мужу свои жалобы, делала это спокойным тоном, шепотом, чтобы дети не слышали, ведь устои не позволяли жене восставать против мужа. Но, естественно, порой эти жалобы доходили до ушей Хаяла, Лейли и Улькяр:

– Даже если мы не счастливы, мы должны стараться выглядеть счастливыми. Дети должны считать нашу семью примерной, полноценной, без всяких недочетов. Дети, выросшие в семьях, где есть склоки и упреки, в будущем становятся жестокими, безжалостными...

– С глазу на глаз ругай меня, как вздумаешь, оскорбляй, как душе угодно, но не делай этого при детях...

– Психическая уравновешенность родителей означает комфортное существование каждого члена семьи...

– Соседка Саяла приходит и плачет при мне, говорит, Галандаров грубо обращается с моим сыном, да и не только с ним, но со всем личным составом, даже матерится. Хватит наживать себе врагов. Настанет день, когда тебе понадобится чужая помощь. И тогда никто не протянет тебе руки.

– Ты из тех, кто ущемляет ни в чем не повинных...

В один из следующих дней между Улькяр и матерью состоялась долгая беседа с глазу на глаз.

– Мама, – сказала Улькяр, – почему генеральская дочь должна выходить за генеральского сына, что за ошибочная мысль? Разве ты с отцом полагаетесь на состояние будущего зятя? Разве мы бедны?.. Весь район только и делает, что судачит о нашем богатстве. Почему же, почему отец хочет выдать меня за сына дяди Афлатуна, у которого денег куры не клюют? Почему люди не довольствуются тем, что имеют? Почему нам всегда хочется большего? Почему общество такое алчное? Почему мужчины пали рабами долларов, автомобилей, вилл, а женщины – бриллиантов, золота, нарядов?

Эта обычно не свойственная Улькяр пафосная речь привела мать в замешательство, она даже на секунду засомневалась, родная ли дочь стоит перед ней. Но мать сказала только одно: «Дочка, и я, и отец стараемся ради твоего счастья».

Улькяр, ничего не добившись от беседы с матерью, набралась храбрости и на завтрашний день заговорила с отцом:

– Отец, милый, у меня есть любимый человек, не делай меня несчастной.

Произнося эти слова, Улькяр всё еще верила, что разубедит отца. Однако у судьбы свои на нас планы. Слова «у меня есть любимый» вывели Галандарова из себя, он не смог совладать с нервами, с пеной на губах стал покрывать матом Зохру и Улькяр, даже бедной Лейли перепало.

В тот день Галандаров сильно побил Улькяр, схватил за волосы и принялся волочить по всему дому. Галандаров ударил даже Зохру со словами: «Ты что, слепая, куда смотрела, как смеет эта соплячка влюбляться?»

Не успокоившись на том, он позвонил своему сыну в Баку и начал крыть матом и его: «Попадешься мне, порежу тебя на кусочки, я поручил эту мерзавку тебе. Как она посмела влюбиться, куда ты глядел?»

Галандаров ровно на десять дней запретил Улькяр выходить из комнаты. Когда он стал выпытывать у Улькяр имя парня, в которого она влюблена, та зашлась дрожью от страха. Галандаров планировал «наказать того обнаглевшего, многое себе позволившего шельмеца». Но Улькяр не выдала Руфата. Галандаров прижал к стенке и Лейли, требуя от нее сказать имя того самого парня. Лейли стала плакать и божиться, что ничего не знает.

В ту пору сил Улькяр хватало только на слезы, она часами плакала, прижимала к груди брелок с изображением сердечка, который ей подарил любимый, и мысленно с ним говорила. И раз за разом перечитывала стихи из книги.

А дни текли своим чередом.

ГЛАВА 6 ЗДРАВСТВУЙ, БАКУ

Улькяр готовилась к выпускным экзаменам с рвением. Сейчас единственным ее желанием было уехать в Баку, избавиться от этих мук. Ей казалось, что она птица в клетке, а Баку – свободные бескрайние небеса. Вдобавок в Баку можно встретить Руфата, ей казалось, что она непременно пересечется с ним на одной из улиц. И, если придется, даже отправится в его университет, лишь бы с ним повидаться.

А в эти дни от Руфата пришли сваты, но вернулись с пустыми руками. Руфат прислал Улькяр весточку: «Почему ты оказалась такой неверной?» Улькяр хотела всё объяснить Руфату, поведать, что отец обращается с ней, как с вещью. Но больше всего ее мучило то, что она не может с ним повидаться.

Набрать высокий балл на экзамене она не смогла, застряла на 285, но, тем не менее, поступила в Педагогический университет. Радость ее не знала границ. Она будет оставаться вместе с братом в их бакинской квартире, естественно, брат ни в коем разе не даст ей желанную свободу, вместе с тем для нее было настоящим спасением избавиться от отца, восставшего против ее счастья, получив возможность сбежать из родительского дома, казавшегося ей могилой.

Они обнялись на прощание с матерью и сестрой, все были растроганы, а отец снова стал трясти пальцем и напоминать о запретах.

Водитель отца погрузил в багажник ручной чемодан кизилового цвета, и они тронулись в путь. Спустя ровно три часа она открыла дверь в квартиру на «Гянджликке» и вошла внутрь. Брата дома не оказалось. Двухкомнатная квартира в пятиэтажной «хрущевке» оказалась довольно комфортной, перед ней высилась многоэтажка, но с боковой стороны открывался вид на проспект. Мчащиеся автомобили, спешащие по делам люди говорили о том, что она вырвалась из монотонной жизни в районе и впереди ее ждут веселые, интересные деньки.

Брат обосновался в спальне, так что ей пришлось обустроиваться в гостиной. Она постелила на диван покрывало, разместила в шкафу свою одежду, разместила в холодильнике еду, что приготовила мать.

В квартире было не убрано и грязно, она включила пылесос, пропылесосила комнаты и кухню, вытерла пыль с вещей и прошла в ванную, прибралась и там.

Она ощущала приятную легкость, позже она всегда будет вспоминать тот день в ряду счастливейших своих дней.

Она включила телевизор, прошлась по каналам. Вот это да! С этого дня она сможет вдоволь смотреть свои сериалы.

Она заварила себе чаю, вышла на балкон и, попивая чай, принялась глядеть на улицу. И в тот момент все проходящие по улице парни ходили на Руфата в ее глазах.

Она опечалилась, думая о том, что после того, как сваты Руфата вернулись с пустыми руками, он, наверно, ее позабыл и стал встречаться с какой-нибудь городской девушкой.

В полночь заявился брат Хаял и подпортил ей настроение, стал перечислять запреты, имея в виду, что продыху ей не даст, но вместе со всем этим Улькяр испытывала несказанное счастье.

Утром, всё еще пребывая в счастливом настроении, она отправилась в университет.

И дальше стали идти чередом дни, занятые учебой.

Отец купил брату автомобиль, шел 2003-й год, корейские автомобили были в моде, ее брат целыми днями гнал туда-сюда черный Hyundai Accent, отец поручил ему отвозить и привозить Улькяр в университет, Хаял и тут в Баку, как и в бытность в районе, следил за каждым ее шагом: «Одевайся приличнее, веди себя скромно...»

Мать звонила раза три за день, не уставая давать наставления: «Вдруг увидишь того самого Руфата, он попробует подойти к тебе, смотри у меня, такой скандал выйдет, брат твой шальной, возьмет и кровь ему пустит, ради Бога, будь умницей, веди себя скромно, иди на занятия и возвращайся домой, не выходи никуда гулять...»

Но между занятиями появлялось свободное время, и Улькяр вместе с сокурсницами спускалась к Приморскому бульвару, посещала библиотеку, ходила в торговые центры. Огромный город радовал Улькяр, приходился по душе. Улькяр меняла манеры, поведение, речь, полностью соответствуя городской жизни. Всегда желающей находиться в центре внимания Улькяр, гордящейся своей красотой и строением тела, доставляло наслаждение то, как украдкой поглядывают на нее парни на улице, отпускают реплики, то, как признаются ей в любви университетские студенты.

– Красавица, можно с вами познакомиться?

– Почему именно со мной?

– Потому что вы самая красивая на свете.

– Правда, что ли?

– Конечно.

– И что будет, если мы познакомимся?

– Я признаюсь вам в любви. Сорву для вас звезды с неба.

– Даже так?

– И даже больше.

– То есть как?

– Я брошу мир к вашим ногам, сделаю самой счастливой.

– Ах, я так тронута.

– Ну, что скажете? Дадите мне номер?

– К сожалению, нет.

– Почему же?

– Потому что я уже помолвлена.

– Ну, и что? Откажись от него и выбери меня.

– О чем вы?! Отец меня убьет.

– Жаль.

Порой она нарочно затягивала разговор с парнями, желающими познакомиться, наслаждалась комплиментами, не могла оторваться от этих тешащих ее самолюбие слов, пока сокурсницы насильно ее не уведут.

Выходя прогуляться с девочками, она клала мини-юбку в сумочку и переодевалась у Севиль, с которой дружила. Стройные ноги в мини-юбке придавали ей особую прелесть. Однажды она постриглась, а когда Хаял закатил скандал, сказала, что на голове появились вши, потому и постриглась. А Хаял поверил.

Начался новый период ее жизни. Ее мечты разнес вдребезги отец, но ведь надежда не умирает, всё может обернуться иначе. Она всё больше и больше верила, что встретится с Руфатом, куда бы она ни шла, высматривала любимого человека. К тому же сам Мадар, допустим, мог бы от нее отказаться. В жизни всякое случается. Он мог бы встретить другую, влюбиться, сказать родителям, что собирается жениться на любимой девушке.

Не переставая верить в чудо, Улькяр продолжила жизнь с той точки, где та замерла.

Она ощущала в себе склонность к жизни, полной приключений... Просмотренные сериалы, замкнутая жизнь в районе (запретный плод сладок), увлеченность своим внешним видом – всё это играло свою роль в желании Улькяр разорвать сковающие ее узы, выйти за рамки.

ГЛАВА 7 СВАДЬБА

Она даже подумать бы не могла, что родители так быстро всё решат. Однажды приехала мать, по всему ее виду тут же стало понятно, что та собирается сказать нечто важное. После приветствия и ласковых слов она стала делиться последними новостями, которые вовсе не интересовали Улькяр:

– Нашего главврача сменили...

– В район назначен новый исполком...

– Пробурили две новые артезианские скважины для орошения посевных земель...

– Соседка Айла обручилась с трактористом Эркином...

– На другом конце района открылся новый универмаг...

После общих новостей Зохра перешла к семейным делам.

– Сыновья Дурсуна напали на Галандарова, побили его, а он отправил за решетку братьев, посмевших поднять руку на офицера.

Зохра опечаленно отметила и то, что Галандаров допускает нечестные поступки, люди его ненавидят. Зохра и сама чувствует на себе эти людские взгляды, полные ненависти. Зохра обмолвилась еще и о том, что боится жить, когда вокруг столько недоброжелателей.

Однако Улькяр ясно понимала, что мать спешно приехала в Баку не за тем, чтобы поведать о последних событиях в районе, и даже не за тем, чтобы рассказать как избили Галандарова. Скорее всего, мать пришла сообщить Улькяр важную новость в связи с ней самой.

Интуиция не подвела Улькяр, и вправду всё так и обстояло. Вот что сказала мать: «Доченька, отец решил немедленно обручить тебя и выдать замуж».

Ошеломленная Улькяр только и спросила: «Зачем же так спешить?» И тогда мать ответила:

– Дочка, Галандарову скоро выходить на пенсию. Он хочет обустроить твои дела, пока обладает авторитетом, чтобы на свадьбу пришли уважаемые гости и дали хороший магарыч. Он боится, что если устроит твои дела после того, как выйдет на пенсию, на свадьбу никто стоящий не придет, и, мало того, бизнесмен Афлатун возьмет и передумает под каким-либо предлогом.

Улькяр расплакалась, стала рыдать и стонать, даже пригрозила матери наложить на себя руки. Но мать снова повторила привычные слова:

– Доченька, мы ради тебя стараемся, ради твоего счастья. Сын Софьи ханым не сможет тебя сделать счастливой. Любовь – вещь мимолетная, ты забудешь Руфата. Пригреешься к мужу. Между мужем и женой любовь необязательна. Достаточно одного взаимоуважения.

Улькяр не стала молчать:

– Разве ты, которая вышла замуж без любви по велению родителей, счастлива, мама? Может, и ты в свое время кого-то любила и, если бы вышла за него замуж, жила бы счастливо, а не терпела бы муки. Галандаров несколько тебя не уважает, ты совершенно бесправна. Ты слова поперек ему сказать не смеешь.

Эти слова расстроили мать, лицо её опечалилось. Конечно, дочь говорила правду. Но какой сейчас в этом толк.

Спустя ровно неделю состоялось обручение. Улькяр думала получить отсрочку до окончания первого курса, однако сразу после Нового года – 12 января состоялась свадьба.

Свадьба – самая большая мечта каждой юной и молодой девушки. И Улькяр всё время мечтала о своей свадьбе. Но разве о такой?

Улькяр нарядили, навели лоск, в белом свадебном наряде она выглядела в высшей степени красивой, походила на белоснежную бабочку. Но она оставалась такой безучастной ко всему происходящему, что даже не замечала, в каком Доме торжеств проходит свадьба и что за гости на нее пожаловали.

Если бы Лейли не выразила свой восторг словами «Мама, что за красивое место этот «Голливуд», точь-в-точь, как музей», Улькяр даже не осознала бы, где проводится свадьба.

Она вспомнила эпизод из фильма «Деде Горгуд» и повторила про себя: «Будто не замуж выхожу, а в могилу схожу».

Она только и делала, что мысленно беседовала с Руфатом, исходя внутренними слезами: «Почему ты пропал, не сохранил мне верность, мы могли бы сбежать вместе, я готова была бы жить с тобой даже в шалаше». Она прихватила с собой подаренный Руфатом брелок с изображением сердечка и находила утешение, прикасаясь к нему кончиками пальцев. Мадар что-то ей говорил, пробовал чокнуться бокалами и упросить ее немного поесть, подходили желающие сфотографироваться гости, сестра обнимала ее, желая утешить, но она ко всему оставалась безучастной.

А теперь вот подошел Хаял и стал приглашать ее на танец. Хаял кружил на месте. И тогда Улькяр, испытывая к брату такую же сильную ненависть, как к отцу, отказалась с ним танцевать, сославшись на то, что жмут туфли.

Свадьба продолжалась со всем своим пышным великолепием.

На пару минут она пришла в себя, увидела, что певицы – три молодые девушки, и тут же их узнала. Эта группа под названием «W-trio» появилась на сцене недавно, но завоевала большую симпатию. Девушек звали Натаван, Рёйя и Эльнара. Она на мгновение к ним присмотрелась. Девушки пели о любви и верности, но Улькяр не могла вникнуть в слова, затруднялась их воспринять и осмыслить.

В ту самую секунду перед ее глазами встала подаренная Руфатом книга, сборник стихов Бахтияра Вахабаде, стали открываться страницы, и тут показалось испепеляющее сердце стихотворение:

*Я очень по тебе соскучился, очень!
Я пленник собственного желания.
Скрыть ненависть так просто,
Но скрыть любовь, оказывается, не дано!*

*Я очень соскучился... Что за дела,
Снова ум туда, а сердце сюда.
Сердце мое обернулось сизым голубем
И сел этот голубь на твои пути...¹*

Она уловила еще то, что играют «Вокзалы», за небольшой период времени она переехала из того дома, где родилась, в квартиру на «Гянджлике», а теперь вот переезжала в квартиру Мадара и его семьи на проспекте Нефтчиляр. Что ей даст семейная жизнь? Как она проживет целую жизнь с нелюбимым человеком? Вслед за муками, исходящими от отца и брата, следовали муки от мужа, от будущего супруга – следовало ли ждать счастья от этого человека, который вдрызг напился на собственной же свадьбе и еле стоит на ногах?

Улькяр со всей отчетливостью поняла, что состоятельные родители неправильно воспитывают единственного сына, нежат его и лелеют, и тем самым портят, такие дети, вмиг добивающиеся желаемого, дети, на все проказы и выходки которых закрывают глаза, в итоге не способны прожить самостоятельно, они ломаются при встрече с горькой правдой жизни.

Мадар шатался на ногах, а Улькяр плакала, и слезы стекали на грудь свадебного платья.

Может, она всё видит в черном цвете?

Может, всё так или иначе сложится?

Ведь надежда не умирает.

ГЛАВА 8 ПОЧЕМУ ТАК МНОГО РАЗВОДОВ?

Сулейман опечаленно отложил книгу... Встал и прошел в соседнюю комнату, сел на диван возле Заррин ханым, которая смотрела телевизор, еще раз окинул ее изумленным взглядом... Семья священна, она не терпит запятнанности. Улькяр насильно отделяют от любимого человека, насильно выдают замуж за другого. В прошлом он с Заррин учился в одном классе, он был уверен, что Заррин, кроме него, никого не любила. Как хорошо, что он женился на той, всю историю жизни которой знал хорошо. Если б он женился на другой, на не столь знакомой, то после прочтения этого романа никак не смог бы избавиться от сомнений и подозрений.

Он притянул Заррин поближе, осторожно поцеловал в щеку и снова попросил чаю. Заррин досмотрела интригующий эпизод телесериала и затем спешно прошла в кухню.

Он подумал, сколь по сердцу ему Заррин. Он подумал, что причина столь участвовавших в Азербайджане разводов схожа с трагедией Улькяра: родители насильно выдают своих детей замуж, руководствуясь собственными интересами. Заррин принесла чай. Она налила и себе. Попивая чай, они принялись обсуждать тот самый эпизод сериала. Шел турецкий сериал. Молодая жена пожилого мужа втайне от него завела романтические отношения с племянником мужа. Сулейман решительно осудил такой поступок. Сказал, наверно, именно такие вот фильмы виноваты в том, что наши девушки сбиваются с пути. «В чем же состоит идея таких вот фильмов, – возмущался он, – в том, чтобы жены изменяли мужьям?»

¹Здесь и далее стихи приводятся в подстрочном переводе.

Заррин согласилась с Сулейманом, но несколько углубила рассуждение. Сказала, может, это своеобразное послание мужчинам, состоятельным пожилым мужчинам, мол, не женитесь на молоденьких девушках благодаря своим деньгам, в противном случае непременно столкнетесь с изменой.

Сериал закончился, Сулейман взял пульт и переключая каналы, прошелся по нескольким. На одном из каналов заметил пожилого профессора, преподававшего ему социологию в университете. Профессор говорил о семейных вопросах:

– К сожалению, в настоящее время в наших семьях присутствует напряжение, доселе невиданное в нашей истории. Количество разводов превышает тридцать процентов. Если учесть, что, кроме собственно разводов, есть и всевозможные напряженные внутрисемейные отношения, то можем сказать, что восемьдесят процентов семей несчастливы. Это не только трагедия и проблема супругов. Может, они после развода заведут более удачную семью или проживут более интересной жизнью. Главная проблема – наше молодое поколение. Важнейшая проблема, стоящая ныне перед нами, – как нам лучше воспитать молодежь? Ведь будущая судьба страны во многом зависит от подрастающего поколения. Разве дети, расколотые между воюющими родителями или живущие в неполной из-за разводов семье, не получают психологических травм? Конечно же, получают.

Заррин подтвердила слова профессора. Задумавшись, встала и прошла в комнату дочерей. Слова преподавателя порядком ее взволновали. Дочь, ученица восьмого класса, смотрела подростковый сериал на своем планшете. Заррин завела разговор с дочерью: «Дочка, родная, в этом сериале могут показывать неподобающие вещи, это ведь европейский сериал, у них другой менталитет, а у нас другой».

А Сулейман, продолжая пить чай, находился мысленно с Улькяр. Он только того и ждал, чтобы допить чай и бежать к Улькяр.

ГЛАВА 9 СНОВА ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ЗЕРКАЛОМ

Стрелки на часах продолжали свой неумолимый ход.
21:30.

Улькяр принялась считать. Еще полчаса и будет 22:00. Плюс еще два часа – 24:00. Значит, через два с половиной часа этот день останется в прошлом. И еще одиннадцать часов с завтрашнего дня. Значит, всего тринадцать с половиной часов.

Через тринадцать с половиной часов Он, чуть ли не летя, очутится рядом с Улькяр, чтобы та раз и навсегда избавилась от одиночества, от горечи неудачного брака и создала ради своего счастья семью с тем, кто приводил в волнение самые глубины ее души. Он, наверное, даже представить не может, в каком сейчас состоянии находится Улькяр. Думает, что сейчас и сама Улькяр окрылена радостью. Думает, сейчас и Улькяр кружится в мысленном танце, ждет Его, пребывая в нетерпении по новой жизни, новой семье. Как Он может представить, что сейчас Улькяр мучается, охваченная сомнениями? Как Он может подумать, что Улькяр перед непростым выбором? То есть сейчас для Улькяр сама суть жизни заключается в том, чтобы прожить с Ним целую жизнь, находиться в Его объятиях, ощущать его запах, трепать его по столь любимым жестким волосам, находиться целую вечность под пламенными взглядами его карих глаз. Как можно отказаться от такого счастья? Но есть ведь совесть, и совесть диктовала Улькяр дать отказ, несмотря на всё свое желание.

Правда состояла в том, что Улькяр виновна, грешна.

Улькяр была проституткой, она оказывала услуги бесчисленному количеству мужчин, была запятанной женщиной, носившей на себе, как клеймо, всё эту грязь и скверну. Она вдруг вздрогнула, взяла телефон. Уже несколько часов не говорила с дочерью.

- Алло, доченька, милая. Как ты?
– Всё в порядке, ма... я ем. Ты дома или в Дубае?
– Да, в Дубае, – невольно выговорила Улькяр.

Когда начался дубайский период ее жизни, она оказалась вынуждена жить вдали от столь любимой дочери – зеницы своего ока, биения своего сердца. Порой приходилось находиться вдали от нее целыми неделями, и тогда она так скучала по своей дочурке, остававшейся с бабушкой. Как только возвращалась в Баку, забирала дочь, и они шли к себе домой, жили вместе несколько дней вплоть до следующего ее вылета в Дубай. На сей раз, вернувшись в Баку, она против обыкновения не пошла ни к себе, ни за дочь. Прилетев из Дубая, она тут же отправилась к Нему. Они провели два неповторимых дня, а потом Ему пришлось срочно вылетать обратно в Дубай, Он по пути в аэропорт написал Улькяр сообщение: «Как только вернусь, поженемся. Я стану для Айлин настоящим отцом».

- Как твои уроки, милая?

Она сама оступилась на жизненном пути, но намеревалась сделать свою дочь самой счастливой на свете. Айлин было двенадцать лет, она училась в шестом классе, Улькяр, загодя заботясь о ее будущем, отправила ее учиться в англоязычный лицей, записала в кружки хореографии и рисования. Наняла для дочери водителя, пожилой водитель по имени Малик отвозил Айлин в школу, в кружки, а в конце каждого месяца получал от Улькяр свою зарплату.

– Ма, какие еще уроки перед каникулами? Уроков особых нет, ходим себе просто.

После этого ответа Айлин она упрекнула себя в невнимательности. И вправду, ведь май месяц, 22 число, в эти дни посещение школы – обычная формальность.

- Как бабушка?

– Хорошо.

- А дядя Малик?

– Он, как обычно, закидывает в рот горсть орешков и чавкает себе всю дорогу.

Улькяр улыбнулась, вспомнила, что Айлин всегда жалуется на то, что дядя Малик громко чавкает.

- Что нового?

Айлин долго молчала в ответ, а потом принялась долго рассказывать, что они репетируют балет «Щелкунчик», но этот балет не соответствует детской психологии, рассказала о последнем своем рисунке в кружке (она на предложенную преподавателем тему Добра и Зла невольно нарисовала Семиглавого дэва) и новом украинском детском сериале, что начала смотреть по YouTube. А слова «Семиглавый дэв» заставили Улькяр унести мысли далеко-далеко. Тогда Мадар только-только бросил семью и уехал в Россию, каждую ночь Улькяр рассказывала трехлетней Айлин сказку о Семиглавом дэве, который отнял счастье у двадцатидвухлетней женщины и ее трехлетней дочери.

К горлу подступили слезы, и она не смогла их удержать. Какой чуткой была Айлин... Оказывается, она сохранила в памяти горькие воспоминания далекого 2008 года.

Дети по сути гораздо чувствительнее взрослых. Взрослые поступают эгоистично, отсеивают воспоминания, хорошие сохраняют, а плохие отбрасывают. Шкапулка воспоминаний у взрослых проходит через жесткую цензуру, они адаптируют их на выгодный для себя манер. А у детей всё естественно, всё так, как есть, в их шкапулке плохие люди пребывают наравне с хорошими, счастливые дни наравне с несчастными.

Прощавшись с дочерью, она бросила взгляд на часы и увидела, что они говорили ровно час и пятнадцать минут.

Часы показывали 22:45.

В горле пересохло, она сильно проголодалась. Надо еще пройти в ванную. Но какая-то неведомая сила пригвоздила ее к табуретке перед зеркалом, она никак не могла встать. Зеркало отражало ее лик, она любила подолгу стоять перед зеркалом и потому, естественно, знала свои черты наизусть. Рост, телосложение, черты лица... Но сегодня зеркало, казалось, отражало и ее внутренний мир, отражало прожитое, ее муки, горести.

Она прошла целый путь, поскальзываясь, оступаясь, падая и поднимаясь, надламываясь, падая чужим под ноги. Столько раз на этом пути ей хотелось наложить на себя руки, уйти из этого светлого мира, обернувшегося для нее мраком. Перерезать вены, броситься с балкона, выпить уксусу, повеситься... Каждый раз она избирала какой-нибудь способ самоубийства. Но в такие минуты перед ее глазами вставала Айлин. Улькяр каждый раз передумывала, считая, что не имеет права уходить и тем самым бросать дочь на произвол судьбы.

Ее снова влекли в даль воспоминания. Ее жизнь вставала перед глазами как кинолента, и она унеслась мысленно в морозное 12 января 2004 года.

ГЛАВА 10 СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

На белоснежном «Audi Q-7» (в ту пору такой был в моде, те, кто при деньгах, сажали невесту во взятый в аренду Hammer, но Q-7 был собственным автомобилем Мадара и вовсе не уступал в цене Hammer, потому его и выбрали в качестве автомобиля жениха и невесты) Улькяр и Мадар выехали из Дома торжеств и направились в квартиру Мадара и его семьи на проспекте Нефтчильяр. В Дом торжеств Мадар приехал сам, но теперь был вдрызг пьян, его кое-как усадили на заднее сиденье, а машину повел шофер. Мадар так сильно напился, что даже потерял свою «бабочку».

Когда Улькяр стали готовить к первой брачной ночи, она не переставала плакать. Ведь она всегда представляла себя в эти минуты с Руфатом: влюбленные сливаются друг с другом так, будто находились в разлуке целую вечность. А теперь вот она достается этому грубому, неотесанному подонку, который на собственной же свадьбе напился до неменяемого состояния...

Едва войдя, Мадар принялся раздеваться, стягивая брюки, не удержался и упал. Улькяр непроизвольно хохотнула, но этот смех сменился чувством брезгливости. Мадар кое-как разделся и повалился на Улькяр. Водочный и табачный перегар обдал лицо Улькяр, от его грубых действий ей стало совсем плохо на душе.

Запыхаясь, суется, он пробовал что-то предпринять, но не мог, злился, матерился. Пробовал снова, но снова не получалось. Он бранил Улькяр, заставлял ее проявить инициативу, вел себя грубо. Чуть спустя Мадар полностью обессилел, выдохся, повалился ничком и захрапел.

Улькяр разрыдалась. Это и есть начало ее супружеской жизни?

В тот день Улькяр проплакала до самого утра. Ее свекрови Назанде ханым, которой стало все известно, никак не удавалось ее утешить. Улькяр, продолжая плакать и стелать, нашла силы сказать:

– Разве можно напиваться в день собственной свадьбы? Разве можно грязно ругаться при своей жене? Разве можно так грубо, жестко обращаться со своей женой? Простите, но я скажу, он обращался со мной как со шлюхой.

В следующие дни Улькяр продолжала оставаться девственницей, Мадар оказывался то пьян, то уставшим, то совсем на себя не похожим – с опухшими и красными глазами (только потом Улькяр узнает, что ее муж курит марихуану), а порой он ругался с Улькяр без всякого на то повода, грубил ей и брачная ночь никак не удавалась.

Мать Мадара Назанде ханым был очень хорошей женщиной, доброй, отзывчивой. Ей было больно за сына, она старалась так или иначе уладить вопрос. Женщина со слезами на глазах умоляла Улькяр никому не рассказывать того, что она до сих пор остается девственницей, что Мадар до сих пор «не справился со своим делом». Конечно, все предположат, что Мадар бессилён, слаб и даже гомосексуален, пойдут слухи, и вся его семья окажется опозорена. Но ведь Мадар таковым не являлся.

Бедная женщина отчитывала сына, давала наставления, но всё без толку.

Улькяр страдала в одиночестве, ни слова не говоря матери и сестре. Конечно, теперь у нее имелся отличный повод, чтобы бросить в лицо родителям: «Гляньте, как вы испортили мне жизнь», но она сжалась над слезами Назанде ханым, видя ее человечность, видя, как та с самого первого дня ценит Улькяр, относится к ней как к дочери, и потому твердо решила до самого конца следовать ее просьбе.

Назанде ханым была женщиной светской, но от безвыходности ей, посчитавшей, что сыну сделали «отворот», пришлось обивать пороги всяких гадалок и ворожей.

Лишь спустя двадцать два дня после свадьбы состоялась эта долгожданная первая брачная ночь. Мадар два дня не выходил из дому, не пил, не курил, следил за здоровьем и, наконец, справился со своим супружеским долгом.

Но до того дня Улькяр пребывала в сомнениях, порой даже радовалась, что остается девственницей, думала, наверно, такова Божья воля, мол, я должна остаться девственницей и достаться в конце концов своему Руфату.

Семейная жизнь проходила очень тоскливо, доброта свекрови никак не компенсировала грубость и равнодушие Мадара. Этот человек ни разу не вышел погулять со своей супругой, не водил в кино или на концерты. Лишь когда их приглашали на свадьбы, обручения, дни рождения, Улькяр приводила себя в порядок и становилась членом семьи Марданзаде.

После того, как Мадар окончил университет и получил должность в прокуратуре, он стал еще грубее и резче. Порой он приходил за полночь, снова вонял спиртом и табаком, глаза всё чаще и чаще наливались кровью и опухали. Порой Улькяр замечала на его белой сорочке следы женской помады, чувствовала от него запах женских духов. Она пару раз его за то упрекнула, а однажды даже стала свидетельницей интимного разговора мужа с какой-то женщиной, посчитала себя оскорбленной и ушла из мужниного дома, вернулась в квартиру на «Гянджликке». Брат тут же позвонил в район и вызвал мать с отцом, а те насильно вернули Улькяр в мужнин дом.

– Открой свои уши и слушай хорошенько, – резким тоном сказал Галандаров дочери. – Ты можешь выйти из мужниного дома только мертвой!

В ту пору единственным утешением Улькяр оставался университет. Она ходила на занятия, и это ее несколько приводило в себя. Она всё еще надеялась встретить случайно своего Руфата, всё еще надеялась каким-то образом обрести счастье после того, как судьба ее наказала и она заплатила такую дань. Даже однажды она с колотящимся сердцем побежала за одним парнем на улице, крича «Руфат», но когда тот обернулся и она увидела, что обозналась, то оказалась очень опечалена.

Но случилось нечто похуже. Однажды она вернулась с занятий и застала Мадара дома. Тот был пьян и набросился на нее:

– Где шлялась? – заорал Мадар.

Родители Мадара дома отсутствовали, потому Улькяр не оробела перед ним:

– Во-первых, следи за своим ртом, я не уличная девка, чтобы шляться. Во-вторых, сам не знаешь, где я? Где мне еще быть, кроме университета?

Улькяр на этом не остановилась, стала учить мужа уму-разуму:

– Мужчина не должен воспринимать жену, как рабыню, она ему спутница, друг, даже королева, мужчина должен доверять жене, полагаться на нее, советоваться с ней, строить вместе будущее.

Но Мадар не собирался набираться ума-разума, в тот день он был особенно разъярен. Он поднял на Улькяр руку, сказал, что ни в какой университет она больше не пойдет.

Улькяр не восприняла эти слова всерьез, подумала, наверно, Мадар так говорит потому, что пьян, назавтра забудет эти слова. Но вышло иначе.

На следующий день Мадар отправился в университет и перевел Улькяр на заочное отделение.

Улькяр осталась взаперти среди четырех стен. Улыбка покинула ее лицо, она тосковала, плакала тайком.

Родители Мадара, видящие его равнодушные к жене, пробовали с ним поговорить, вернуть на верный путь, но как они ни старались, им ничего не удавалось.

Однажды Улькяр во время семейного ужина стала свидетельницей следующего разговора. Афлатун муаллим сказал сыну:

– Мадар, нам больше нечего тебе сказать. Я и поверить бы не мог, что ты до такого дойдешь. Погляди-ка на Руфата, мы, отцы, заставляли вас в детстве бороться друг с другом, задавали вам разные вопросы, спорили между собой, мол, чей сын сильнее. Тогда я и подумать не мог, до каких высот дойдет Руфат и до какого дна дойдешь ты. Мадар Марданзаде не должен был так пасть. Ты на это не имеешь права.

Речь шла о Руфате, том самом Руфате, которого любила Улькяр.

Услышав его имя, Улькяр не удержала слез, а Назанде ханым и Афлатун муаллим подумали, что она плачет от упреков в адрес мужа, который не оправдал надежд своих родителей.

Родители, не справившиеся с воспитанием сына, вконец пали духом. Они пробовали умиловить Улькяр добрыми словами, утешениями, подарками.

Порой Назанде ханым, пробуя компенсировать невнимание сына к своей жене, выходила с Улькяр погулять по бульвару, свекровь и невестка гуляли до упаду, вели обмен мнениями.

Улькяр делилась своими переживаниями с этой крайне умной и культурной женщиной с высшим образованием, излагала свои мнения о сущности семьи, отношений между мужчиной и женщиной. Ее несколько обнадеживали слова свекрови: «Мадара мы совсем избаловали, он вырос очень строптивым, а теперь вот не можем на прямой путь вернуть, но пускай у вас родится ребенок, и всё образуется, ребенок скрепляет брачные узы». А Улькяр делилась со свекровью «формулой счастья», которую вывела для себя в девичестве:

– Я всегда представляла себе свою свадьбу, как выхожу из родительского дома под звуки «Вокзалы». Брат с отцом житья мне не давали, следили за каждым шагом, у меня не имелось никакой свободы и самостоятельности. Окруженная всеми этими запретами, я надеялась только на принца на белом коне, я мечтала, как в один прекрасный день этот принц вызволит меня из темницы и сделает счастливой. Я представляла во всех мелочах наш свадебный день. Жених и невеста должны учесть многие детали, чтобы этот день запомнился как самый счастливый в жизни. Есть шаги на пути к счастью, которые важно знать. Роскошная свадьба или простая? Свадьба для тысячи гостей или только для двух любящих? Бурная свадьба, шумная или полностью сдержанная? Поверьте, я бы выбрала самую тихую, простую свадьбу, ту, которая просто принесет мне счастье. Я бы выбрала не разобщенную семью, поедающую одни шашлыки да черную икру, а семью добрую, пусть и бедную. Жаль, судьба в моем случае распорядилась иначе.

Назанде ханым нравилось покупать для Улькяр дорогие наряды в брендовых бутиках на проспекте Нефтчиляр. В этих нарядах Улькяр ощущала себя по-другому, одежда подчеркивала все ее достоинства, только это наслаждение становилось мимолетным при одном только воспоминании о грубом отношении Мадара к ней, и тогда чистое небо заволакивалось темными тучами.

Назанде ханым высказывалась открыто, будто приходилась матерью не Мадару, а Улькяр, она всегда вставала на сторону невестки, а порой упрекала из-за Улькяр ее родителей и своего мужа:

– Нельзя выдавать замуж шестнадцатилетних, восемнадцатилетних девушек. Одно дело – фильмы, другое – жизнь. Да и двадцатилетних парней женить не следует. Родители советуются между собой, решают за детей, реализуют свои планы, одни ищут себе покровительства, другие выдают детей только за родственников, третьи намереваются обогатиться, а четвертые, как и в нашем случае, собираются превратить дружеские отношения в родственные. В результате они из-за своих примитивных амбиций обрекают детей на несчастья. Насильно сводят вместе незнакомых, ничего не испытывающих друг к другу молодых людей и тем самым делают несчастными. Знаешь, доченька, времена-то изменились. Может, такой принцип имел смысл в свое время, но сейчас он этого смысла не имеет. Сегодняшние дети живут в век компьютеров и интернета и совершенно не похожи на детей былых времен. Образ мыслей, знания, образование, наука – изменилось всё, но обычаи и традиции продолжают оставаться теми же.

Одно время Мадар совсем распустился, порой не приходил домой сутками, приходили вести о том, что он то в Стамбуле, в дискотеке «Рейна», то в Батуми, в казино «Иверия». Его родители, как и Улькяр, пребывали в расстроенных чувствах.

В период беременности Улькяр так или иначе ожидала от Мадара заботы и внимания, она многое слышала о счастливых беременных женах, которым могла вдруг захотеться в самый разгар зимы алыча, женах, чьи мужья готовы были достать эту самую алычу посреди зимы чуть ли не из-под земли. Но, к сожалению, ничего похожего в Мадаре она не увидела. Единственное, что делал Мадар, так это время от времени бросал взгляд на ее постепенно округлявшийся живот и задавал вопрос: «Ну, когда родится мой сын?»

11 апреля 2005 года у нее родилась дочь.

Как же неповторимо, прекрасно стать матерью. Лепет малышки уносил ее на седьмое небо. Запах малышки пьянил ее. В родильный дом Лейлы Шихлинской Мадар снова заявился пьяным, он принес большой букет цветов и дорогой шоколад, радовался, а после того, как Улькяр выписали из больницы, устроил с друзьями большое застолье.

Он радовался своей малышке всего пару-тройку дней, потом и ребенок ему приелся.

Однажды он даже обругал Улькяр: «Стерва! Трудно было родить мне сына?»

Улькяр во время отношений с Руфатом поклялась назвать своих детей – плодов любви – Эльвином и Айлин. Она сдержала клятву, увидев, что Мадару до лампочки, как назвать ребенка, сказала Назанде ханым, что ей очень нравится имя Айлин и она хочет назвать дочь этим именем.

Назанде ханым и Арастун муаллим, окрыленные появлением первенца-внучки, имели свои планы по поводу имени ребенка, но согласились с именем «Айлин», не желая доставлять лишних мук своей и так несчастливой невестке.

Приехавший повидать внучку Галандаров заявил Зохре: «Моя внучка – точная моя копия. Глянь, как она серьезно и внушительно смотрит».

В тот день Улькяр впервые за период замужества поведала отцу наедине, сколь она несчастлива, обвинила его в том, что он продал ее как какую-нибудь вещь. Сказала, что лучший вкус на свете – это вкус любви, что Бог создал человека из чистой любви. «Сам посуду, когда ты покупаешь квартиру или машину, покупаешь ту машину и квартиру, которые тебе полюбились. Но создание семьи гораздо значимей. Ты как отец лишил меня возможности создать семью по любви».

Улькяр впервые обстоятельно рассказала отцу о всех горестях своей семейной жизни, обвинила его в своих несчастьях.

Галандаров всегда был яростным, злым, но на сей раз не стал бросаться на дочь, терпеливо ее выслушал, а потом ответил следующее: «Ты отныне мать, должна всё уладить ради своего ребенка. А Мадар после всех своих приключений остепенится, станет ценить свою семью». С этими словами он попрощался и ушел.

Но однажды случилось нечто более ужасное.

Ночью Улькяр не спалось, она стала листать подаренную Руфатом книгу, осталась наедине со стихами.

*В сознание туман, в душе буря,
И мечты, и мысли прервались.
Ты такая сильная,
Что твое отсутствие
Даже всех родных моих обратило в чужаков.*

*Гордость моя и радость остались во вчерашнем дне,
Ты живешь в моей печали и горе.
Твое отсутствие одержало такую победу,
Что сегодняшний день мой мертв,
Но жив мой день вчерашний!
Играю на другой струне души,
Я остался во дне вчерашнем.*

Она читала книгу, прижимая ее к груди, и проливала слезы. Вдруг увидела нависшего у нее над головой мужа, Мадар отнял у нее книгу и бросил взгляд на стихи, которые читала Улькяр:

*Гордость моя и радость остались во вчерашнем дне,
Ты живешь в моей печали и горе.
Твое отсутствие одержало такую победу,
Что сегодняшний день мой мертв,
Но жив мой день вчерашний!*

Мадар так заорал посреди ночи, что его крик отдался эхом в тишине:

– Значит, втюрилась? Не можешь забыть прежнего хахаля?! Оказывается, ты шлюшка, а мы не знали!

На крик прибежали полусонные родители Мадара. Единственной причиной такого скандала могло быть только то, что Мадар застал Улькяр с другим мужчиной, но родители увидели, что Мадар закатил скандал только потому, что Улькяр читает книгу, и отругали сына. Но Мадар был пьян и обкурен, он порвал книгу и вышвырнул в окно.

Эта выходка мужа надломил Улькяр пуще прежнего. Будто не книгу, а само ее сердце порвали на клочки и вышвырнули в окно.

В ту минуту единственным утешением для Улькяр было прижать к груди свою малышку и заплакаться вдоволь. Порой она замечала, что оросила слезами и свою дочурку.

Айлин росла не по дням, а по часам. Не пришлось долго ждать, когда она заговорит и встанет на ноги. Кроватка, коляска, одежда девочки, окруженной любовью бабушки с дедушкой и мамы, были самыми дорогими. Даже ее соска была привозной, из Америки, и стоила двести сорок долларов.

Но что с того?! За фасадом внешнего благополучия скрывалась большая внутренняя тревога, имя которой – пренебрежение отца по отношению к своему ребенку.

ГЛАВА 11 ПРИЗРАК

От прошлого у Улькяр остались только подаренный Руфатом брелок с изображением сердечка да привычка смотреть сериалы. В этих сериалах отображались иные стороны отношений между мужчиной и женщиной, те стороны, которые не вмещались в известные ей ментальные рамки. В том районе, где она родилась и выросла, присутствовал фактор чести, там попорченная честь равнялась смерти. Девушки и женщины были приговорены осторожничать сверх всякой меры, чтобы о них не распускали никаких слухов. Не показываться часто на улице, не говорить громко, прятать лицо от мужчин – Улькяр привыкла к тому, что всё это – норма жизни. Еще одним ментальным законом являлось то, что муж в семье – деспот, а у жены нет никаких прав. Мужчина не нес ответственности ни за один свой поступок. Его также не позволялось попрекать за измены жене. Неписаное золотое правило в их районе гласило: «Мужчина – самец, может распробовать любую самку». Выходки ее отца – реальное воплощение этого закона. Но в зарубежных сериалах люди жили совсем иной жизнью. Если мужчина изменил своей женщине, она тоже избирала этот путь измены, чтобы отомстить ему, наказать.

Однажды Мадар пропал на целую неделю, отец отыскал его у какой-то разведенной женщины и приволок домой. Оказывается, Мадар состоял с ней в отношениях уже пару месяцев. Улькяр ушла, забрав с собой Айлин, отправилась в квартиру на «Гянджликке». Обзаведшийся семьей брат стал полноправным хозяином в этой квартире, потому она долго простояла у порога, не решаясь нажать на звонок. Куда ей идти? В район? Разве отец не вернет ее обратно собственными же руками? Вдобавок, о ней станут судачить люди. Что же тогда делать?

После долгих раздумий она вернулась в мужнин дом. В ту пору ей впервые пришло в голову изменить Мадару. Она хотела представить себя вместе с Руфатом, но, не зная, как сейчас выглядит и держится любимый, стала подыскивать новый образ. Но представить себя в одной сцене с сокурсниками, признававшимися ей в любви, тоже не смогла. Общение с ними сводилось к паре фраз, порой даже лица их она вспомнить не могла.

Ее внимание привлекал симпатичный молодой сосед, которого она часто замечала на балконе, порой он выходил на балкон без майки, его мускулистое тело выглядело потрясающе. Вот так всё эротическое желание Улькяр перенеслось на того парня, она вообразила себя с ним в постели. Каждую ночь, прижавшись лицом к подушке, она воображала, как занимается любовью с этим молодым человеком. Ощущения казались реалистичными, так как она видела въяве его грубые губы и мускулистую грудь. И сладкая истома охватывала всё ее тело.

Она стала почаще выходить на балкон, чтобы только увидеть соседского парня.

Так продолжалось довольно долго, да и сам парень, кажется, ощутил проявленный к нему интерес и однажды сказал ей комплимент. Именно в ту секунду Улькяр поняла, что же такое она делает, щеки ее покраснелись со стыда, она забежала внутрь и с того дня запретила себе даже мысленно изменять Мадару.

Ее сестра Лейли училась в Университете иностранных языков и потому изредка заходила в гости. Улькяр всегда радовалась визитам своей сестры, которой могла поведать все секреты. Иногда приезжала и мать, оставалась на пару дней и помогала дочери ухаживать за ребенком, помогала по домашним делам. После рождения внучки Назанде ханым еще больше полюбила свою невестку, проявляла по отношению к ней большую заботу и ласку. Только Мадар никак не мог оступиться. Его нынешние выходки не шли ни в какое сравнение с прежней грубостью, порой он даже поднимал на жену руку. Он то и дело упрекал ее: «Кто отправил тебе сообщение на телефон? Почему ты выглянула в окно? Почему ты холодна в постели?»

Сил у Улькяр хватало лишь на слезы. Когда она расспрашивала Лейли, а также Дунью, подругу, которая оставалась в районе, о Руфате, то смешанные чувства, что она испытывала, узнав новости о любимом, сказывались на всём ее душевном положении.

Руфат окончил факультет бизнес-администрирования Экономического университета в Баку, устроился на хорошую работу, помогал оставшимся в районе родителям и братьям с сестрами. Всё это радовало Улькяр. Но в то же время ввергало в пучину скорби, она понимала, что за соковище она потеряла. Выходит, если б они с Руфатом поженились, то она и вправду оказалась бы счастливой, если тогда желание Руфата построить успешную карьеру выглядело всего лишь мечтой, то сейчас оно обернулось явью, теперь это истинное положение дел, и потому Улькяр становилось еще больше из-за упущенного шанса.

Беда не приходит одна. Однажды Мадара арестовали за хранение наркотиков. Отцу за счет невероятных усилий удалось спасти его от ответственности. Но следом случилось нечто похуже. На сей раз Мадар пришел в полночь весь в крови. Он был пьян, от него за версту разило.

– Я сбил человека, – разрыдался Мадар.

Как описать, какой переполох поднялся дома... Арастуна в ту ночь отвезли в больницу с сердечным приступом.

Мадар сбил насмерть переходившую дорогу пожилую женщину. Никакого оправдания у него не имелось. Он находился в нетрезвом состоянии, вдобавок в центре города вел машину со скоростью 90 километров в час и сбил женщину на пешеходной полосе. Единственной спасительной зацепкой было то, что женщина почти ничего не видела, она была очень старой и дряхлой. Да и близких у нее не имелось. Адвокат Мадара построил свою защиту на том, что старуха ничего не видела и выскочила на дорогу неожиданно.

Освободить Мадара полностью от уголовной ответственности оказалось невозможно, ему дали условное наказание. Это событие лишило семью материального достатка, но случилось кое-что похуже. Сердце Арастун муаллима не выдержало, и он скончался.

Смерть отца сильно изменила привыкшего кататься, как сыр в масле, Мадара, не умевшего жить и зарабатывать самостоятельно. Он принялся думать о будущем, начал пробовать выбраться каким-либо путем из этой черной полосы. Но не вышло. Он взялся за отцовский бизнес, но прогорел, отцовские объекты перешли в чужие руки, залез в кредиты в банке и теперь барахтался в выплате процентов. И с работы его выгнали.

В тот период Галандаров уже вышел на пенсию, его авторитет неуклонно падал. Этого человека, всю жизнь находившегося на разных должностях, хапавшего большие деньги, сейчас уже никто не искал, да и желание время от времени выходить из дому, чтобы с кем-то поговорить по душам, сходить в чайхану и поиграть в домино, оказалось трудноосуществимым. Люди, которых он оклеветал и отправил за решетку, люди, по отношению к которым он проявил бесчестье, их родственники при встрече с Галандаровым грубили ему, а один так вообще плюнул в лицо. Дело дошло до того, что Галандарову захотелось переехать из района.

Одним зимним вечером Галандаров возвращался домой пешком, его заметили проезжающие мимо на автомобиле сыновья Дурсун-киши, которых он в свое время отправил за решетку, они притормозили и силой усадили Галандарова в автомобиль, поехали в тот самый высаженный искусственный лес, раздели обидчика догола и повесили на дереве вниз головой. Трясущийся от холода и ноющий от боли Галандаров умолял оставить его в живых, заклинал врагов именами их детей. Ему отвечали следующим образом: «А ты сам сжалился над нами, молодыми парнями, когда отправлял за решетку?»

Они сожгли всю одежду Галандарова и ушли восвояси. Но Бог всё-таки сжался над бездушным своим созданием. Если б случайно мимо не проходил участковый, идущий по следу угонщиков скота, то этот день стал бы последним для Галандарова. Участковый развязал Галандарова, обернул в свою шинель и отвез в районную больницу. Галандарову пришлось лежать в больнице двадцать три дня.

Прикарманенные деньги никогда и никому не приносили добра. И даже краткосрочное счастье, что они дают, непременно оборачивается бедой, черные тона покрывают все радужные краски. Жестокость обязательно сказывается на человеческой жизни, те, кто рушит семьи, топит других в крови, берет за правило бесчестье и несправедливость, доставляет мучимым адские муки уже на этом свете, сами в конце концов непременно оказываются в настоящем аду.

Ульяяр, услышав об этом случае, снова оттаяла сердцем, ей стало жаль отца, но она прекрасно понимала, что отец заслужил такую участь: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Даже посоветовала матери не оставаться с ним рядом, приехать а Баку, а то мало ли чего, она сама может попасть под горячую руку.

А Мадар продолжал катиться по наклонной. Он распродал все драгоценности Ульяяр, заполучил на руки немного денег, собрал свой чемодан и сказал, что уезжает в Россию и построит там бизнес.

Назанде ханым плакала, умоляла, но Мадару было до лампочки, удержать его не удалось.

Мадар уехал. За шесть месяцев отсутствия он позвонил тоскующей матери всего раз, наскоро поговорил, спустя какое-то время передал через одного человека сто долларов, и на этом всё. Продолжения не последовало.

Ульяяр старалась выстоять, поддерживала Назанде ханым, вместе они терпели невзгоды. Четырехлетие Айлин свекровь, невестка и внучка отметили вместе. Назанде ханым заказала вкусный кремовый торт с надписью «Айлин, 4 года». Они даже представить не могли, что в тот день услышат еще одну плохую весть.

На сей раз Мадар позвонил не матери, а Ульяяр, та, естественно, подумала, что муж звонит поздравить дочь. Однако Мадар сказал совсем другое. В телефоне раздался его ледяной тон:

– Я решил сказать это не маме, а тебе, боюсь, мамино сердце не вынесет. Я больше не вернусь, я тут женился, а ты вольна устроить свою жизнь по-своему. Не думай, что я могу оказать какую-либо помощь тебе и твоей дочери. Отныне вы для меня чужие люди.

Можно ли представить такую жестокость, бесчеловечность? Этот подлец сказал «тебе и твоей дочери», будто Ульяяр зачала дочь от постороннего человека. Как может нормальный человек так непринужденно отказаться от своего малыша? Ведь это плоть от твоей плоти...

Даже если мужчина разводится со своей женой, он обязан продолжать решать проблемы бывшей семьи, заботиться о детях. Как такое вообще возможно, полностью поставить крест на первой жене, а потом строить с чистого листа отношения со второй? На чужой беде счастья не построишь. Бог такого не допустит.

В тот день Ульяяр всем своим существом ощутила, каково это оказаться разведенной. Она не была готова к самостоятельной жизни, не работала. Куда податься? Снова вернуться в район? Но как сложится участь ее маленькой дочурки в этом обителище отсталости и мрака?

Каждую ночь, укладывая Айлин спать, Ульяяр рассказывала ей сказку. Жили-были женщина двадцати двух лет и девочка трех лет. Они были очень веселыми и добрыми, хотели стать счастливыми. Но счастье у них отобрал Семиглавый дэв...

Айлин однажды спросила: «Мама, как зовут того дэва?»

Ульяяр надолго задумалась и наконец ответила: «Дэва звали Мадар».

ГЛАВА 12 ОБВИНЕНИЕ

При чтении этого фрагмента Сулейман был настолько тронут, что на глаза подступили слезы. И он даже вздрогнул, когда слезинка капнула на страницу. Он не принимал того, что художественное произведение, фильм могут заставить человека плакать, точнее, он допускал такое для женщины, но не для мужчины.

Интересно, есть ли отдельная область психологии, изучающая проституцию? Есть ли отдельная наука, изучающая данную сферу? Если нет, то почему? Может, если изучить этот процесс, то получится выкорчевать эту заразу?

Нет, никак не получалось взять себя в руки.

Он взял телефон и набрал номер автора романа. Даже не здороваясь, тут же выпалил:

– То, что ты написал, – это реальная история?

На том конце провода послышался радостный голос Эльгюна Баята:

– Я был уверен, что мой роман вас заинтересует, что вы будете впечатлены и зададите мне этот вопрос. Знаете, когда я писал этот роман, поставил перед собой цель...

У Сулеймана не хватало терпения выслушивать откровения Эльгюна, он перебил молодого автора и повторил вопрос:

– Реальная история или нет?

– Реальная.

– И почему тогда ты назвал роман «Проститутка»? По-твоему, Улькяр – проститутка?

– Если женщина ради денег...

– Да послушай ты, Улькяр – не проститутка, она – ангел любви. Я обвиняю тебя лично за то, что ты считаешь ее проституткой! Понял?

Сулейман вдруг спохватился, что повысил голос, и потому не стал затягивать с беседой, дал отбой и бросил в раздражении телефон на стол.

Роман столь сильно его притягивал, что он не мог вырваться из этого плена.

Следовало ответить на определенные вопросы, возникшие в сознании, доказать определенные пункты.

Ведь его жизненный принцип: решать проблемы по мере поступления, ничего не откладывая на завтра.

Он встал, подошел к книжной полке и взял книгу с зеленой обложкой.

Пролистал эту книгу Ахмеда Гашамоглу «Использование гармонирующей теории в управлении социально-экономическими процессами», перечитал фразы и предложения, подчеркнутые красным.

«В формировании поведения людей 4 фактора играют важнейшую роль: 1) собственная природа человека, его духовно-психологическое состояние; 2) среда; 3) содержание и интенсивность получаемой им информации; 4) ценности, которым личность отдает приоритет».

Сулейман стал рассматривать Улькяр сквозь призму четырех этих факторов.

Поведение Улькяр и вправду сформировано этими четырьмя факторами, четырьмя антагонистическими факторами. Одни факторы привели к возникновению в ней положительных эмоций, другие – отрицательных, противоречия схлестнулись в борьбе, и в итоге из этих разнородных элементов возникла Улькяр.

Он посмотрел на часы.

23:17, значит, пока можно продолжить чтение.

Он взял в руки роман.

ГЛАВА 13 РОЗОВЫЕ ДНИ

У ценящих себя по достоинству женщин свои правила. Соблюдать эти правила обязательно. Улькяр усвоила эти правила из тех же фильмов и сериалов, женских передач, ток-шоу, которые стала смотреть с подросткового возраста.

Первое правило: женщина должна полностью быть в себе уверенной, жить с верой, что избавится от проблем. Женщина должна прекрасно разбираться в своих достоинствах и недостатках, не должна бояться остаться одна, говорить с собой, не должна бояться чужой критики. Она, никому не подражая, должна создать свой образ в жизни, сохранить собственную уникальность.

Второе правило: женщина не должна испытывать необходимости в самовосхвалении. Знающая себе цену личность не станет никоим образом кичиться при других, вместо расходования своей энергии на то, чтобы доказывать свое превосходство, она должна применить ее на достижение своих целей.

Третье правило: женщина никому не должна позволять нарушать ее границы. Для нее на первом месте должно стоять соблюдение собственных интересов. Женщина должна принять статус независимости и неприкосновенности других лиц и в то же время позаботиться о таком же к себе отношении. Уступать другим следует, только не идя против себя.

Четвертое правило: ценящая себя женщина никогда не должна ставить противоположный пол выше себя. Она должна держаться от вредной тенденции видеть в каждом встречном спасителя и того, кто дарует ей счастье, с которым она могла бы построить будущее. Если гордая женщина при первом же контакте поймет, что другая сторона не даст ей ничего положительного, то она должна тут же уйти, не питать иллюзий по поводу того, что всё наладится с течением времени.

И, наконец, пятое: женщина при плохом к себе отношении должна с легкостью прервать отношения и уйти. Ни в коем случае нельзя терпеть, мучиться, надеяться до самого конца, что всё наладится, бояться того «что подумают люди».

Но, к сожалению, эти правила не совпадали с ее реальной жизнью... Сыграло роль ее бесправие перед родителями, она терпела муки, не имея возможности быть вместе с любимым человеком, ей пришлось стать женой грубого и неотесанного, распутного мужчины, которого она вовсе не любила, ее постоянно попирали, унижали, оскорбляли, и в итоге ей изменили. И как будто этого мало, этот сам виноватый человек постоянно ее в чем-то обвинял, вдобавок посчитал виновницей своего несчастья, бросил ее с ребенком и создал новую семью. Какая же эта несправедливость, какое бесчестие!

Теперь Улькяр предстояло вступить в новый период своей жизни, устроиться на работу, построить карьеру, попытаться вторично создать семью, если повстречается хороший человек. И самое главное, она мечтала видеть дочь самой счастливой на свете, была уверена, что осуществит эту свою мечту.

Выбор лишь один. Она не вернется в район, в дом родителей, уйти из нынешнего дома Мадара она тоже не могла, так как не имела средств, вдобавок ей было жаль оставшуюся одинокой свекровь, которая упрашивала ее остаться. Назанде ханым говорила, что любит Улькяр как собственную дочь и что Айлин для нее – это смысл жизни. Сам Бог не допустил бы ухода Улькяр. Назанде ханым обвыклась с уходами сына, его глупыми решениями, в глубине души она верила, что сын передумает, рано или поздно вернется в отчий дом, сожалела о содеянном. Назанде ханым воспротивилась решению Улькяр устроиться на работу, сказала, что работает сама и может сама прокормить семью, добавила, что Улькяр и так ведет домашние дела и воспитывает Айлин, пусть ребенок подрастет, и тогда Назанде ханым сама подыщет Улькяр работу, а пока ей достаточно заниматься домашними делами.

Вот так началась новая жизнь. Улькяр не передала своим родителям последних слов мужа, знала, что если те узнают о разводе, тут же поволокут ее обратно в район, не дадут ей распоряжаться собственной судьбой. Она сказала им лишь то, что Мадар уехал на заработки.

В 2010 году состояние здоровья Галандарова резко ухудшилось. После того случая повешения вниз головой он никак не мог в себя прийти, ходил ошалело, его тело болело и ныло. Как-то ночью он окликнул Зохрану, сказал, умираю. Зохрана попыталась как врач оказать мужу помощь, но тот вмиг посинел, и Зохрана растерялась, не зная, что с ним. Она побежала к соседям, прося отвезти мужа на машине в больницу. Но сосед отклонил просьбу бедной женщины, отговорившись тем, что кончился бензин. Зохрана побежала искать такси, на такси Галандарова и отвезли в районную больницу, но тот скончался прямо в приемном отделении.

И знаете, что в тот день первым пришло на ум Зохране? Зохране подумалось, что несправедливость, содеянная против женского пола, возвращается стократно, что жестокость отца по отношению к Улькяр привела к такой ужасной его смерти.

Лишь трое близких родственников пришли выразить свое соболезнование, и тогда Зохрана поняла, что не стоит давать поминки, никто не придет, и решила, что бессмысленно жить тут одной среди всех этих чужих людей. Похоронив мужа, она собралась пожитки, повесила замок на дверь и отправилась в Баку.

Она предполагала жить с сыном, но там долго выдержать не смогла, невестка с ней не ладила. Она продала с помощью родственников за бесценок дом в районе и купила на эти деньги однокомнатную квартиру недалеко от станции метро 20 января.

Окончившая университет и работающая переводчицей в иностранной компании Лейли до того времени жила на съемной квартире, а после того, как мать купила однокомнатную, Лейли переехала жить вместе с ней.

Спустя какое-то время внезапно вернулся Мадар и увидел, что Улькяр всё еще проживает в его квартире. Он обругал ее последними словами и официально с ней развелся. Но всё это привело к тому, что Улькяр стала больше себя ценить. Назанде ханым прогнала Мадара, но Улькяр заявила, что не станет больше тут жить, и переехала в квартиру матери.

Сценарий жизни стал меняться всё чаще. Кизилового цвета чемодан Улькяр, который она взяла с собой при переезде в Баку, всё чаще стал сменять места обитания. Дом в районе, квартира на «Гянджликке», квартира Мадара, нынешняя мамина квартира на 20 Января...

Раз в неделю, по воскресеньям, она отводила Айлин повидать бабушку, и в каждый ее визит Назанде ханым провожала ее с целой сумкой продуктов и деньгами (минимум она давала двадцать, максимум пятьдесят манатов).

Лейли зарабатывала неплохо, продуктами семью обеспечивала она. Деньги, что давала Назанде ханым, Улькяр тратила на себя и дочь. Им вчетвером было вполне комфортно в однокомнатной квартире. Зохрана, всю жизнь прожившая под гнетом Галандарова, повеселела, увлеченно готовила и убиралась, ухаживала за дочерьми и внучкой. Порой заходил Хаял проведать мать и сестер, жаловался на «чужую женщину», которая пыталась посеять рознь между ним и его матерью и сестрами.

– Мам, мерзавка не позволяет мне даже имени твоего упоминать. Будто вы заклятые враги. Она прикарманивает мои деньги, передает своей матери и сестре гостинцы, а при вашем имени эту гадину будто змея жалит, говорит, что даже соринки вам не перепадет.

Хаял порой хорохорился, говорил: «Однажды я возьму и прибью эту стерву», но Зохрана ругала его, велела не портить отношений в семье: «Слава Богу, у нас всё нормально, мы не нуждаемся в твоей помощи».

Улькяр пришлось долго искать работу, но ничего не подвернулось. Что же ей делать, что предпринять?

Ей на помощь снова пришла Назанде ханым, устроила ее на работу в детский сад поблизости от станции метро «Мемар Аджеми», Улькяр жила недалеко от этого места работы.

Улькяр включила Айлин в свою же группу. Ее первый опыт работы. Первые ступеньки на карьерной лестнице. Работать было очень интересно, привлекательно. Когда человек работает и сам зарабатывает, меняется отношение к нему, меняется отношение к самому себе, растет самооценка.

Она была очень увлечена, каждый рабочий день применяла новшества, проводила интереснейшие занятия с четырехлетними, пятилетними малышами, устраивала викторины. За короткое время она заслужила похвалы родителей, которые выразили директору благодарность за такую воспитательницу, а директор выдал Улькяр похвальную грамоту.

Всё это побудило Улькяр гордиться собой в хорошем смысле этого слова, она относилась ко всем малышам, как к своим детям, не делала различий между ними и Айлин. Новый период жизни заложил в сердце Улькяр семена веры, всё шло к лучшему.

В скором времени Айлин должна идти в школу, Улькяр будто только сейчас заметила, как подросла дочь, и это вызвало гордость за них обеих. Назанде ханым купила внучке школьную форму и принадлежности.

2012 год вошел в их жизнь благими вестями. За Лейли пришли сваты из хорошей семьи, Зохра тут же согласилась, в скором времени последовали обручение и следом свадьба. Улькяр пожелала сестре того счастья, которого не обрела сама, от ее внимания не ускользнуло, какой благородный человек их зять, Улькяр поверила, что Лейли, лучшая сестра на свете, обрела свою вторую половинку.

На свадьбе Лейли при виде счастливых жениха и невесты Улькяр вспомнилась своя несчастливая свадьба, и она не смогла удержать горьких слез. Она вспомнила, что Лейли всегда восхищалась и завидовала красоте Улькяр. И вот как круто повернулась жизнь. Теперь несчастная Улькяр завидовала своей счастливой сестре.

После того, как Лейли переехала в мужний дом, Улькяр, ее мать и Айлин долго скучали по Лейли, им ее не хватало. Но потом они и к этому привыкли.

Лейли время от времени помогала им продуктами и деньгами, Назанде ханым тоже не скупилась. Да и сама Улькяр получала пусть небольшую, но честную зарплату, так они втроем и жили.

Жизнь всегда готовит человеку сюрпризы. Порой этого нельзя предсказать не то, что за день, но даже за несколько часов. Однажды у Улькяр разболелся зуб, она дождалась, пока за детьми не придут родители, и пошла в ближайшую стоматологическую клинику. При входе в кабинет ее внимание привлек цвет стен. Розовый кабинет выглядел необычно, Улькяр до сих пор ни разу не встречала стены с такой окраской. А молодой врач привлек ее внимание еще больше. Высокому, симпатичному молодому человеку очень шли белый халат и улыбка. При виде Улькяр врач на секунду растерялся, можно было догадаться, что он не смог остаться равнодушным к красоте этой женщины.

Догадавшись об этом, Улькяр немного обрадовалась, ведь стать объектом внимания мужчины прекрасно. Вдобавок в нынешней ее ситуации.

Стоматолог Расим был младше Улькяр на пять лет. Начав сверлить больной зуб Улькяр бормашинной, он даже вздрогнул от близкого контакта. Он неотрывно смотрел на грудь Улькяр, никак не мог отвести взгляда, сама Улькяр прекрасно замечала, в каком состоянии находится врач, и это вызывало у нее легкую улыбку.

Улькяр пришлось посещать стоматологическую клинику три дня подряд. После окончания лечения и пломбирования зуба Расим, немало опечаленный тем, что больше не увидит Улькяр, передал ей визитку со своим номером и добавил, что всегда к ее услугам.

Улькяр и сама не понимала, что с ней происходит. Как после Руфата мог кто-нибудь еще пробудить чувства в ее сердце? Ведь казалось, что Руфат запер эту дверь и унес с собой ключи.

И невольно Улькяр спустя всего день позвонила Расиму, будто сообщая ему о состоянии своего зуба, но они проговорили целый час.

На следующий день они выпили вместе кофе, а через два дня поужинали.

Улькяр вдруг спохватилась, что привязалась к Расиму. Расим напоминал ей ее Руфата. Она не увидела никакой ласки и доброты от Мадара, а Расим рассеял все ее обиды, даровал покой.

– Единственная моя, эти розы для тебя.

– Сердце мое, послушай-ка эту песню. Будто ее поют для нас двоих.

– Хочу, чтоб ты надушилась этими духами. Этот аромат сводит с ума.

В жизни Улькяр начались розовые дни.

ГЛАВА 14

МОЖНО ВЛЮБИТЬСЯ ЗАНОВО

Что такое любовь? Это чувство, которое забирает тебя в свои объятия целиком и уносит далеко-далеко. Ты теряешь чувство реальности, от тебя прежней не остается ничего. Ты полностью меняешься, становишься совсем другой. Начинаешь еще больше любить жизнь, больше привязываешься к жизни, все краски становятся ярче, все запахи становятся изысканными, будто и солнце начинает светить ярче обычного. Любовь – самая интересная книга, самая красивая картина, самая глубокая музыка.

Улькяр уже раз влюблялась, вкусила любви. Дни с Руфатом были счастливейшими в ее жизни. Но мимолетные боязливые разговоры с Руфатом, жизнь в тоске по нему, невозможность обрести его – всё это сказалось на ней. Эта любовь была подростковой любовью без всякого физического контакта, их руки, их губы ни разу не коснулись рук и губ любимого человека. А теперь они с Расимом встречались без всяких препон, ходили в кино и театр, сидели в кафе и ресторане, гуляли по бульвару.

Особое счастье им доставляли прогулки по бульвару. Держась за руки, они проделывали большой маршрут. После августовской духоты наступила сентябрьская прохлада, следом пришел дождливый и ветреный октябрь, но они не собирались отвыкать от этого любимого времяпрепровождения, складывалось впечатление, что они будут приходить сюда даже зимой, в лютую стужу, станут гулять, держась вот так за руки, смотреть на море, кормить чаек.

Улькяр совсем не вдавалась в то обстоятельство, что Расим младше ее на целых пять лет. Совсем не вдавалась в то, что Расим холост. Она совсем не хотела думать о том, что станет, когда семья Расима узнает, что он встречается с разведенной женщиной на пять лет старше, да еще и с ребенком в придачу. Непрожитые романтические чувства в ее душе словно покрылись ржавчиной, их следовало очистить, обновить. Она нуждалась в ласке и заботе, дополнительной нежности, ее тело полностью сдалось Расиму, она пьянела от самого обычного его прикосновения, и это наслаждение уносило ее в другие миры.

Однажды во время прогулки по бульвару они столкнулись с Назанде ханым, но умудренная годами женщина сделала вид, что не заметила ее и прошла мимо. Когда на следующее воскресенье Улькяр взяла Айлин проведать бабушку, Назанде ханым задала лишь один вопрос: «Ты встречаешься с этим молодым человеком с серьезными намерениями, он на тебе женится?» И тогда Улькяр принялась долго и увлеченно рассказывать, что они безумно друг друга любят, поженятся, поведала о своих чувствах, переживаниях, о полном господстве любви, которая пришла неожиданно-негаданно.

В бытность свою невесткой Назанде ханым, они всегда вели с ней дискуссии. Эта женщина, преподававшая студентам филологию, прочла сотни произведений художественной литературы, философские трактаты, она была настоящим кладом мудрости. Порой они за чаем беседовали часами, обсуждали законы жизни, говорили о принципах человечности, о деталях безжалостной борьбы добра и зла, а в итоге непременно сводили речь на Мадара. Порой Назанде ханым признавалась, что допустила лишь одну ошибку в жизни: неправильно воспитала Мадара. Назанде ханым объясняла, что Мадар вырос таким наглым, глупым, эгоистом и бессердечным благодаря отцу Арастуну, говорила, что Арастун купал сына в деньгах и сбил его с прямого пути, мать всё время пробовала вмешаться, но отец ее не подпускал, утверждая, что никогда не позволит своему единственному сыну терпеть какие-то ни было лишения.

Отец даже говорил Мадару в детстве: «Обругай мать, дам тебе денег», и тот ругал родную мать и получал от отца деньги. Будто всё это шутка, и вправду Арастун устраивал это шутки ради, но эти выходки приучали детский характер к невоспитанности и легким деньгам.

Назанде ханым при этих беседах говорила, что фундамент будущей семьи закладывает не мужчина, а женщина. Если построить семью неправильно, пострадает целое поколение. Она говорила, что родители никогда не должны выдавать своих дочерей насильно замуж. Она с чувством отвращения ругала этих двух уже почивших друзей за то, что те из-за дружеского уговора сделали несчастной Улькяр, и даже самого Мадара. Они заключили этот уговор во время очередной дружеской попойки, играя в нарды, и желая укрепить дружеские связи по сути сделали несчастными двух молодых людей.

Назанде ханым говорила: «Может, и сам Мадар был в влюблен в какую-нибудь девушку, и ваш брак разбил сердце и ему? Если б вам дали возможность, если б вы могли выбирать сами, может и он и ты были бы сейчас счастливы...»

Но Улькяр считала, что в мерзкой нравственности Мадара виноваты лишь деньги, она говорила, что когда у человека много денег, он ищет приключений. С притоком денег Мадар вместо того, чтобы стать мудрее стал пьянствовать и подсел на наркотики, начал спать с проститутками. В итоге всё случилось так, как случилось.

Назанде ханым с болью в сердце говорила Улькяр: «То, что девушек так рано выдают замуж, как например тебя, да еще и не спрашивая их мнения, это настоящая трагедия. Надо освободиться от оков отживших традиций, дать девушке свободу выбора, надо непременно поставить конец бесправию девушек и женщин в семье. В Азербайджане должно сформироваться образованное, грамотное и свободное новое поколение».

Эта мудрая женщина догадывалась, что для Улькяр ее отношения с Расимом не мимолетные чувства. Назанде ханым говорила: «Милая, тебе уже однажды не повезло, если это повторится во второй раз, тебе станет гораздо тяжелее. Ты уверена, что этот парень не бросит тебя на полпути? Что ты предпримешь, если родители этого парня не согласятся на ваш брак? Почему ты настолько с ним сближаешься, не имея всяких гарантий загодя?»

Любовь ослепила, оглушила, лишила дара речи Улькяр. Она только и делала, что повторяла: «Расим останется со мной до конца», она доверяла ему, как самой себе. Назанде ханым спросила ее разрешения пойти и поговорить с Расимом, узнать о его планах, но Улькяр разгневалась и призвала эту пожилую женщину не вмешиваться в их отношения. Улькяр даже повысила на нее голос, Улькяр показалось, что за ее человечностью кроется нежелание принять то, что Улькяр способна сделать счастливым кого-либо другого, кроме ее сына. Назанде ханым даже расплакалась от обиды.

В дело вмешалась и мать Улькияр, подметившая, что та как-то чересчур радостна, слишком тщательно ухаживает за собой, приходит порой очень поздно. Узнав, что ее дочь встречается с молодым человеком, мать расспросила дочь об этом парне, а после полученных ответов растроенно всхлипнула. Ибо мать была уверена, что семья этого холостого парня, который младше ее на пять лет, воспротивится женитьбе их сына на разведенной женщине, у которой вдобавок еще и дочь от первого брака. «Милая, дорогая, не позорь нас среди людей, что скажут люди, если узнают, что ты без всякого загса, даже без кябина гуляешь с маменькиным сынком? А что, если прослышит твой брат? Головы не сносить». Мать предупреждала ее. Но Улькияр отныне была не той прежней Улькияр, она сказала матери: «Ты уже один раз испортила мне жизнь, а теперь не вмешивайся». А по поводу брата заявила: «Пусть Хаял только попробует что-то вякнуть».

Был дождливый октябрьский день, Расим пригласил ее к себе домой, в квартире, кроме них, никого не оказалось.

У Расима, оказывается, имелся музыкальный талант, он исполнил песню на своем синтезаторе:

*В этот вечер и звезды говорят о тебе,
И луна заалела, загорелась в вашем окне.*

Затем они слились в поцелуе, Расим повел ее в спальню, вот так в первый раз они и занялись любовью. Они не могли насытиться друг другом, встречались несколько дней подряд, один раз в номере отеля, в другой раз даже на рабочем месте Расима, в кресле для пациентов.

В пасмурный ноябрьский день Улькияр в очередной раз попросила Расима расписаться в загсе и сообщила ему новость, которая, как она думала, обрадует его: «Я беременна от тебя». Однако эта новость не пришлась Расиму по душе:

– Я сейчас к этому не готов, у нас в семье проблемы, отец взял кредит, расплатиться не может, дома каждый день скандалы. Если скажу им о женитьбе, они не согласятся, а по поводу ребенка выскажутся категорично. Давай немного подождем.

Улькияр почувствовала, как у нее обломились крылья. Она думала, что Расим обрадуется, расцелует ее и обнимет, она вовсе не ожидала встретить такой трусости и беспомощности. Но ведь она его любила, ее негативное к нему отношение сменилось сожалением, она даже подумала, что, будь у нее деньги, то обязательно ему помогла бы.

Для женщины самое тяжелое – это избавление от малыша в своем чреве. Это преступление. Разве не является преступлением решение избавиться от жаждущего появиться на свет живого существа – плода мимолетной страсти, необдуманной близости? Может, она брала и лишала жизни своего Эльвина. Она ужаснулась этой мысли, но что она могла поделать, раз Расим не желает ребенка, раз он затягивает с кябин, стоит ли рожать безотцовщину? Здесь не Европа и Америка, здесь Азербайджан... Как она выстоит перед всеобщим осуждением, всеобщей ненавистью?

Она никак не могла совладать со слезами в тот день, когда пошла на аборт.

Расим заботился о ней, кормил шоколадом, так как она потеряла много крови. Но Улькияр никак не могла прийти в себя.

Некоторое время после аборта она всё еще продолжала плакать по ночам, ей снился ее малыш, весь в крови.

За ошибкой следовала ошибка, словно вдетые друг в друга звенья цепи. Может, человек, поскользнувшись, должен опасаться упасть во второй раз. Может, поскользнувшись и упав, он должен опасаться встать, так как может упасть вторично. Но ни в коем случае не следует привыкать к падениям и вставаниям. Это приучает человека к ошибкам.

ГЛАВА 15 БЕССОННАЯ НОЧЬ

Сулейман встал, только сейчас, оторвавшись от романа, ему удалось отстраниться от ужасающих переживаний, что испытывала Улькяр, став убийцей собственного ребенка. С трясущимися руками он написал Эльгюну сообщение: «Ты очень безжалостный, жестокий человек. Даже если то, что ты написал, правда, ты вместо того, чтобы давать надежду читателям – это и есть первейший долг литературы, – уничтожаешь эти мечты. Уничтожаешь на корню».

В кабинет вошла супруга и, зевая, сказала, что уже поздно и следует ложиться спать. Сулейман ответил, чтобы она ложилась, не дожидаясь его, что он не может лечь, не завершив дела, у него на руках срочные документы. Жена пожелала ему спокойной ночи и вышла из кабинета. А Сулейман жадно набросился на роман. Он был уверен, что в эту ночь ложиться не станет. Будет читать до самого утра.

ГЛАВА 16 СНОВА ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ЗЕРКАЛОМ

Часы показывали ровно час пополночи. Она сидела неподвижно уже который час, всё тело затекло. Она встала, сделала несколько движений, чтобы размяться.

Прошла на кухню, налила воды из графина. Когда она впервые пришла сюда с Ним, то за чайным столом даже представить не могла, что останется в этой квартире и на следующие дни и даже получит предложение стать хозяйкой в этой квартире.

Его со вкусом украшенная квартира выглядела очень красиво. Три комнаты, большая кухня, большая ванная, два балкона, один на улицу, другой во двор. Выходящий во двор балкон застеклен. Два плетеных стола и два стула на выходящем на улицу балконе выглядели очень романтично, сиди себе и смотри вдоволь на оживленную улицу. Гостиная напоминала музей, на стенах красивые картины, роскошная люстра, вазы, декоративная посуда. Она была любительницей красоты, ей нравились такие антикварные вещи. На серванте стояла коллекция часов, самых разных размеров, цветов, дизайнов. При взгляде на одни-единственные часы тебя не так страшит бег времени, но под тиканье десятков часов человека ужасает то, сколь быстро летит жизнь.

Его судьба сложилась так же неудачливо, как у Улькяр. Во время учебы в университете Он по совету матери женился на своей дальней родственнице, но не прошло и шести месяцев, как выяснилось, что у невестки рак легких, в скором времени она скончалась. А позже мысль о создании новой семьи совсем Его не заботила. До тех пор, пока Он не повстречался с Улькяр.

Чистота и порядок в квартире одинокого мужчины оказались вполне хороши. Всё аккуратно, всё на своих местах. Такие мужчины и в семейной жизни прямые и честные, дисциплинированы – тут же пришла к мнению Улькяр.

Она вспомнила Мадара. Тот, вернувшись с работы, швырял одежду, где попало, не знал, что и где у него лежит. Бедная Назанде ханым ходила за этим взрослым мужчиной, как за маленьким ребенком, ворчала, но без толку. Расим тоже проявлял неаккуратность, забывал, что находится рядом с женщиной, и жадно ел, чавкал.

А Он совсем другой, очень культурный и воспитанный.

Она не могла утолить жажду, хотелось пить и пить. Вода в графине оказалась теплой, она открыла холодильник и достала «Боржоми», налила прохладной воды в стакан и выпила залпом, выпила подряд целых два стакана, жажда унялась.

Она прошла и встала перед зеркалом.

Без четверти два. В глазах щипало. Может, поспать? Но разве удастся? До Его возвращения оставалось 9 часов и 18 минут. Улькяр должна всё решить к Его приходу.

«Да» или «нет». «Нет» или «да»? Развилка. Не знаешь, в какую сторону пойти. На одной стороне светло, повсюду цветы да травы, дорога гладкая и чистая. А на другой – сумрачно, порой туманно и дождливо. Дорога каменистая и грязная. Кто станет отворачиваться от светлой стороны и выбирать темную? Да никто. Кто хоть малейшим образом станет сомневаться? Опять же никто. Но Улькяр барахталась в пучине сомнений. Улькяр боялась выбрать путь счастья. Она боялась потому, что считала – на это не хватает ее моральных прав.

Она выросла в жесткой семье в отдаленном районе с такими же жесткими неписаными законами, вдобавок она немало намучилась в оковах ментальных запретов. Мало того, что ее выдали замуж насильно, так ей не позволялось с ним развестись даже тогда, когда она терпела от него побои и ругань. В том обществе, в котором она жила, существовали табу, предписывавшие жить, глядя на себя и свои поступки чужими глазами, хотя никто не имеет права вмешиваться в чужую жизнь, каждый сам себе царь в своей жизни.

Эти оковы стискивали ее даже после развода, другие, те, которые основывались на этих оковах, не давали ей стать счастливой, сделали ее жертвой собственных амбиций. Одни верховодили ею, утверждая, что думают о будущем своего ребенка, другие – судьбой мужа, третьи настаивали на безграничности ее страсти, а четвертые приводили логические доводы. Верховодили ею и превратили ее в испытательный полигон. Как бы она ни хотела сражаться, терпела поражение во всех сражениях, ее пули, ее стрелы не могли дойти до противника.

Глядя в зеркало, она продолжила вспоминать свою судьбу с того самого места, на котором остановилась.

И вправду, она прожила судьбу, напоминающую фильм. Разбирающиеся в литературе и кинематографе люди никак не смогли бы определить жанр этого фильма. Драма или мелодрама? А может, и вовсе триллер, наполненный неожиданными поворотами?

ГЛАВА 17 **«ПРОСТИ МЕНЯ»**

Порой человеку приходится тяжело, но ты всё-таки находишь хоть какую-то опору и можешь выстоять.

Расим не мог ею насытиться, забросив все свои дела, он проводил с ней целые дни, в какой-то момент они и вовсе обезумели от любви, оба отпросились с работы и отправились в Хызы – в Джаннат Багы. Семь дней они там занимались любовью днем и ночью, общались, развлекались, позабыли весь мир. Эти совместные дни заставили Улькяр позабыть всю горечь от содеянного ею – от аборта.

Наступили холода, вот-вот выпадет снег, но в такую погоду прогулки по лесу доставляют особое наслаждение. Да они и не ощущали холода. Их грела любовь. Пить красное вино во время ужина тоже доставляло особое удовольствие, они оба становились разговорчивей и вели философские беседы.

– Знаешь, почему птицы щебечут целыми днями? – спрашивал Расим.

– Почему?

– Они общаются друг с другом на птичьем языке. Одна птичка говорит: я голодна, другая отвечает: иди ко мне, тут есть что поклевать. Одна говорит: мне холодно, другая отвечает: иди ко мне, тут тепло. Или же одна говорит: я одинока, другая отвечает: прилетай ко мне, вдвоем теплее.

– А ты знаешь, почему звезды по ночам сияют ярче?

– Почему? – спрашивал Расим.

– Они освещают ночь встречи влюбленных. Чтобы любящие могли видеть глаза друг друга.

– Ты до меня кого-либо любила? – спросил однажды Расим.

– Да, любила, – не стала скрывать Улькяр, – но это была подростковая любовь, платоническая любовь, мы любили друг друга на расстоянии, не касаясь друг друга, не целуясь. – После короткой паузы она продолжила: – Но мужа я никогда не любила. Я тебе говорила, меня выдали за него насильно. Наши отцы решили нашу судьбу за бутылкой водки. – Затем Улькяр добавила: – Обычно красивые дети рождаются от великой любви. Мы делили одну кровать, вовсе не любя друг друга, принудительно, так и зачали Айлин. Но моя дочь такая красивая... Будто вышла из-под пера художника. Дай Бог, когда подрастет, у нее объявятся столько сватов, что я устану открывать им дверь. А ты как отец заимеешь свободу выбора. Но давай выдадим нашу дочь не за богатого, а за умного, образованного, ладно? Ведь от богатства умным не станешь, а вот будучи умным, заработаешь немало. – Затем она положила голову на колени Расиму и спросила: – Единственный мой, а ты был влюблен?

Хотя Расим уже несколько раз это говорил, да и сама Улькяр видела, что она первая любовь в жизни Расима и первая его женщина. Расим исходил дрожью даже во время обычных поцелуев. Глядя ее по шелковым волосам, Расим промолвил:

– Конечно же, нет. Ты у меня первая. Никто мне не нравился, я никого не любил. Представь, одноклассники, сокурсники считали меня проблемным, говорили, у Расима нет интереса к девушкам потому, что он проблемный. Когда я впервые тебя увидел, мне почудилось, что погруженный во мрак мир засиял светом. Говорят, у каждого человека есть своя половинка противоположного пола. И когда эти две половинки случайно встречаются, они дополняют друг друга и становятся идеальной на свете парой, создают идеальную семью. Ты моя вторая половинка. Будто на протяжении всей своей двадцатидюлетней жизни я бежал навстречу тебе. Я очень счастлив с тобой. Мне бы хотелось, чтобы эти минуты длились вечно.

Во время отдыха в Хызы Улькяр обмолвилась о терзающих ее сомнениях:

– Расим, что станется, если твои родители не согласятся на наш брак?

– А почему не согласятся?

– Как почему? Во-первых, я на целых пять лет тебя старше. А этого совсем мало.

– Мы скроем это от них.

– Как скроем, как можно скрыть то, что лезет в глаза?

– Можно. Тебе не дашь и двадцати.

– Есть еще кое-что. Во-вторых, я уже побывала замужем, я разведена, то есть не девственница.

– Да ладно тебе, кто узнает, что ты уже побывала замужем? Мои родители не работают в паспортном столе.

– В-третьих, у меня дочь семи лет. А это как скроешь? – Улькяр выпрямилась и взяла его лицо в ладони. – Расим, твои родители и вправду позволят, чтобы их единственный сын женился на разведенной женщине с ребенком, которая старше него на пять лет? Ведь у родителей всегда свои планы.

– Уля, даверься мне, я ведь говорил тебе с первой встречи, что определяю свою судьбу сам, родители не имеют права в это вмешиваться. Свою профессию я выбирал сам, проучился в колледже и стал зубным врачом, работу тоже выбрал сам, вот и семью выберу сам. Я не ребенок, я достаточно зрелая личность.

В тот день Улькяр, несмотря на все свои сомнения, вызванные абортom и нерешительностью Расима в данном обстоятельстве, высказалась о том, насколько она во всё верит:

– Знаешь, судьба не станет без перебоя наносить удары по одному и тому же человеку... Первая моя семья оказалась неудачной, я не знала счастья. Я стала несчастной по вине отца. Но ты – мой собственный выбор. Я полюбила тебя, невзирая ни на что. Что бы ни случилось, я буду твоей до конца. Даже если твои родители не разрешат, уедем из Баку, уедем далеко. Например, в Турцию. Я стану умолять маму, сестру, брата, даже бывшую свекровь, попрошу у них денег, снимем в Турции небольшую квартирку, там дантисты хорошо зарабатывают, станешь работать, а я педагог, даже если не получится преподавать из-за неглубокого знания языка, ничего, устроюсь нянькой или стану работать в детсаду такой же воспитательницей, как и здесь. А наша дочь пойдет в школу. Проживем счастливо целую жизнь.

После этих слов у нее из глаз скатились слезы на грудь.

Дни, проведенные в Хызы, оказались такими интересными, глубокими, красивыми, запоминающимися... Они встречали солнце на рассвете, поднимались в горы. Даже в догонялки играли, обнимались и целовались беззаботно...

Но протяжении всех семи дней постоянно звонили родители Расима, а Расим долго отчитывался перед ними, говорил, что отправился в район на поминки отца своего армейского товарища, а на вопрос, почему он так задерживается, отговаривался, что автомобиль друга попал в аварию, и они немного ушиблись, а потом выдумывал всё новые и новые отговорки. При виде всего этого у Улькяр заныло сердце. Раз Расим не говорит открыто и смело своим родителям, где он и чем занят, скорее всего, он ничего не сказал им о своих отношениях с Улькяр. Значит, он ее обманул. Ведь с самого первого дня Улькяр выдвинула перед ним условие о серьезности отношений, велела поставить в известность родителей. А он сказал, что поступил, как она просила. Они договорились, что Расим пока не станет говорить родителям, что Улькяр старше него, что она разведена и имеет дочь, просто скажет, что встречается с серьезными намерениями с одной девушкой, любит ее.

Значит, по всей вероятности, Расим обманул Улькяр.

Семья Расима, как и семья Улькяр, была родом из Арана. Расим был старшим ребенком в семье, у него были еще две сестры, обе школьницы. Он окончил медицинский колледж, сначала работал зубным техником, а потом врачом. Оба его родителя занимались торговлей на Садаракском рынке, у них имелась «торговая точка», спозаранку они отправлялись к оптовым торговцам, покупали как можно дешевле женские, мужские и детские носки, нижнее белье, надбавляли небольшую наценку и вот так зарабатывали себе на хлеб. Они были очень довольны тем, что Расим сам зарабатывает себе на жизнь, питали большие надежды на единственного сына. Тряслись над Расимом, но в то же время проявляли требовательность, не давали ему самостоятельности, следили за каждым шагом. К сожалению, Улькяр не удалось вовремя всё это понять. Догадайся она вовремя, может, укротила бы свои чувства, не стала бы входить с Расимом в отношения.

Ее сомнения и страхи оказались не напрасными. По возвращении в Баку Расим не звонил ровно три дня. Улькяр сильно переживала: что же стряслось? Что случилось с ее любимым человеком, который не мог остаться без нее ни секунды, постоянно звонил и писал сообщения? Она сама его набрала, но, услышав «Звонки не доходят», разволновалась пуще прежнего.

На следующий день она занималась с детьми в саду рисованием, и тут ее вызвала к себе директорша. Войдя в кабинет директорши, Улькяр тут же увидела полную женщину с крашеными волосами. Она тут же набросилась на Улькяр:

– Ах, ты шлюха, шалава! Хочешь захомутать молодого парня?! Хочешь стать невесткой Самае и Шамхалу? Чтоб тебе сдохнуть! Я опозорю тебя среди всего честного народа. Сучка! – с этими словами мать Расима вцепилась Улькяр в волосы и выдрала клоч.

Директорша всё пыталась их разнять, но женщина никак не могла успокоиться.

Женщина никак не отставала от Улькяр, ругала ее самыми последними словами, била кулаком по разным частям тела. Растерявшаяся Улькяр не могла ни слова вставить, даже не могла уклониться от ударов.

– Вы держите ее тут на работе, не ведаете, что она прожженная шлюха, переспала с половиной города. Ваш коллектив от нее еще натерпится.

На шумиху прибежали сотрудники детсада, все переполошились.

Женщина пригрозила на прощание Улькяр: «Если ты еще хоть раз подступишься к моему сыну, я выкраду твою дочь, которая станет такой же шлюхой, как ты».

Улькяр оказалась не в состоянии ответить даже на эти мерзкие и низкие слова. У нее и вправду пропал дар речи, руки повисли безвольно, она казалась живым трупом, чучелом. Что это за нападки, не вписывающиеся в рамки человечности? Разве эта женщина (ее даже женщиной назвать нельзя было) не могла бы по-человечески выяснить отношения? Разве человек ничем не отличается от хищника?

Улькяр несколько дней не выходила на работу, сидела в четырех стенах, полностью увязнув в депрессии, от безнадежности ей было нечем дышать. В глубине души она питала какую-то веру, что сможет бороться с матерью Расима. Она думала, что Расим никоим образом не откажется от такой большой любви, постарается уговорить мать, а если ничего не добьется, возьмет Улькяр, и они уедут далеко-далеко, в ту Турцию, о которой всегда мечтали. Как хорошо, что затеплились эти мысли, они некоторое время берегли Улькяр от полного падения, полного поражения. Улькяр даже представила, как они счастливо живут в Турции, не бедствуют, мать Расима хочет примирения, но Улькяр ей отказывает, говорит: «Я никогда не забуду ту мерзость, что ты учинила».

Всё это время не раздалось ни одного звонка от Расима, Улькяр звонила сама, писала сообщения, но Расим молчал, не ответив ни разу. Наконец, она отправилась к нему на работу, чтобы всё прояснить.

Тот самый день ей никогда не забыть.

Расим принимал пациента, при виде Улькяр у него затряслись руки, стал заплетаться язык, он кое-как выговорил: «Подожди, я сейчас». После того, как пациент ушел, Улькяр потребовала внести ясность в отношения, но Расим молчал в ответ. Улькяр требовала ответа Расима на то, что сделала его мать, на ее нападки, игнорирование всех этических норм, на то, что та полила грязью даже ее ангелочка Айлин. Но Расим ничего ответить не мог.

И тогда Улькяр, всхлипывая, стала долго говорить о людской неверности, о том, что судьба к ней безжалостна, и о многом другом.

Но Расим был нем, как рыба. Наконец, Улькяр задала вопрос:

– И что ты теперь думаешь?

Расим потупил взор и, не поднимая глаз, сказал лишь одну фразу. Но лучше бы он этого не говорил, а продолжал бы молчать:

– Прости, я не могу идти против семьи.

При этих словах розовые стены будто обрушились на голову Улькяр.

А как же те самые слова?

– Я достаточно зрелый человек...

– Я сам сделаю свой выбор...

– Родители не имеют права вмешиваться в мои дела...

И где теперь все эти громкие слова? Где теперь вся эта напускная смелость?

Где?

Бесчестный, бесчувственный, безжалостный, подлый, низкий, мерзавец...

Улькяр плакала навзрыд, на плач прибежали медсестры, пациенты в коридоре тоже принялись заглядывать в кабинет.

Вот и конец. Так подошла к концу история любви.

ГЛАВА 18 УВЯДШИЕ ЦВЕТЫ

В однокомнатной квартире, где жили Улькяр и ее семья, росли цветы в горшках, мать купила и ухаживала за этими цветами в память о своем доме в районе. В тот период даже эти цветы казались Улькяр поблекшими. Депрессия поглотила ее целиком. Приходилось делать уколы и пить лекарства. Сестра и Назанде ханым водили ее к врачу, покупали лекарства, записали к психотерапевту. А Айлин и Зохране оставалось только плакать. Зохране места себе не находила:

– Я же тебе говорила, никто во второй раз в то же болото не лезет. А ты после всего, что с тобой случилось, вторично бросилась в омут.

Мать только и делала, что ругала ее, принижала. Неудачные отношения с Расимом дали повод матери на сей раз поставить на место дочь, которая постоянно ее упрекала, говоря: «Это вы с отцом сделали меня несчастной».

«А теперь что скажешь? Допустим, мы не шибко умны, парень, за которого мы тебя выдали, оказался наркоманом, мерзавцем. А теперь-то ты сама решала. Сошлась без всякого кябина, обручения с сосунком, который младше тебя на пять лет, думая, что он на тебе женится, а он спрятался за спиной своей матери, и теперь ты опозорена». Мать повторяла эти обвинения, рыдала от гнева, пила лекарства от сердца.

В новый, 2013-й год не ощущалось никакого праздничного настроения. Улькяр встретила Новый год в постели. Хорошо хоть рядом была Лейли, она отвела Айлин на праздничное мероприятие во Дворце спорта, Айлин вернулась с целой охапкой подарков.

Рухнул весь мир Улькяр. У нее не осталось никакого интереса к жизни. Как, как она могла поверить Расиму и так жестоко обмануться?! Разве Мадар не стал для нее уроком? И вот, как говорила мать, она вторично своим же ходом вошла в то же самое болото.

Мысли о самоубийстве ни на секунду не оставляли ее в покое. Но ее удерживала от этого шага последующая судьба Айлин.

После того инцидента она потеряла всякий авторитет в детсаду. Она некоторое время не выходила на работу, и это завершилось предложением директрисы об увольнении, директриса обосновывала это тем, что предпочитает не сотрудничать с конфликтными людьми.

Вот так Улькяр потеряла и работу.

Она всё реже и реже вставала с кровати, сидела перед окном и смотрела сквозь крохотную щель, оставшуюся от заслонившего вид противоположного здания, на мчавшиеся автомобили, идущих мимо прохожих. Хотя она порой смотрела неотрывно, но ни во что не вникала, видела лишь пустоту, безмерную пустоту.

Так она пережила зиму, с наступлением весны пришла немного в себя, успокоилась. Подрастала дочь, возвращалась из школы с отличными отметками, говорила умные вещи. Нельзя было бросать этого ангела на произвол судьбы, Улькяр должна была жить ради нее. Надо встать, не позволять врагам смеяться над ней.

Надо вернуть увядшим цветам их прежние краски.

ГЛАВА 19 ВСЕ ЗАМЕТИЛИ В НЕМ ИЗМЕНЕНИЯ

Сулейман заметил наступление утра и спешно встал, прошел в ванную, умылся, побрислся. От бессонницы глаза налились кровью. Если Заррин увидит его в таком состоянии, засыплет вопросами, поэтому Сулейман поставил чайник, выпил стакан сладкого чаю и тихонько вышел из дому.

Как обычно, он пошел в нотариальную контору пешком. Работать в учреждении, находящемся в двух шагах от дома, было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что он никогда не задерживался. А плохо потому, что, во всяком случае, в сознании человека сам процесс отправления на работу означает преодоление какого-то большого расстояния. А у него такого ощущения не складывалось. Он вышел из дому, оставил позади площадь Фонтанов, вот и рабочее место.

Увидев запертую дверь, он понял, что пришел рано.

Обычно он приходил на работу в 10 часов, а девушки приходили в 9:30, включали компьютеры, прибирались, заваривали чай. Он бросил взгляд на часы. 9:24.

До самого прихода девушек он в нетерпении вышагивал перед входом в контору. Весь разгневанный, он говорил себе: «Ну, и дела, в 90-х годах в этой стране не удавалось найти актрису на роль Тахмины, а спустя тридцать лет таких тахмин сформировалось сотни, если не тысячи».

Пришли девушки и удивленно переглянулись, увидев, что их директор ждёт у порога. Они еще со вчерашнего дня уловили, что с Сулейманом происходит что-то из ряда вон выходящее, и этот ранний приход директора подтвердил их догадки. Одна из девушек умудренным тоном заявила: «Наш директор сам не свой после визита того бородатого парня, который вбежал в его кабинет».

Весь погрузившийся в чтение, Сулейман не заметил, как к нему подошла девушка с документами, в которых он должен был расписаться.

Девушка так и простояла у него над головой, а он не мог оторваться от чтения. Вернувшись на свое рабочее место, девушка объявила коллегам, что директор ушел с головой в какой-то текст, и она готова поклясться, что тот текст принес бородатый молодой человек.

ГЛАВА 20 СНОВА НА НОГАХ

Шла середина мая, Улькяр снова стояла неподвижно перед окном, пришла Назанде ханым, поздоровалась и расцеловалась с Улькяр и Зохрой. Айлин пока не вернулась из школы. Зохра принесла чаю. Назанде ханым долго давала Улькяр наставления и советы, затем перешла к утешениям, старалась подбодрить, а потом сказала, что подобное затворничество плохо на ней сказывается:

– Ты хоть в зеркало глянь. Ты вся поблекшая, глаза запали. Где твоя прежняя красота? Ты сама бросилась в этот омут. На этот раз тебя туда бросили не Галандаров с Зохрой. Но ты должна оттуда выбраться. Ради Айлин. Я нашла тебе работу. В средней школе. Учительница начальных классов.

Улькяр обрадовалась тому, что снова пойдет на работу. Какой хороший человек эта Назанде ханым, добрая, человеколюбивая, нравственная. Мать Улькяр – тоже хороший человек. Она тоже добрая, порядочная, милосердная. Но в отличие от Назанде беспомощная, смирившаяся с бесправием, мужским деспотизмом. Но обе заслуживают имени женщины. А вот стервозная мать Расима...

Улькяр вышла на новую работу в сентябре, в начале нового учебного года. Школа располагалась недалеко от их дома, она садилась в маршрутку и сходила с автобуса на улице Инглаб, прямо возле школы.

Она быстро влилась в коллектив, но никому ни слова не говорила о своей неудачной, горькой судьбе. Она сразу же применила прогрессивный образовательный метод, интерактивные уроки, экскурсии вместе с учениками, сценическое усвоение некоторых уроков – каждый день она применяла какое-то новшество и заслужила уважение школьного директора и педагогического коллектива.

У нее был свой первый класс, который она должна была вести до четвертого, вдобавок она заменяла одну учительницу и взяла ее третий класс, преподавала им во второй смене. У нее почти не оставалось свободного времени, домой приходила уставшая и тут же начинала заниматься своей Айлин.

Зарплату давали нормальную, на следующий учебный год она сменила школу дочери, отправила ее в англоязычный лицей.

Коллектив в школе оказался очень приятным, с первого же дня они сблизилась с Гюльгюн, стали подругами. Они были почти ровесницами. В скором времени они стали и вовсе не разлей вода. Гюльгюн делилась с ней своей историей жизни, доверяла секреты, вот и Улькяр пришлось поведать ей свою судьбу, которую она от всех скрывала.

В конце недели Улькяр брала Айлин, а Гюльгюн своих дочерей-близняшек, и они все вместе шли в парк или детский аттракцион, в кафе, веселились, ели-пили, вдоволь болтали и смеялись.

За короткий срок Улькяр признались в любви два учителя.

Один был молодым, холостым парнем, его симпатия привела Улькяр в раздражение, будто током ее ударило. Она вспомнила Расима: обжегшись на молоке, приходилось дуть на воду.

Улькяр разгневанно ему сказала:

– Если еще хоть раз об этом заикнетесь, то на меня не обижайтесь. Я заставлю вас пожалеть о сказанном. Вы мне в сыновья годитесь. Как вам не стыдно!

Второй был более подходящим кандидатом, старше Улькяр на девять лет, разведенный. Но Улькяр не нашла в нем ничего привлекательного – в особенности отталкивающими выглядели его усы щеткой, так что она и ему дала отказ.

В тот период Улькяр совсем не верила, что еще раз войдет в отношения с каким-либо мужчиной, даже представить этого не могла. Двух неудачных попыток создать семью ей хватало сполна.

Отец, брат, Мадар, Расим... После ударов от четырех мужчин она даже стала чувствовать некоторую ненависть к мужскому полу.

Но даже при этих обстоятельствах откуда-то издалека появлялся в дымке образ Руфата и будто спрашивал: «А я? Ты ненавидишь и меня?» Странное дело, даже по прошествии всех этих лет Улькяр не теряла надежды когда-нибудь встретиться с Руфатом.

Порой Улькяр делилась с Гюльгюн своими взглядами на жизнь:

– Каждой девушке надо дать шанс самостоятельно стоять на ногах, самостоятельно решать свою судьбу. В таком случае она непременно станет счастлива. И противоположная сторона должна иметь возможность выбора. Самый большой авторитаризм, самая большая диктатура в мире – это диктатура родителя над ребенком. И это самая жестокая, бесчеловечная диктатура.

– Главная тема всех дебатов: что такое счастливая семья. Психологи уверяют, что есть лишь одно условие для счастливой семьи. И это не материальная состоятельность сторон или одной стороны. И это не высшее образование. Это лишь совместимость характеров, схожий вкус и круг интересов.

Вскоре Гюльгюн почему-то стала часто рассказывать о своем соседе Рашиде, мол, у него такая вилла, всякие автомобили, он такой харизматичный, привлекательный...

Улькяр не догадывалась о сути всех этих речей.

В один из дней Гюльгюн, наконец, сказала Улькяр: «С тех пор, как ты ко мне заходишь, мой сосед Рашид положил на тебя глаз, заинтригован тобой». «Да не обращай внимания», – отреагировала Улькяр. На следующие разы эта тема стала звучать интенсивней. Однажды Гюльгюн чуть ли не набросилась на нее: «Глупая, если б знала, кто такой Рашид, ни за что бы его не упустила».

Рашид занимал высокую должность в нефтяной компании. Был очень состоятельным человеком пятидесяти пяти лет. Его большой живот портил его вид, но он был человеком внушительным, харизматичным, вдобавок симпатичным.

ГЛАВА 21 НОВОЕ НАЧАЛО

Это случилось 11 апреля 2015 года, семья отмечала десять лет со дня рождения Айлин – ее первый юбилей. Они зарезервировали столик в кафе «Дамла» поблизости от дома. Пришел Хаял, пришла Лейли с мужем, пришла Назанде ханым, пришла Гюльгюн с дочерьми и мужем, плюс Улькяр, Айлин и Зохра. Мужчины помаленьку выпивали на том конце стола, а женщины судачили, болтали и смеялись. Дети бегали себе по сторонам, шалили.

В эту минуту вошли два курьера, волоча огромного плюшевого мишку. Всё внимание устремилось на этого белоснежного мишку. Айлин и сестры-близняшки смотрели на мишку, раскрыв от изумления рты, хотели с ним поиграть, и тут курьеры задали вопрос: «Где тут Айлин?» На шее у плюшевого гиганта висела табличка «Милая Айлин, с днем рождения!»

Айлин, узнав, что этот волшебный мишка предназначен именно для нее, так закричала и запрыгала от радости, что все изумились силе детского счастья.

Все стали прикидывать, от кого мог поступить подарок, но предположения ни к чему не привели.

У Улькяр не было такого родственника или знакомого, который мог бы прислать такой дорогой подарок. Мысль о том, что подарок прислан из школы, был абсурден, ведь коллектив не знал о дне рождения Айлин.

Зохра поддавалась чувствам и предположила, что подарок мог прислать отец Айлин, но Назанде ханым заставила Зохру передумать: «Мадар не настолько внимателен».

Лишь Гюльгюн хитро улыбалась. Улькяр это уловила и осторожно поинтересовалась у Гюльгюн: «Рашид-муаллим прислал?» Услышав утвердительный ответ, Улькяр растерялась.

Что же теперь делать, вернуть подарок?

Айлин так увлеклась этим огромным мишкой, так ему радовалась...

Улькяр снова обратилась к Гюльгюн:

– И почему он так поступает? Разве я не сказала тебе крепко-накрепко, что отныне не впускаю мужчину в свою жизнь?

– Глупая ты, ей-богу, – скорчила Гюльгюн кислую гримасу. – Ты станешь кататься, как сыр в масле. Не надоело бедствовать, жить в нужде? Сколько можно страдать?

День рождения завершился мажорными нотами.

На следующие дни подарки от Рашид-муаллима стали сыпаться, как из рога изобилия. Большие букеты, брендовый парфюм, дорогой шоколад – всё это доставляли и на работу, и к ней домой.

Однажды Гюльгюн схитрила, повела Улькяр в кафе, и тут откуда ни возьмись появился Рашид-муаллим. Станешь объектом внимания такого человека, потом не оторваться. Их обаяние манит магнитом.

Рашид-муаллим долго подшучивал над их скромным застольем, состоящим из куриных наггетсов, картошки-фри и колы, затем заказал салат-цезарь с кальмарами, жареную в гранатовом соку осетрину, минеральную воду Перье и французское шампанское. Улькяр собралась встать и уйти, но не могла этого сделать не только из вежливости, но еще потому, что подпала под чары Рашид-муаллима. В дверях стояли

два его телохранителя, за окном сиял его черный «Галленваген» с серийным номером АА. Рашид-муаллим – не признающийся в любви коллега по школе, которому легко можно дать от ворот поворот. Так что пришлось остаться.

Улькяр собиралась более цивилизованно попросить Рашид-муаллима оставить ее в покое, она придержала эти слова на потом, но по мере того, как застолье разгоралось, она всё дальше и больше затягивала с этими словами.

Рашид-муаллим поднял бокал за здоровье Гюльгюн: «Благодаря тебе я узнал, что есть на свете такая прекрасная женщина, как Улькяр ханым. Я нашел в Улькяр тот идеал женщины, который искал всю жизнь».

В тот день, несмотря на настояния Рашид-муаллима и Гюльгюн, Улькяр не стала с ними пить. А те слова, что хотела ему сказать, написала вечером в сообщении:

«Добрый вечер, Рашид-муаллим. Меня очень тронули ваше внимание к моей персоне, ваши теплые чувства. Вдобавок благодарю вас за те подарки, которыми вы меня осыпаете. Отдельное спасибо за ваш джентльменский поступок в день рождения моего ангелочка, благодаря вам она была так счастлива. Но я категорически отказываю вам по поводу отношений, извините. После двух неудачных попыток семейной жизни я ушла в себя, живу только ради своего ребенка. К сожалению, я не могу подарить вам ту любовь, которую вы ищете».

Написала, чуть ли не сто раз внесла поправки и, наконец, отправила.

После этого внимания Рашид-муаллима к Улькяр вовсе не поубавилось, наоборот, стало возрастать. Гюльгюн была в своем амплуа, она только и делала, что старалась всяческим образом уговорить, уломать Улькяр.

Однажды, когда Гюльгюн в очередной раз пригласила Улькяр в ресторан, там снова появился Рашид-муаллим. На сей раз Рашид-муаллим организовал для них те-хасский стейк, на этот раз Улькяр не стала отказываться от шампанского, ради вежливости пригубила бокал.

Рашид-муаллим выложил перед Улькяр все сведения о себе. У него два сына, одна дочь, все обзавелись семьями. У него шесть внуков. На жене он женился по настоянию родителей, она женщина деревенская, никак ему не соответствует. За все эти годы она даже не избавилась от деревенского выговора, всё еще не обрела имидж городской аристократки. Оказывается, Рашид-муаллим стыдится появляться с ней на людях.

– Знаете, Улькяр ханым, у мужчины должна быть жена-ровесница, ну, или максимум на пару лет младше-старше, мать его детей, жена, которая будет ему служить, а еще у мужчины должна быть молодая и красивая любовница, завладевшая всеми его чувствами и ввергшая его в пучину страсти. Жена – скорее подруга, любовница из нее никудышная. Жизнь под одной крышей 24 часа в сутки притупляет любовь. Любовь должна быть, как нежданный праздник, по любимой следует тосковать, скучать, ее должно тебе не хватать. Вы и вправду мой идеал женственности и красоты. Я стану купать вас в золоте и бриллиантах, сделаю самой богатой, осуществлю все мечты. А вашу дочь отправлю в самые дорогие лицеи, обеспечу ей будущее. Хочу поднять этот бокал за вас.

После этого тоста Улькяр, наконец, нашла смелости сказать: «В каком амплуа вы хотите меня видеть? Хотите на манер состоятельных мужчин сделать меня своей содержанкой?» И добавила резким тоном: «Я никогда на это не пойду».

В разговор вмешалась и Гюльгюн, они долго обсуждали тему, наконец, пришли к тайному соглашению между собой: Рашид-муаллим и Улькяр будут сожительствовать, заключив кябин у моллы.

Жизнь распахивала новые двери перед Улькяр.

Ее ожидала перспектива в одночасье превратиться в богатую женщину, имеющую сильного покровителя.

ГЛАВА 22 БОЛЬ ИЗМЕНЫ

Сейчас перед глазами Улькяр те далекие дни проходили, как кинолента. И тут она прекратила смотреть этот фильм, начала вникать в тогдашние свои переживания. Рашид муаллим вошел в ее жизнь в очень сложный период, когда внутри нее бушевали бури.

Почему некоторые замужние женщины гуляют на стороне? Ведь рядом имеется муж. Ведь у них есть все условия, квартиры, деньги, автомобили? Но что тогда делать тем, кто не мирится с низкой мужниной зарплатой, с бедностью? Или что делать тем, кому надоели грубый характер мужа, жесткость и озверелость? Или те, кому их мужья постоянно изменяют? В чем же суть измены?

Изменила бы Улькяр Мадару? Нет, конечно. Сейчас она думала, что не сделала бы этого даже тогда, когда ненависть к нему не знала предела, даже тогда, когда была на все сто уверена в его изменах. Да, мысль об этом мелькала в голове, она представляла, как занимается любовью с парнем, которого видела на соседском балконе, но потом упрекала себя за распутство, испытывала отвращение к самой себе.

Они были уже разведены с Мадаром, пути их разошлись. Но Улькяр всё еще испытывала боль оттого, что ее держали за дешевку, унижали, хотя никаких грехов за ней не имелось, и в итоге бросили. Она никогда не могла с этим смириться, не могла успокоиться. Она была красива, хорошо управлялась с домашними делами, обладала покладистым характером, была ничем не запятнана. Несмотря на всё это, Мадар вонзил кинжал ей в сердце.

Сейчас почти все разводятся. В советское время Азербайджан стоял на последнем месте по количеству разводов, а теперь занимал чуть ли не первую строчку. Почему столько разводов кругом? Почему даже те молодые люди, которые признаются друг другу в беззаветной любви, в итоге разводятся? Из-за социальной несправедливости. Из-за того, что мужчины зарабатывают с трудом. Из-за банковских кредитов. Вдобавок тот факт, что мы продолжаем оставаться страной, приверженной обычаям и традициям, тоже вносит в это дело свою лепту. Сейчас любви практически не осталось, даже построенные на любви семьи испытывают спустя некоторое время нужду, каждый новый день превращается в пытку.

Парни обманывают девушек, говоря, что они состоятельны, при деньгах.

Девушки обманывают парней, говоря, что деловиты, приветливы, милы.

А уже после создания семьи обнаруживается вся ложь. Становится ясно, что мужчина получает крохотную зарплату, а женщина ленива и ворчлива. Так и начинаются склоки и скандалы.

В этом ряду разводы по причине того, что не сходятся характеры, составляют меньшинство. Несходство характеров обнаруживается в случайно, наугад созданных семьях. То есть когда двое нравятся друг другу визуально и женятся чуть ли не на следующее утро, а также, когда семья создается по желанию родителей, и будущие муж и жена даже не видят друг друга до свадьбы.

Причиной трагедии Улькяр являлся второй пункт, но какая уже разница, так или иначе развод есть развод.

Мадар, уходя из дому, поступил очень нечестиво, даже порвал свадебные фотографии. В том числе, фотографии малышки Айлин. Его с натяжкой можно простить за жестокость в отношении Улькяр, мол, чужой мужчина, не смог совладать с гневом и ненавистью. Но как принять его безжалостное отношение к Айлин – родной дочери?

Порой Улькяр плакала в одиночестве. Даже в самые радостные мгновения начинала ныть рана, причиненная Мадаром, жгла сердце. Порой горе ее становилось и вовсе нестерпимым. Было больно еще и от поведения Расима, который так запросто отказался от нее из-за страха перед родителями.

Почему всё так выходит? Почему мужчины, не испытывая ответственности за завтрашний день, обманывают женщин, делают несчастной женщину только ради удовлетворения мимолетной интимной потребности?

Поступок Расима был подлым и мерзким. Он отказался от Улькяр, никак не возражая своей матери.

Может, Бог послал Рашид-муаллима, чтобы затянулись коркой все эти раны Улькяр? Значит, спасение совсем близко. Со всеми этими мыслями она ответила положительно на предложение мужчины старше нее на двадцать пять лет.

Теперь она может упрекнуть себя за это. Но она столько всего в свое время перенесла, что и вправду безгранично нуждалась в заботе сильной руки. У каждой женщины должен быть мужчина, за которым она будет, как за каменной стеной.

Однажды она где-то и от кого-то услышала такую мысль: «Понятия «чистая девушка» и «девственница» – не одно и то же. Можно жить чисто, без измен, совестливо и не будучи девственницей, в то же время, оставаясь девственницей, можно быть распутной, погрязшей в мерзости».

Она встала и снова прошла на кухню, достала из холодильника газировку, выпила. Ну, и жажда.

Часы показывали полтретьего ночи. Веки отяжелели, но она знала, что не сможет уснуть.

У нее было много бессонных ночей. В те времена, когда ее попирали, унижали, когда она тонула в слезах, каждое новое утро означало новые бесчинства, унижения и слезы. Но эта ночь совсем иная. Причина бессонницы в эту ночь – погруженность в мысли ради правильного решения.

Естественно, не стоило слишком уж сожалеть о такой вот бессоннице.

Сулейман оторвался от чтения. Поставил себя на место автора романа. Да, художественная литература отличается от документальной. Художественная литература должна формировать мнения, прибегать к дидактике, сообщать читателям оптимистические, позитивные настроения.

И почему Эльгюн Баят не делает всего этого? Почему пускает события на самотек? Этот Рашид-муаллим станет новым палачом, разве не очевидно, что он не осчастливит Улькяр?

Будь автором сам Сулейман, он поступил бы иначе. Попытался бы поискать позитивные пути ради улучшения жизни Улькяр. Что надо предпринять в обществе, чтобы женщины не попадали в такие безвыходные ситуации? Он непременно отыскал бы ответ на этот вопрос. Создал бы образ крайне положительного чиновника. Обиженная на мир, потерявшая веру в людей Улькяр увидела бы, что есть всё-таки хорошие люди, и убереглась бы от падения в пропасть. Этот чиновник устроил бы Улькяр на хорошую работу, решил бы все ее проблемы, стоял бы за ней, как отец или старший брат, и не только спас бы саму Улькяр, но дал бы надежду сотням, тысячам таких женщин: мир не лишен хороших людей.

Сулейман снова вернулся к роману.

ГЛАВА 23 НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Гюльгюн заехала за Улькяр на автомобиле, выделенном Рашид-муаллимом, они отправились на Баилово. Там их дождался Рашид-муаллим. Ахунд заключил между ними кябин в своем доме, расположенном в тесной улочке. Рашид-муаллим не хотел проводить церемонию в мечети, беспокоился, что могут увидеть посторонние.

В ту же ночь водитель Рашид-муаллима Намиг заехал за Улькяр, чтобы отвезти ее в отель – на первую брачную ночь с Рашид-муаллимом.

Улькяр села на заднее сиденье и всю дорогу ощущала беспокойство от разрывающего ее взгляда водителя через зеркало.

В гостиничном номере по поручению Рашид-муаллима накрыли великолепный стол, он открыл шампанское, они чокнулись бокалами, выпили за новую совместную жизнь.

– Ты правда мой женский идеал. Я счастлив, что нашел тебя.

– ...

– Богу удалось создать такую красоту. Объявляю ваш район краем красавиц.

– ...

– Ты самая прекрасная женщина. Да и характер твой нежен, как шелк. Твой муж – дурак, раз отказался от такого ангела, как ты.

– ...

Рашид муаллим-выпил за здоровье родителей Улькяр, познакомившей их Гюльгюн, а после того, как захмелел (он после шампанского выпил водки), даже за здоровье Мадара. «Если б этот мерзавец не развелся с тобой, мы сейчас не были бы вместе», – сказал Рашид-муаллим.

Затем он уложил Улькяр на большую, широкую, мягкую кровать. У нее в жизни уже было двое мужчин, с первым постельные отношения оказались совсем никакими, Мадар пришел до пьяным, то обкуренным, то усталым, делал свое дело наспех, как робот, и потом заваливался спать. Для Улькяр делить постель с Мадаром было настоящей пыткой. Со вторым мужчиной эти отношения доставляли наслаждение, она испытывала симпатию к Расиму, они занимались любовью, ощущая наслаждение от тел друг друга. Но сейчас Улькяр чувствовала себя достаточно некомфортно с этим пожилым мужчиной, желала, чтобы соитие закончилось как можно быстрее.

Рашид-муаллим снял для Улькяр двухкомнатную квартиру на шестом этаже новостройки, расположенной в той же зоне на Баилово. Сцена прощания Улькяр с матерью и переезда на новую квартиру вышла очень трогательной.

Зохра не могла перевернуть того, что ее дочь станет жить с пожилым мужчиной, она категорически отказалась от предложения жить в новой квартире вместе с дочерью.

– Ты отдаешь себе отчет, что, выйдя из одного болота, ринулась в другое? Сможет ли мужчина, который тебе в отцы годится, сделать тебя счастливой? Почему ты обманываешься на его состояние, деньги? Лучше есть черствый хлеб, но ходить с гордо поднятой головой.

– Мама, почему ты не хочешь понять меня? Я еще молода. Почему я должна до самого конца жизни жить одиноко? Я тоже нуждаюсь в любви, ласке, заботе. Вдобавок я нуждаюсь в поддержке и обеспеченности. Я прожила всего ничего. Почему я должна смириться с поражением и ставить на себе крест? Что станет с моей дочуркой? Расим был мальчишкой, тут я с тобой согласна, и своим мальчишеским разумением он отказался не от матери, а от меня. Но ведь Рашид-муаллим – зрелая личность, он занимает высокую должность, он человек влиятельный. Не станет же он отказываться от меня по велению матери.

Вот так Улькяр забрала с собой Айлин на новую квартиру. Поставив кизилового цвета чемодан на комод, она прослезилась, подумав про себя: «Мой верный друг, ты непременно станешь тут счастлив, хватит страдать!»

У Айлин в этой просторной квартире появилась своя комната, для нее установили розового цвета мебель, у нее появились отдельный письменный стол и даже доска. Она выходила на балкон, смотрела на оживленный проспект, болтала с подружками по скайпу, показывала им свою новую квартиру, с радостью бросалась в мамины объятия.

Рашид-муаллим тут же велел Улькяр уйти с работы, где она работала пять дней в неделю, получая всего триста пятьдесят манатов. Он открыл для Улькяр, по собственному ее желанию, женский салон. В ту зиму он полетел со своей любимой женщиной в Дубай, а летом они поехали в Бодрум.

Дубай оказался настоящим чудом, Улькяр смотрела на все это великолепие с открытым ртом. Как она могла в первый свой приезд в Дубай представить, что несколько лет спустя станет тут заниматься проституцией? Как?

Брать с собой Айлин в Дубай они не стали, у нее была школа, дополнительные занятия, отрывать ребенка от учебного процесса никак нельзя. Но в Бодрум летом они отправились втроем. В синеве Эгейского моря Улькяр казалось, что она смывает всю боль прошлого. Ей казалось, что этот мужчина, который сажал Айлин себе на плечи, организовывал для них всевозможные развлечения, – ее ключ к счастью. Они то летали на воздушном шаре, то выходили в пароходный круиз, шли на дискотеки и концерты. В то бодрумское лето они отправились на концерт Сады Саян и получили массу удовольствия. Побывать на концерте такой мегазвезды – само по себе достижение. Во время исполнения знаменитой песни «Ночи» весь зал бушевал.

*Без тебя
Куда мне идти?
Все смеются, веселятся,
А я тоскую по тебе.
О, ночи, ночи, что без тебя,
Опускаются ночи, как призраки.
Разлука убивает меня,
И даже по утрам тоскливо...*

Рашид-муаллим заказал большой букет цветов, Айлин отнесла этот букет певице, они вместе сфотографировались.

Управление салоном красоты делало Улькяр счастливой. Улькяр получала от салона немалую ежемесячную прибыль, да еще Рашид-муаллим выдавал ей на расходы две тысячи долларов в месяц. Он хотел купить для Улькяр автомобиль, но та не проявляла особого интереса, потому ее отвозил и привозил Намиг.

Да проклянет Бог бесчестных людей, они встречаются на каждом шагу, преследуют, ее как тень. Интересно, почему Бог создал всех этих плохих, мерзких людей? Почему Он вкладывает в одного и того же человека столько бесчинства?

Этого Намига тоже родила обычная мать? Каким же отвратительным был этот человек, который на первый взгляд производил впечатление нормального. Бывший спортсмен с до сих пор мускулистым телом. Очень грубый, злой человек, не знающий приличных манер. Такое впечатление, что у этого человека ни мозга, ни мыслей.

Однажды Намиг сделал Улькяр комплимент, Улькяр оставила это без ответа. На следующий раз Намиг осмелился сказать: «Что ты нашла в этом старикашке? Разве не хочешь вкусить всех прелестей секса с таким симпатягой, как я? Давай попробуем с тобой все оттенки секса, я доставлю тебе такое наслаждение». От этих слов Улькяр вспыхнула, крикнула:

– Как тебе не стыдно?! Как ты смеешь предлагать чужой женщине постель?! У тебя что, нет ни матери, ни сестры?

Намиг не смог подавить в себе гнев:

– О моей матери и сестре говорить не смей. Будь ты порядочной женщиной, не стала бы ради денег ложиться под мужчину, который тебе в отцы годится.

В тот день Улькяр попросила Рашид-муаллима не отправлять отныне за ней Намига. Объяснила это тем, что «он очень ворчливый». Эх, надо было тогда сказать ему о настоящей причине.

ГЛАВА 24 НОВАЯ НАПАСТЬ

Новая жизнь оказалась довольно яркой и интересной. Для Улькияр было неожиданно после всей прожитой горечи стать вдруг настолько счастливой. Женский салон, которым она заправляла, – она назвала салон «Айлин» – сформировал ее как бизнес-леди, она контролировала работу, подсчитывала расходы и доходы, сама управлялась на Садаракский рынок за необходимыми вещами (различные косметические средства, шампуни, краски для волос и т.д.).

По воскресным дням она, накупив всякой всячины, шла проведать мать, заходила к Назанде ханым, шла к сестре. Назанде ханым сделала ей много хорошего, относилась к ней, как к родной дочери. Улькияр, увидев у нее неисправный телефон, купила ей мобильный последнего выпуска.

Общение с Гюльгюн, посиделки в кафе и ресторанах продолжались прежним ходом.

Однажды Улькияр случайно встретилась с бывшей сокурсницей Севиль, они выпили кофе в «Портофино», повспоминали юность. От души расхохотались, когда вспомнили, что Улькияр из-за страха перед братом Хаялом приносила мини-юбку в сумочке и переодевалась у Севиль. Испытывающая материальные затруднения Севиль попросила у нее в долг, а Улькияр безвозмездно дала ей пятьсот долларов.

Хаял, готовый побить сестру за ее связь с Рашид-муаллимом, тоже немало смягчился, теперь он часто заживал к сестре и просил на карманные расходы. Однажды даже разрыдался при ней, утверждая, что заложил дом из-за банковского кредита и теперь ему угрожает выселение из квартиры. Улькияр тяжело было это вынести, она, переступив через свою гордость, попросила у Рашид-муаллима шестьдесят тысяч манатов и отдала брату.

Улькияр ходила на фитнес, плавала в бассейне. Ей всё приходилось по душе.

Говорят, счастье делает человека краше, верно говорят. Улькияр день ото дня молодела, становилась красивее, милее.

Единственное, что ей не нравилось в новой жизни, так это спать с Рашид-муаллимом. Улькияр с нетерпением ждала конца этого процесса, будто исполняла профессиональную обязанность.

На сей раз беда нагрянула неожиданно. Улькияр увидела перед своим салоном Намига. Ей тут же стало не по себе.

– Мне срочно нужно в долг, десять тысяч долларов, – сказал Намиг.

– А я тут при чем? – разозлилась Улькияр. – Почему просишь у меня? Кем я тебе прихожусь?

– А мне терять нечего, – стал говорить открыто Намиг. – Либо даешь мне десять тысяч долларов, либо я сообщу жене и сыновьям Рашида, что у него соержанка-шлюха.

Улькияр разгневалась, тут же выпалила:

– Шлюха – твоя мать с сестрой, а я жена Рашиду, у нас с ним кябин.

Но Намиг разошелся пуще прежнего:

– Какой еще кябин? Дура, с каких пор кябин заключают ради постели? Думаешь, я не знаю, что ты вытворяла в прошлом? До этого мужчины, который тебе в отцы годится, ты поймала в свои сети парня, который тебе в сыновья годился. Сыновья Рашида не робкого десятка, если узнают, на мелкие кусочки тебя порежут. Не ищи себе проблем, дай мне десять тысяч долларов и я уйду подобру-поздорову.

Улькияр будто кипятком ошпарили. Ситуация была не из простых.

Чтобы выиграть время, она попросила дать ей пару-тройку дней.

Что же делать? Сказать ли Рашид-муаллиму? Она раздумывала несколько дней, искала выхода из этого лабиринта.

Она попросила совета у Гюльгюн.

– Ты уверена, – сказала Гюльгюн, – что Рашид-муаллим, узнав о ситуации, заткнет этому водителю рот? По-моему, всё выйдет наоборот, он перепугается и увидит выход в том, чтобы поскорей с тобой расстаться. Потому что такие, как этот мерзавец Намиг, готовы ударить по самому слабому месту. Мне кажется, лучше кинуть этому подлецу, как собаке, кость, чтобы ты могла жить спокойно.

Выхода не было. Придется поступить именно так.

Сулейман при чтении этого фрагмента невольно вскрикнул:

– Улькяр ошибается! Улькяр надо всё сказать Рашид-муаллиму, который по-настоящему ее любит... Она должна его убедить... Какую же большую ошибку она допускает!!!

Улькяр вызвала Намига, заставила его поклясться, что на этих десяти тысячах разговор окончен, что Намиг больше не станет ее беспокоить. Затем дала ему эти деньги. Всё это случилось под конец августа.

Сентябрь прошел спокойно, Намиг и вправду на глаза не показывался.

Было 2 октября. Рашид-муаллима повысили в должности, он был так счастлив. Он повел Улькяр в ресторан на бульваре, немало выпил, заставил и Улькяр выпить. Вино, водка, шампанское лились рекой. Улькяр ни разу так не напивалась и потому сейчас еле-еле стояла на ногах. Голова так сильно кружилась, будто она находилась на карусели, на «американских горках».

Рашид-муаллим сказал, что сам поедет домой на такси, а Улькяр отвезет Намиг. Улькяр попыталась возразить, но это «нет» не имело никакого значения. Рашид-муаллим усадил ее на заднее сиденье, поцеловал в губы и сказал «бай-бай».

Сулейман снова прервал чтение и вскрикнул, подумав при этом: «Тут надо было писать об ошибке Рашид-муаллима. Верно, в обществе такое случается. Но этот пройдоха-писатель должен был на этом месте серьезным образом раскритиковать Рашид-муаллима. Кажется, этот писателишка думает точь-в-точь, как свой персонаж Рашид».

Затем Сулейман вернулся к роману, на самом интересном фрагменте которого прервался.

Была полночь. Рашид-муаллим заранее предупредил, что застолье затянется допоздна, поэтому Улькяр оставила Айлин у матери.

Доехав до двора, Намиг сошел и подхватил Улькяр под руку, они зашли в лифт. Улькяр сказала ему:

– Уходи, я сама доберусь.

Но Намиг никуда уходить не собирался. Улькяр не могла устоять на ногах, Намиг держал ее, не давая упасть. Затем они вошли в квартиру.

– Ну, всё, я дома, уходи, – сказала Улькяр, но, тем не менее, не отдавала себе отчета в своих словах и действиях. Намиг распустил руки, хватая ее за разные части тела, желая узнать, как далеко можно зайти. Алкоголь сделал своё, у Улькяр закрылись глаза, она легла на диван. Видя, что она отключилась, Намиг разделся, а затем начал раздевать ее. Улькяр на мгновение очнулась и попыталась сопротивляться, но она совсем обессилела от выпитого, алкоголь сделал ее податливой.

Озверевший от страсти Намиг разорвал на ней платье и совокупился с ней, затем ушел, оставив ее в слезах.

На следующий день Улькяр снова подумала о том, чтобы всё рассказать Рашид-муаллиму и избавиться от этого мерзкого человека. Но тут ей показалось, что удар падет лишь на нее саму. Разве Рашид-муаллим не скажет, что мужчина не станет подступаться к женщине, если та этого не допустит? Как она ему объяснит, что была пьяна, в ногах и руках не было сил, чтобы оказать сопротивление спортсмену Намигу? У нее даже не нашлось сил крикнуть и позвать на помощь соседей.

Ее жизнь только-только налаживалась, но вот всё снова пошло наперекосяк.

Спустя всего неделю снова заявился испытанный неповторимое наслаждение от секса с ней Намиг и потребовал отдаться ему в очередной раз. Улькяр расплакалась. Она умоляла его, ругала, пугала, угрожала. Но всё оказалось напрасно. Намиг стал говорить, что если она откажет, то он всё сообщит семье Рашида и натравит их на нее.

Улькяр попросила день на раздумья. Она думала целые сутки. Она даже представить не могла, что спит с Намигом. Она готова была лишиться всего, только бы не идти на такое бесчестье. У нее два пути. Первый путь: рассказать всё Рашид-муаллиму. Второй: вонзить нож в сердце Намигу. Какими же странными бывают женщины... Порой они полностью меняются, становясь той, чей образ раньше даже представить не могли.

Слабая, покладистая женщина готова сейчас убить человека, убить мерзавца, который ей житья не давал.

Она полностью отказалась от мысли сообщить всё Рашид-муаллиму и выбрала второй путь.

Когда утром заявился Намиг, она вышла к нему, держа в руке нож, пошла на него со словами: «Подлец, я сейчас тебя прикончу». Но ей не хватило смелости его ударить. Рука, держащая нож, так и застыла в воздухе.

Намиг этого, конечно же, не ожидал, он испуганно отошел и спешно покинул квартиру.

Улькяр провела три дня в ожидании. Она была уверена, что этот мерзавец обязательно что-нибудь выкинет, что-то предпримет. На четвертый день она находилась на работе, работницы оказывали услуги клиентам, а она в своем кабинете сверяла счета. Вдруг послышался грохот, крики: «Где эта шлюха?», звук битого стекла, когда она выскочила из кабинета, увидела, как два парня переворачивают всё в салоне вверх дном. Оказывается, это были сыновья Рашид-муаллима, они зверски у всех на глазах избили Улькяр, крича при этом: «Шлюха!»

Эти негодяи состригли насильно ее волосы.

Не успокоившись на этом, они разбили табуреткой широкие стекла салона.

Улькяр, вся стоная от боли, собралась звонить Рашид-муаллиму и обо всем его известить. Но руки так дрожали, что она даже номера набрать не могла.

В будущем вспоминая тот самый день, она каждый раз ощущала, как стынет кровь в жилах.

Улькяр так и не смогла прийти в себя, долго плакала. Работники салона и клиенты испуганно разбежались, а после ухода братьев осторожно подобрались к дверям взглянуть на Улькяр. Улькяр не знала, что предпринять. Через какое-то время пришел участковый, стараясь выяснить личность нападавших, а Улькяр сказала, что не знает этих лиц.

Лишь после всего этого Улькяр немного пришла в себя и набрала Рашид-муаллима, сообщила ему о бесчинстве его сыновей. Слова Улькяр оказались столь неожиданными для Рашид-муаллима, что он не нашелся что ответить. Спустя долгую минуту он будто очнулся и попрощался со словами: «Я постараюсь выяснить, что происходит».

Вечером случилось еще одно непредвиденное событие.

Улькяр была у себя дома, она смотрела в зеркало на синяки на глазах, разбитую губу, отрезанные волосы и оплакивала собственную судьбу. Вдруг она услышала, как громко стучат в дверь, будто собираясь снести ее, вдобавок нажимают на звонок. Она побежала открывать, чтобы лишний шум не привлекал внимания соседей, и тут в квартиру ворвались две пожилые женщины. Одна плюнула ей в лицо, другая схватила ее за волосы и стала волочить по всей квартире. Это были жена Рашид-муаллима и его золовка.

Улькяр никогда не видела такого зверства, одна из женщин, чей гнев не утихомирили все эти побои, схватила деревянный подсвечник и грохнула по голове Улькяр.

– Шлюха!!! Если хоть раз подступишься к Рашиду, мы этот подсвечник тебе в одно место засунем.

Не подобающие женщинам мат и оскорбления сотрясали стены квартиры.

После ухода женщин Улькяр недоуменно вопрошала Бога о том, зачем Он предначертал ей такую судьбу. Она прошла в ванную, наполнила ванну водой и взяла бритву, чтобы перерезать вены. Вся в слезах она повторяла: «Прости меня, милая Айлин, но я не могу больше терпеть». Она всё ближе и ближе подносила бритву, но дрожащей руке никак не удавалось справиться с этим вроде бы простым действием.

Затем она вышла на балкон, собираясь броситься вниз. На сей раз перед глазами встал образ Айлин, которая умоляла мать не делать рокового поступка. Вот и сейчас Улькяр не удалось покончить с жизнью.

В последующие дни события приняли более ужасный оборот. Рашид-муаллим пробовал усмирить свою семью, даже угрожал жене разводом, лишь бы не упустить Улькяр. А когда наступил момент наказать переполошившего всех Намига, тот сказал, что сделал всё ради добра Рашид-муаллиму, Намиг оклеветал Улькяр. Оказывается, в ту самую злополучную ночь Намиг после совокупления с находящейся без сознания Улькяр сфотографировал ее голую в постели. Он самым подлым и мерзким образом продемонстрировал фотографию Рашид-муаллиму и сказал:

– Аксакал, ты для меня дороже родного отца. Ты любил эту девушку, тратил на нее деньги, даже заключил с ней кябин, а она отплатила тебе тем, что занималась проституцией, спала с мужиками за какие-то пятьдесят манатов. Я ее выследил, а она развалилась вот так передо мной, прося переспать с ней, но ничего тебе не говорить о других мужчинах. А я остался в безвыходном положении, не зная, что делать. Подумал, если возьму и скажу тебе, тебе станет плохо, вот и сказал твоим сыновьям. А что случилось дальше, ты сам знаешь.

Как после этих слов Рашид-муаллим мог не верить Намигу? Ведь на руках имелось серьезное доказательство: голая Улькяр с раздвинутыми ногами лежит на диване в своей квартире. Нет никаких сомнений, что эта фотография настоящая.

Эта весть сильно ударила по Рашид-муаллиму. Уважаемый мужчина готов был расплакаться. Он направился напрямиком в квартиру, купленную для Улькяр, избил ее, не переставая повторять: «Ах, ты шлюха», а затем выгнал из дома.

Вот так потерявшей в одночасье всё, побитой, оскорбленной Улькяр с синяками под глазами и отрезанными волосами пришлось вернуться в материнский дом. Она решилась: попросается с дочерью и на сей раз обязательно покончит с собой. Как после такого позора можно продолжать жить дальше?! Ей было невыносимо видеть, как крикнула и потеряла сознание мать, как испуганно заплакала дочь. Она прошла в ванную, наполнила ванну водой, взяла бритву и собралась было полоснуть по венам, как тут в дверь изо всех сил стала стучаться Айлин, крича при этом:

– Мама, мама, открой!

И тут руки Улькяр вмиг обмякли.

ГЛАВА 25 СНОВА ОДНА

Удары, которые она получала от мужчин, сыпались один за другим. Отец Галандаров, брат Хаял, муж Мадар, Расим, которого она полюбила и обманулась, мерзавец Намиг, заключивший с ней кябин Рашид. Она возненавидела род мужской. Надо было жить дальше. Она решила больше никогда не сблизиться с мужчинами, впредь она должна жить лишь ради дочери, должна дать ей образование и профессию.

Дело было в том, что накануне отношений с Рашид-муаллимом Назанде ханым испугалась того, что Улькяр может обмануться в очередной раз, потому по собственной инициативе пошла поговорить с Рашид-муаллимом, представившись тетей Улькяра. А после всей этой истории Рашид-муаллим отправился к Назанде ханым и сказал огорченно:

– Я ради вашей племянницы пошел на всё, купал ее в золоте, готов был даже развестись. Но она не смогла перестать распутничать. Продолжая жить со мной как с мужем, она ради каких-то пятидесяти манатов ложилась под всяких мужиков. Не верите? Вот, гляньте на эту фотографию, она развалилась перед моим водителем, подначивая его переспать с ней.

Улькяр вся в слезах поведала Назанде ханым об истинном положении дел, но увидела, что прежнего теплого отношения к ней нет. Улькяр с позором выгнали из «мужниного дома», и этот факт сильно сказался на ее матери, та слегла, обиделась на Улькяра, ни слова с ней не говорила. Сестра и брат тоже прекратили с ней отношения. Будто весь мир восстал против нее.

Для всех дело обстояло следующим образом: Улькяр содержал состоятельного мужчину, который ей в отцы годился, а она, не довольствуясь выпавшим ей шансом, стала ради пятидесяти манатов ложиться под мужиков. И в один прекрасный день ее мужчина застал Улькяра со своим водителем, крепко побил, отрезал волосы и выгнал из дома.

Все считали, что дело обстоит именно таким образом, Улькяр пыталась оправдаться, но никто ей больше не верил.

Порой человек, несмотря на всю свою правоту, не может ее доказать, его бросают в омут грязи, и человек из этого омута выбраться не может. При таких обстоятельствах окружающие должны проявить сострадание, понимание и помочь несчастному. Но они проявляют безжалостность, не протягивают руки. Отчего-то верят всем лживым словам, встают на сторону сильного обидчика и проявляют агрессию к слабой жертве.

Следующий – 2016 год, – когда Улькяр исполнилось тридцать, она встретила в слезах. Единственной опорой в этом жестоком мире была дочь Айлин, не будь Айлин, она давно распрощалась бы с жизнью.

Она бежала от людей, испытывала отвращение к мужскому полу. Прислуживала одной лежачей больной, пожилой женщине, и получала крохотную зарплату, так и сводила концы с концами. Она ступила на самую черную полосу своей жизни. За эту пожилую больную отвечала женщина по имени Наза, Наза предложила ей более высокооплачиваемую работу:

– Хочешь кататься, как сыр в масле? Заходишь на фейсбук, инстаграм, закупаешь в сети красивеньких девушек, знакомишься, дружишь, а потом предлагаешь отправлять их в Дубай и платить по пять тысяч долларов в месяц. За каждую такую девушку будешь получать сто манатов.

– А какую работу они станут выполнять в Дубае?

– Как какую? Станем продавать их арабам в качестве проституток. В Дубае одна ночь с красивыми девушками, чье тело покамест не обрюзгло, стоит три-четыре тысячи долларов.

Конечно, это знакомство напугало Улькияр, она решительно сказала: «Нет, это не по мне» и прекратила общаться с Назой.

В ее жизни возникла огромная пустота, она не знала, как избавиться от паде-ния в эту пустоту. Однажды она научилась по YouTube совершать намаз. Покрыла го-лову, научилась религиозным ритуалам и стала их соблюдать. Ислам – лучшая из религий. Ислам не лишает человека надежды, наоборот, дает ему надежду.

Она прочла Коран целиком, вы зубрила хадисы. Стала посещать религиозные собрания, совершала пятничный намаз в мечети.

Как-то на одном из собраний познакомилась с верующей женщиной по имени Бану. Бану тоже была обижена на жизнь. Она тоже побывала замужем и развелась. Бану и Улькияр очень сблизилась, стали навещать друг друга. У Бану имелся такой же верующий, как она, брат, звали его Турал. Хотя Улькияр ненавидела мужчин, Турала совсем не сторонилась, порой они втроем беседовали часами. Единственной темой этих бесед была религия, Коран.

ГЛАВА 26 РАДИКАЛЬНЫЙ МУСУЛЬМАНИН

Турал часто говорил часы напролет. Он разбирался в исламе достаточно глу-боко, его даже можно было назвать идеологом. Эти беседы вызывали неподдельный интерес Улькияр, она готова была слушать Турала еще и еще.

Бану гордилась братом: «Будь у Турала поддержка и опора, сейчас он нахо-дился бы в Управлении мусульман Кавказа или в Госкомитете по работе с религиоз-ными организациями. Сейчас духовными лидерами считаются те, кто даже алфавита арабского не знает. Жаль, что так складывается с Туралом. Он тут заживо гниет со всеми своими глубокими познаниями».

Порой Улькияр засыпала Турала вопросами, а он охотно на них отвечал:

– Турал, а почему наша религия так называется?

– Улькиярчик, слово ислам происходит от корня «с-л-м», естественно, это араб-ское слово. У этого корня три общепринятых значения: мир, приветствие и поклонение, повиновение. Ислам означает поклонение единому Аллаху.

– Турал, что в первую очередь должен делать человек, присягнувший исламу?

– Улькиярчик, у ислама пять основных условий. Первым и самым главным яв-ляется *шахада* «Ля иллаха Ильаллах ве Мухамедден Расуллулах, саллалахи алейхим ве алихи ве саллам», то есть «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник Его». Вторым условием является то, что мусульманин обязан совершать пять раз в день *намаз*. Третье: давать *закят* – пожертвования неимущим собратьям по вере. Четвер-тое предписание: держать *орудж*, то есть пост во время священного месяца Рамазан. И, наконец, пятое условие: каждый мусульманин хотя бы раз в жизни должен совер-шить *хадж*, то есть отправиться в паломничество в Мекку.

– Турал, какие у ислама основные постановления?

– Улькиярчик, это *товхид*, *нубувват* и *маад*.

– Турал, я вовсе не слышала этих слов. Растолкуешь мне?

– Улькиярчик, *товхид* – это считать Аллаха единственным достойным поклонения. Это включает в себе также и то, что Аллах справедлив, то есть Аллах творит всё наимудрейшим образом. *Нубувват* – это вера в то, что Аллах ниспослал пророка Мухаммеда вместе со ста двадцатью четырьмя тысячами пророков для того, чтобы указать людям истину, вера в ангелов и откровения, которые они передают проро-кам, вера в священный Коран. *Маад* – это вера в воскрешение в Судный день всех людей и их присутствие на Страшном Суде, где они предстанут перед Аллахом, от-вечая за свои деяния.

– Турал, на свете больше мусульман или христиан?

– Улькярчик, конечно же, христиан. Ислам по числу приверженцев занимает второе место после христианства, около двух миллиардов людей во всем мире являются приверженцами ислама.

– В какой стране больше всего мусульман? В Турции, Иране?

– Все нет. Самая большая мусульманская страна – это Индонезия, около тринадцати процентов от числа всех мусульман проживают в этой стране.

– Среди мусульман больше суннитов или шиитов?

– Конечно, суннитов. Восемьдесят процентов мусульман – сунниты, а шиитов всего пятнадцать процентов.

– Но в Азербайджане, кажется, шиитов больше.

– Официальной статистики нет. Но, думаю, ты права.

Турал порой усаживал перед собой Улькяр и Бану за чайным столом и читал им лекции, будто преподаватель студентам. Он так чисто и ясно озвучивал книжные фразы, будто вызубрил их наизусть:

– В современных международных отношениях и мировой политике исламский мир представлен различными государственными и негосударственными, в том числе антисистемными участниками. Это, в свою очередь, порождает противоречивые проявления исламского фактора на международном и региональном уровнях. Без серьезного исследования и теоретического осмысления этих факторов невозможно сформировать полную картину особенностей современного мирового политического процесса. Как известно, в последнее десятилетие интеграционные процессы в исламском мире стали расширяться, в результате чего значительно возросла роль исламского фактора в мировой политике и экономике. В настоящее время существует множество крупных и влиятельных организаций, действующих в форме исламской религиозной общины. Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества, ИСЕСКО, ОПЕК, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и другие. Основная цель – превращение Турции, Ирана, Пакистана и стран «исламской восьмерки», в которую входят ведущие арабские государства, в серьезное экономическую и международно-политическую силу, и мы должны работать над этим.

Действительно казалось, что Турал читал эти вещи из какой-то книги.

– Однако представляется возможным предложить иной подход к решению этого вопроса. Сторонники первого подхода вполне справедливо определяют исламский мир как консолидированный фактор мировой политики. Сторонники других подходов, противостоящих этой идее, акцентируют внимание на том, что во внешней политике слишком много «исламских» игроков, склонных к осуществлению собственной независимой политики и дезорганизации исламского мира.

Турал даже подготовил собственную концепцию, он считал необходимым объединение мусульманских государств под единым флагом ислама, создание единой армии, считал необходимым повышение авторитета исламских стран, которые взяли бы в руки управление мировой экономикой. Турал часто использовал слово «Сирия», его очень беспокоила тамшняя война, он говорил, что в Сирии лицом к лицу сошлись два мира – христианский и мусульманский, от победы одной из сторон зависит будущий мировой порядок. Турал не выказывал никакого уважения к представителям иных религий, считал за настоящих людей лишь мусульман.

Улькяр гневило такое отношение, она говорила:

– Как ты можешь ставить выше мучающих других, разрушающих дома, оставляющих детей сиротами мусульманских террористов выше христианских филантропов, которые дают хлеб беднякам, строят школы и больницы, выделяют деньги на образование? У нас в районе жила соседка, тетя Маруся, она была христианкой, но была столь покладиста и мила, что, казалось, она тебе родная тетя.

«Такие в тысячу раз лучше некоторых наших стерв», – думала Улькяр про себя, имея в виду мать Расима и жену Рашид-муаллима.

Турал говорил:

– Улькярчик, самый последний мусульманин должен в наших глазах находиться выше самого первого христианина. Каждый из нас должен стать панислаμισмом, не то придут христианские миссионеры, раздадут тут по сто долларов каждому и заставят наших соплеменников принять христианство. Нам не следует этого допускать. Америка и Европа, применяющие санкции по отношению к Ирану, – мои враги, врагом для меня является и Израиль, бомбящий Палестину, и Китай, уничтожающий уйгуров.

Улькяр открыто заявляла, что религиозный экстремизм и радикализм ничего хорошего не принесут, говорила, что не любит и не принимает эти направления, не соглашалась с Туралом. Говорила, что никогда нельзя проявлять религиозную, расовую и национальную нетерпимость.

Но в целом Улькяр питала симпатию к Туралу. У этого симпатичного молодого человека были большие светлые глаза, длинные ресницы, а еще он был скромнен и стыдлив. Но главной его притягательностью являлось то, что он читал на арабском аят за аятом Коран и толковал писание. Порой Улькяр, не смея даже дышать, слушала эти толкования, обретала легкость, вникая в глубину этой ниспосланной свыше Книги, забывала о своих горестях.

ГЛАВА 27

БЫТЬ НАСТОЛЬКО ПОКОРНОЙ?

Сулейман грохнул рукой по столу и крикнул. Как можно быть настолько покорной, сдаваться целиком судьбе? Улькяр надо попытаться увести Турала с этого пути, попытаться при помощи сестры Турала. В отсутствие результата следовало вынести вопрос на суд общественности, прийти на помощь не только Туралу, но и всем молодым людям, ступившим на этот путь. И тогда общество непременно раскритикует радикальных мусульман, которые, прибегая к глубоким психологическим методикам, сбивают нашу молодежь с пути. Следует проанализировать, почему у этих радикалов есть такие возможности в нашем обществе. В том случае, когда общество проявляло равнодушие к талантливой молодежи, радикалы пользовались этим обстоятельством и заманивали таких ребят в свои сети. Почему Улькяр ничего не предпринимает, почему так покорно сдается судьбе?

Ладно, почему написавший всё это человек никак не вмешивается в события?

Насколько целесообразно то, что писатель остается всего лишь сторонним наблюдателем?

Сулейман заметил, что девушки стоят за дверью, дожидаясь, когда он выйдет. Должен сперва выйти он, чтобы и они могли разойтись по домам. Рабочий день давно подошел к концу. Он так ушел в роман, что не заметил хода времени.

Он быстро прибрался, положил бумаги под мышку и вышел. Тут одна из смелых девушек спросила: «Сулейман муаллим, что происходит?»

Он сделал вид, что ничего не услышал, и быстрым шагом пошел прочь.

Площадь Фонтанов снова оказалась многолюдна. Все неспешно прогуливались на досуге. Он думал лишь об Улькяр. Он обладал талантом предвидеть финал фильмов и художественных произведений. И теперь догадывался, что раз Улькяр в итоге стала проституткой, значит, у нее не сложились отношения и с Туралом. Это ясно, как день. Но причиной этой неудачи он не считал грубость Турала или то, что он выбрал другую, а не Улькяр. Он догадывался, что Турал влился в ряды радикальных исламистов, что и послужило финальной точкой в их отношениях.

Домой он добрался весь выбитый из сил.

Заррин тут же высказала ему, что он очень изменился, выглядит очень расстроенным. Он отговорился тем, что болит голова, даже пришлось выпить таблетку баралгина, чтобы не вызывать подозрений жены.

Он знал, что Заррин не даст ему сегодня побыть одному.

Так всё и вышло. Он ушел в кабинет и только собрался взять в руки роман, как ворвалась Заррин и сказала: «С большой головой не работают, выходи из кабинета».

Выхода не было. Он оставил чтение на ночь. Когда Заррин уснула глубоким сном, он осторожно встал и читал до самого рассвета.

ГЛАВА 28 **«И ЗВЕЗДЫ В ЭТУ НОЧЬ...»**

Часы показывали полтретьего ночи.

Ульяр вышла на балкон. Ночное небо усеяли звезды... Большие и маленькие, яркие и тусклые...

Она немного поглядела на них. Откуда-то издалека возник образ Расима. Воспоминания, связанные с Расимом, шли гурьбой. Расим любил музыку, да, он работал врачом, но ходил в музыкальную школу, играл на ионике – младшем брате пианино, синтезатора. Пригласив Ульяр к себе домой, он обязательно садился за ионику, играл и пел песни. Впервые он исполнил эту песню, которую Ульяр никогда не забудет. Песню из репертуара корифея азербайджанской сцены – Шовкет Алекперовой. Расим играл и при этом напевал. Надо отдать должное, у него был красивый голос.

*Проходит ночь, у тебя пока горит свет,
Я воспламеняюсь, влюблен в тебя, влюблен.
И звезды этой ночью говорят о тебе,
И луна заалела на вашем окне.
Сладких тебе снов, любимая,
Да здравствует твоя любовь!
Пусть твоя любовь
Будет подмогой тебе!*

*И звезды в эту ночь говорят о тебе,
И луна заалела на вашем окне.*

Она была тронута. Песни – самое эффективное средство для воспоминаний. Одна песня напоминает о детстве, о совместных с родителями днях, другая напоминает о молодости, беззаботных деньках, третья – о том времени, когда она была влюблена...

Песен, связанных с Руфатом, не было, в памяти остались лишь любовные стихи.

В связи с Мадаром вообще не имелось никаких позитивных воспоминаний. Это были мрачные дни, мерзкое, пропахшее алкоголем дыхание, грубое отношение, упреки, оскорбления, слезы.

Рашид-муаллим тоже оказался далеким от романтики, он покупал подарки, совокуплялся, как робот, и уходил, будто Ульяр – не живое существо, а бесчувственная кукла.

От проведенных с Рашид-муаллимом дней в памяти осталась песня Сады Сайан «Ночи», которую та исполнила в Бодруме и всколыхнула весь зал.

А Турал отличался от всех. Он вовсе не рвался к физическому контакту, его интересовали лишь духовно-душевные отношения.

От дней с Туралом в памяти осталось немало песен, порой после религиозных дискуссий, толкования Корана они втроем за чашкой чая слушали музыку. Турал любил народную песню «Сары гялин», мог слушать ее часами без усталости.

*Не заплетают концы волос.
Не отдадут тебя за меня.
Что бы мне дожить до дня,
Когда увижу лик моей возлюбленной...
Что мне делать, горе мне, горе.
Что мне делать, горе мне, горы!
Златовласая невеста...¹*

Слыша эту песню, Улькяр никак не могла удержаться от рыданий.

Песни – твое прошлое, пробуждение ностальгических чувств. Ни одна ракета, самолет, скоростной поезд не способны унести тебя в прошлое, однако песням это удается легко. Вот прямо, как сейчас. Она вышла на балкон, посмотрела на небо, увидела звезды и вспомнила Расима, свои совместные с ним дни. Расима потом женился его противная мать, он стал отцом двух детей. Однажды Улькяр увидела их на бульваре, и тогда так заныло сердце. Мужчины такие безжалостные, жестокие, женщины для них словно розы, сорвал, насладился ароматом, можешь отшвырнуть в сторону. Как сказал один поэт, мужчины все охотники, а женщины – добыча. Она вспомнила, что этим поэтом был Рамиз Ровшан. Стихи звучали следующим образом:

*Города и села, охотничьи уголья,
Но что это за охота без ружья и пуль?
Все мужчины отчасти охотники,
А все женщины отчасти добыча.*

Во всех окружающих окнах темно. Люди мирно спали. Кто станет бодрствовать в столь поздний час... Все готовились к завтрашнему дню. Одни пойдут на работу, другие – в учебные заведения. Третьи – за покупками. Четвертые отправятся в гости, пятые пойдут выразить близким соболезнование. А теперь все спят, спят, чтобы набраться энергии к завтрашнему дню.

Улькяр тоже следовало набраться сил к завтрашнему дню. Но до рассвета оставалось всего полтора часа, к двенадцати часам она должна дать самое важное решение в своей жизни. Да или нет.

Вся ее душа, все чувства хотели сказать «да», но ум, рассудок говорили «нет». Она вернулась и встала перед зеркалом. Часы показывали 3:44.

ГЛАВА 29 **«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОЮ ЖИЗНЬ»**

Порой люди, даже словом не перекинувшись, становятся свидетелями немого диалога посредством взглядов. Так было между ней и Туралом. Улькяр каждый раз замечала, что их стыдливые взоры на мгновение пересекаются, но тут же расходятся, но этой мимолетной искры хватало, чтобы распалить ее душу.

Турал был старше Улькяр на год, он был однажды женат, но супруги не сошлись характером и потому развелись. В первый год женитьбы – в 2006 году – Турал случайно познакомился с одним верующим человеком, выказал интерес к религии, начал совершать намаз и вскоре присягнул ваххабитскому тарикату. Он носил уко-

¹ Перевод с азерб. Н. Расулзаде.

роченные брюки, отпустил бороду. Немного спустя призвал супругу соблюсти предписания исламской религии, покрыть голову и тоже совершать намаз. Однако супруга не только отказалась от требования мужа, но вдобавок попыталась и его самого отвести от религии. Вот так в семье начался раскол, и они вскорости развелись.

Турал не проявлял интереса к плотским отношениям, все его устремления были связаны с религией, ему не досаждали даже материальные затруднения, хотя братья по вере сами о нем заботились, давали ему привозные благовония на продажу. Турал арендовал для Бану небольшой парфюмерный магазинчик поблизости от станции метро «Сахиль», вот так они мало-помалу торговали. Бану тоже развелась, ее замужество тоже не сложилось, муж оказался наркоманом, Бану до брака об этом не ведала. Хорошо хоть она догадалась почти сразу после замужества и ушла, не заводя от наркомана детей. Турал с Бану жили в двухкомнатной отцовской квартире в Ахмедлы. Родители их скончались. Визиты Улькяр словно растопили лед в этой их квартире, дом стал уютнее. Женщины вместе пекли сладости, чаевничали и даже смеялись. Турал всегда говорил: «Улькярчик, огромное тебе спасибо, поверь, мы с Бану и не помним, когда в последний раз смеялись». Эти новые знакомые принесли немалую легкость Улькяр в очень сложный период ее жизни. От нее отделились мать, сестра, даже Назанде ханым. После того злополучного случая с Рашид-муаллимом ее брат Хаял перестал раз и навсегда считать ее сестрой. Улькяр угнетало то, что родные люди столь равнодушно относятся к ее беде, не проявляют понимания.

Отношения с Мадаром. В чем же она допустила ошибку? Ее разлучили с любимым, с одним-единственным Руфатом, и выдали за этого бесчестного мерзавца, который вдобавок оказался алкоголиком, игроком и наркоманом. Но вместе с тем Улькяр пыталась подладиться, ни разу не подняла голоса, не выразила недовольства, не затеяла скандала. И даже родила этому подлецу ребенка. А он в итоге бросил ее, как ненужную вещь, и ушел к другой.

Ее отношения с Расимом. После Руфата ее сердечные чувства потускнели, но что она могла поделать, не смогла совладать с чувствами, сердцу ведь не прикажешь, она ответила на любовь Расима своей любовью. Расим поклялся в верности, поклялся, что останется с ней до самого конца, до самой своей смерти, но нарушил клятву по одному приказу матери и бросил Улькяр. Разве так поступают мужчины? Такого молокососа даже мужчиной называть не стоит.

Отношения с Рашид-муаллимом. Улькяр к тому времени уже успела два раза обмануться, потому долго не подпускала этого человека близко, легла с ним в постель лишь после заключения кябина по заветам шариата. Откуда ей знать, что мерзавец Намиг поставит ей подножку и разрушит всю ее жизнь?! Почему Всевышний создает таких людей? Разве такие, как Намиг, не есть позорное пятно на лице человечества?! Разве у этих мерзавцев, рассматривающих симпатичных женщин в качестве добычи, нет своих матерей и сестер? Почему они не понимают, что жизнь – бумеранг, всё содеянное тобой зло непременно вернется к тебе же? Прекрасно сказано в пословице: «Что посеешь, то и пожнешь».

Бог троицу любит. Хватит уже. Больше в моей жизни нет места мужчинам, думала Улькяр.

Вооружившаяся этими предписаниями, Улькяр чувствовала, как Турал одним выражением глаз рушит все эти предписания, топит все вековые ледники.

Да, порой их взгляды сходились. Глаза Турала ясно говорили: «Я люблю тебя», Улькяр поначалу не могла на это ответить, ведь внутри у нее поселился страх, случившееся с ней настолько ее напугало, что она, обжегшись на молоке, дула на воду. Оставшись наедине в квартире, она вспоминала все старые обиды, гневалась на весь род мужской. Оступись она еще раз, этим доказала бы матери, сестре, Назанде ханым, «какого она поля ягода», и тогда стало бы вовсе невозможно доказать собственную правоту.

Она обнимала дочь, прижимала к груди и тихо плакала, не умея никому объяснить, что за сомнения гложут ее душу, какие в душе бушуют ураганы.

А дни проходили чередой.

Но в один прекрасный день она не смогла устоять перед Туралом, на сей раз она не смогла отвести взгляда, и этот взгляд прошептал в ответ: «Я тоже тебя люблю».

Турал улыбнулся, его лицо засияло счастьем. Дела влюбленных устраивала Бану, так как Турал и Улькяр вовсе не были готовы говорить на эту тему. Однажды в пятницу, в мечети Бану сказала Улькяр: «Турал тебя любит, хочет на тебе жениться». С забывшимся от волнения сердцем Улькяр ответила: «Я согласна».

Они сошлись на том, что Улькяр пока оставит Айлин у своей матери, а сама переедет к Бану и Туралу.

Мать встретила новое увлечение Улькяр в штыки, обвинила дочь в том, что та своими ногами идет в пропасть. Бедная женщина снова расплакалась, твердя: «Ты позоришь весь наш род». А потом добавила: «Если и на этот раз вернешься побитой, состриженной, я наложу на себя руки».

Но ничто не могло переубедить Улькяр. Она за это время накопила приличную сумму, положила все деньги на стол, поцеловала на прощание дочь и ушла.

На сей раз Турал встречал Улькяр не как гостью, а как свою супругу. В этот раз он сказал лишь одно: «Добро пожаловать в мою жизнь, Улькярчик!»

ГЛАВА 30 ДНИ С ТУРАЛОМ

В настоящем мы не вдаемся особо, хорошие ли, плохие дни проживаем, но когда оставляем это время позади, спустя годы осознаем, что были тогда счастливы или несчастны.

В дни с Туралом Улькяр была очень счастлива. Бану хотела снять для себя квартиру, чтобы не мешать им, но Улькяр не согласилась.

Турал занимался своими делами, ходил в мечеть, встречался с верующими братьями, привозил благовония в свой магазинчик поблизости от метро. А Улькяр с Бану продавали эти благовония и вырученные деньги отдавали Туралу. Покупать продукты, хозяйственные товары, одежду тоже шли втроем. Бюджет их был полностью прозрачен, они жили, как три души в одном теле.

Бану с Улькяр часами беседовали о горестях жизни, основной темой этих бесед были предательство людей и мужская алчность. Только для Турала они делали исключение, у него не имелось отрицательных качеств, на которые можно было бы посоветовать.

В конце недели они шли втроем забирать Айлин, чтобы вместе погулять. Капустели, зоопарк, цирк, детский театр – они радовали Айлин каждый раз новым увлечением. А на прощание непременно покупали ей игрушку.

Улькяр никак не могла свыкнуться с жизнью без дочери, но не хотела забирать ее к себе, в Ахмедлы. Во-первых, маленькая квартира Турала в отличие от квартиры матери Улькяр была тесной и не столь комфортной, жить тут вчетвером оказалось бы тяжело, ведь у ребенка должен иметься хотя бы уголок. Во-вторых, возить Айлин каждый день из Ахмедлов на другой конец города окажется сущим мучением. В-третьих, забрать Айлин не позволила мать: «Хочешь распутствовать, так распутствуй, а ребенка не трожь, не дам забрать ее в твой гадюшник».

Турал, видя, как тоскует Улькяр, говорил: «Улькярчик, дай Бог, продадим эту квартиру, купим побольше, вот и заберем дочку нашу Айлин и станем жить все вместе и счастливо».

Порой они втроем шли поведать Назанде ханым. Назанде ханым признавалась, что после случая с Рашид-муаллимом она обижена на Улькяр, но всё же встречала их приветливо, накрывала стол. Назанде ханым часто шла к Зоуре, чтобы навестить Айлин, две бабушки утешались своей одной-единственной внучкой.

А от Мадара никаких вестей не приходило. Последнее, что они о нем знали, так это то, что он страдает от наркомании, что жена выгнала его из дому. Никто не знал, где он и чем занят. Даже не было уверенности, что он всё еще жив.

Да, конечно, Назанде ханым плакала, ей было больно за сына, ведь он плоть от ее плоти, как ни крути, ее сын. Но она прекрасно понимала, что нет спасения такому бесчеловечному, глупому, бессердечному, бесчувственному созданию. Отчего-то порой дети становятся эпикризом смерти своих родителей. Казалось, Бог привел Мадара на этот свет, чтобы доставить родителям одну лишь муку.

Однажды ночью Улькяр сказала Туралу, что хочет от него сына, братика для Айлин, сказала, что уже придумала ему имя – Эльвин.

Она думала, Турал обрадуется, поддержит ее. Но Турал сказал: «Улькярчик, у меня на носу непростая поездка в другую страну, давай, я вернусь целым и невредимым, а потом ты непременно родишь мне сына».

У Улькяр кровь застыла в жилах. Как так – «непростая поездка», «вернуться целым и невредимым»?

Она потребовала у Турала объяснений.

– Ты хоть понимаешь, что несешь? Что это за поездка? Почему ты можешь и не вернуться? Умоляю, у меня совсем не осталось сил от всего пережитого. Не надо мне доставлять новых мучений.

Турал попробовал ее успокоить:

– Да нет, Улькярчик, не переживай, я это так, к слову, конечно, вернусь живым и невредимым, и у нас родится сын.

Улькяр всё упрашивала и упрашивала, но Турал вдаваться в подробности не стал. Улькяр вся в слезах поведала Бану об этом обстоятельстве, Бану тоже потребовала от Турала объяснений, но тот и ей ничего открывать не стал.

С того дня Улькяр стала мрачнее некуда. Она ходила будто во сне, не понимала, что ест, что пьет. Она ощущала близкую угрозу, которая готовилась на них напасть. Улькяр вся была как на иголках.

Накануне праздника Новруз Турал стал куда-то готовиться, он выглядел занятым, уходил во время утреннего намаза, порой возвращался далеко за полночь, перестал привозить благоволия для магазинчика, вести долгие религиозные дискуссии тоже перестал, но каждую ночь Турал озвучивал высказывания Пророка Мухаммеда, Хазрата Али, Омара, Мёвланы. Эти фразы запечатлевались в сознании Улькяр.

Человек и Коран – братья-близнецы.

Каждое благо от Аллаха. Каждая беда от твоего нафса.

Стрела, выпущенная человеком с плохими намерениями, возвращается к нему самому.

Творящий несправедливость несчастнее того, кому причиняют несправедливость.

Скрывать содеянное добро гораздо выше, чем скрывать содеянное зло.

К единому мнению приходят не те, кто говорит на одном языке, а те, кто разделяет одни чувства.

Человек ценен не знанием многих языков, а знанием языка сердца.

– Улькярчик, запомни эти слова, запечатлей в памяти, чтобы они никогда не стерлись. Ладно?

– Ладно.

– Улькярчик, не вешай нос. Всё будет хорошо. А пока пусть эти священные мысли станут тебе утешением. Ладно?

– Ладно.

– Не забывайте Коран, выберите его себе имамом и лидером.

Читайте Коран, чтобы стать сильнее.

Пусть Аллах посылает вам людей, имеющих божий страх, всё остальное мелочи.

О, Аллах, наполни меня одной любовью к Тебе.

Цена каждого человека измеряется красотой его нравственности.

В последнюю ночь они не спали до самого утра. Турал всё говорил и говорил, без устали выражал свою любовь к Аллаху.

– Улькярчик, – говорил Турал, – Аллах, чтобы не оставаться одному, сотворил достойных Его людей, но не сделал их одинаковыми, дал им свободу выбора, чтобы один был справедливым, другой жестоким, один сильным, другой слабым, один умным, другой безграмотным, один верующим, другой распутным. Аллах создал религию, чтобы люди поклонялись, не сходили с прямого пути, а еще Он создал любовь, равную религии. Любовь не дает пасть людской нравственности, любовь оберегает человека от мерзостей, любовь священна.

На рассвете Турал встал совершить намаз и два раза повторил следующие слова:

– Ценность любимой измеряется любовью того, кто ее любит.

ГЛАВА 31

РАЗЛУКА

На следующий день Турал не вернулся домой, Улькяр с Бану не смогли уснуть от переживаний, обзвонили друзей и знакомых. Никто ничего не знал. Две женщины обошли все полицейские отделения и даже морги, обращались к случайным прохожим, перечисляя им внешние признаки Турала.

Под конец пятого дня на мобильный Улькяр поступил звонок, у нее прояснился взор, когда после шипения на проводе она услышала голос Турала. Турал спешно сказал пару фраз и тут же попрощался: «Улькярчик, привет. Как вы там? Обо мне не переживайте, я в Сирии. Мы тут сражаемся ради шариата. Дай Аллах, вернусь, и мы снова будем вместе. Передай привет Бану и Айлин. Я тебя очень люблю. Пока».

Вот и всё. Это были последние слова, которые она услышала от Турала. Больше ничего не последовало. Улькяр заплакала навзрыд, она находилась в магазине, стали удивленно оборачиваться клиенты. Бану вышла за пирожками к обеду, войдя внутрь и увидев, в каком состоянии Улькяр, она потеряла дар речи, пирожки посыпались на пол.

«Я ведь говорил, говорил, что Турал станет жертвой радикальных мусульман, поедет сражаться в Сирию. Говорил ведь, что причиной их разлуки может стать лишь это». Сулейман стал громко произносить эти слова, затем бросил взгляд на часы. Они показывали 03:45 пополуночи. Затем он продолжил читать роман.

Улькяр немало слышала о Сирии, знала, что поехать в Сирию – всё равно, что поехать на верную смерть. Но почему, почему?

Улькяр вся в слезах упрекала себя и Бану.

– Турал не находился на верном пути, он связался с радикалами, когда он говорил о Сирии и джихаде, мы могли еще его отговорить, но мы этого не сделали, нам даже на ум не могло прийти, что Турал отправится в Сирию. Типун мне на язык, но этот путь безвозвратен.

Но в глубине души как Улькяр, так и Бану надеялись, что Турал всё-таки вернется. Во время молитв они умоляли Всевышнего вернуть им Турала. Во время пятничного намаза в мечети Улькяр и Бану оставались даже после того, как все уходили, и со слезами на глазах просили у небес возвращения дорогого им человека.

Их жизнь окрасилась в серые краски. Совместные беседы, чаепитие, прогулки, встречи с Айлин – сейчас ничего из этого не осталось, и Улькяр понимала, какой же, оказывается, счастливой она была в то время. Ценность хрустальной вазы понимаешь лишь после того, как уронишь ее и разобьешь.

Не прошло и месяца после окрашенного печалью праздника Новруз, как Сохбат, собрат Турала по вере, принес весть о его гибели. Сохбат сказал: «От нас поехали двенадцать братьев и все пали шахидами в одном и том же сражении». Сохбат продолжал еще говорить: Хайят Тахрир аш-Шам, Башар Асад, арабская весна, Халид Ходжа, моджахеды никогда не умирают, они уходят в вечность. Но Улькяр этого уже не понимала.

Вот так в сердце Улькяр поселилась еще одна боль.

Она снова, уже в который раз, осталась одна.

Несмотря на настояния и слезы Бану, она собрала вещи, сложила кизилового цвета чемодан и вернулась в материнский дом. Зохра снова не смогла остаться равнодушной к неудачливой судьбе дочери, она рыдала часами.

Они снова начали жить втроем.

Один раз заходил Хаял и ранил словом «шлюха» свою сестру, которой и так пришлось нелегко. Это слово потрясло Улькяр, пронзило ее током. Да, она спала с пятью мужчинами – Мадаром, Расимом, Рашид-муаллимом, Намигом, Туралом, была законной женой троих из них, а мерзавец Намиг изнасиловал ее. Но ведь она не проститутка. Разве проституткой называют не ту, которая продает свое тело за деньги?

В тот день Улькяр поклялась никогда не ступать на этот скользкий путь.

Начиналась новая жизнь. Турала уже нет в живых, значит, никто не станет приносить благовония в парфюмерный магазинчик поблизости от станции метро «Улдуз», по этой причине магазинчик закрыли. Улькяр должна найти новую работу, устоять на ногах. Она твердо настроилась сражаться с жизнью, которая без устали наносила ей удары. Ибо несла ответственность за воспитание своей дочери.

ГЛАВА 32

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Беда не приходит одна, приходит целой гурьбой, целым войском. Улькяр не взяли обратно ни в школу, ни в детсад, все попытки Назанде ханым тоже оказались впустую, подходящей работы никак не находилось.

Время шло к лету, был месяц май, Улькяр уже устала обивать пороги учреждений и компаний, где встречала один лишь отказ, одни лишь кислые или полные сожалений лица. Бывали компании, чей владелец говорил открыто, мол, возьму тебя на работу, но ты должна переспать со мной. Она даже представить не могла, что в свои тридцать лет столкнется с такими трудностями. Мать болела, пенсия ее уходила на лекарства, муж Лейли запретил ей навещать мать после того, как вернулась Улькяр: «Ни ногой в этот дом, где живет распутница». Хаял тоже был далек от мысли помочь матери. Еда и бытовые нужды, коммунальные расходы, образование Айлин – всё это требовало материальных средств, а их не имелось.

Однажды Улькяр просматривала наклеенные на стены объявления возле станции метро «20 Января», искала подходящие, вдруг она услышала за спиной отвратительный голос, это был Намиг, при одном его виде Улькяр будто током ударило. Намиг сказал самым бесстыжим образом:

– Кайф, который я от тебя получил, мне больше никто дать не способен. Сколько стоит твоя ночь? Дам с лишком. Будь снова моей.

При этих словах Улькяр невольно выкрикнула в ответ:

– Иди переспи со своей матерью и сестрой.

Спустя несколько дней неожиданно позвонила Гюльгюн. После злополучной истории с Рашид-муаллимом Улькяр и Гюльгюн больше не виделись, так что для Улькяр ее звонок оказался полной неожиданностью.

– От водителя Рашид-муаллима я услышала, что ты ищешь работу, просматривая объявления возле метро. Мне стало больно. В наше время без работы не выжить. У нас есть семейный друг, его мать живет на даче в Бильгя, прикована к инвалидной коляске, ей требуется уход. Дают пятьсот манатов в месяц.

Улькяр вздрогнула при упоминании имени Намига, но сочла предложение Гюльгюн настоящим спасением, стала рассыпаться в благодарностях, говоря, что никогда не забудет этого добра.

На следующий день Гюльгюн отвела Улькяр в одну квартиру на Нариманова, хозяева, молодые мужчина и женщина, встретили ее приветливо. Культурный мужчина в очках работал в научно-исследовательском институте, он был физиком, жену свою устроил при себе в лабораторию, они не бедствовали, зарплату получали высокую, потому решили нанять сиделку для пожилой матери мужчины.

Улькяр сразу нашла общий язык с этими людьми. Оказывается, они жили в Бильгя, но сняли квартиру в центре, так как на дорогу уходило много времени и сил. Мужчина выделил Улькяр отдельную плату за проезд. Хозяин решил продать в скором будущем дачу в Бильгя и купить на эти деньги просторную квартиру в центре.

Да, это непростой режим – оставаться шесть дней в Бильгя с пожилой женщиной и возвращаться к себе, к дочери лишь на день, но других вариантов не имелось, пришлось смириться с существующим положением дел.

Улькяр поставила мать в известность, дала матери сто манатов – аванс от мужчины, и отправилась в Бильгя. Мать сказала ей вслед лишь одну фразу:

– Не выкидывай на этот раз фокусов.

Она никогда не бывала в этих краях. Автобус, везущий ее, медленно ехал вдоль моря, позволяя насладиться синевой и неповторимостью Хазара. Дома, выстроившиеся вдоль берега, тенистый прибой, мелкие постройки, нежный ветер гилавар – всё это радовало душу. Она добралась до дома, где предстояло оставаться, хозяйка познакомила ее со своей свекровью, познакомила с домом, дала поручения и ушла.

Улькяр познакомилась с тетей Басти. Женщина только и делала, что хваливала своего сына Игбала. Называла сына «большим начальником». Она была очень ласковой, с первого раза стала обращаться к Улькяр «джаным».

ГЛАВА 33 ДНИ В БИЛЬГЯ

Дом был одноэтажным, имел большую пристройку, три спальни, кухню и гостиную, ванную. Улькяр выделили угловую комнату, аккуратная комната, широкая кровать, эта комната предназначалась для хозяина и его жены, посередине дома находилась детская, единственный ребенок в семье – семилетний мальчик спал там. А дальше шла комната тети Басти.

Двор был не таким уж большим, максимум четыре сотки, компактный дворик, устланный метлахской плиткой. Небольшой газончик. Несколько кустиков роз и одно небольшое тутовое дерево. Главным украшением двора был бассейн. При виде бассейна Улькяр тут же подумала о том, что, будь сейчас сезон, она прыгнула бы в него, не снимая одежды, и насладилась бы прохладой.

Улькяр предстояло готовить, ухаживать за тетей Басти, прибираться дома и, вдобавок, подметать и чистить двор. По сути пятиста манатов было мало для всей этой работы, хозяин поспешил, назначая зарплату, но вариантов у Улькяр не имелось, ей давали еще деньги на проезд, ела она тут же, а эти пятьсот манатов она могла целиком тратить на дочь и мать.

Тете Басти было 67 лет, кроме Игбала, у нее было еще два сына, они жили в Украине, устроились там, оба женились на украинках, у одного был один, у другого два ребенка, раз в год, в канун Нового года, они приезжали навестить мать и брата. 2016 год они встретили всей семьей, а пятого января братья вернулись в Украину.

Женщина была парализована, почему так вышло, сколько уже она не могла ходить – Улькяр всего этого не знала, она пару раз попыталась завести об этом речь, но женщина не любила говорить на эту тему. Она только и делала, что нахваливала своего Игбала, а потом переходила к двум другим сыновьям, затем к внукам, а под конец к невесткам. Она никогда ни на кого и ни на что не жаловалась.

Улькяр один раз проявила оплошность и пролила горячий чай на женщину, но женщина вместо того, чтобы возмущаться, обеспокоилась тем, что Улькяр паникует. «Ничего страшного», – сказала она, пробуя успокоить Улькяр. А когда в конце недели приезжали сын, невестка и внук, она только и делала, что хвалила Улькяр, говоря при этом: «Очень хорошо присматривает за мной, будто дочь родная, надбавьте ей зарплату». Женщина просила об этом сына, но тот пропускал ее слова мимо ушей.

Улькяр нравилось работать, эта работа означала спасение для ее семьи, ведь, оставшись без денег, они будут обречены на верную гибель, да и голова делом занята. После вести о смерти Турала она никак не могла в себя прийти, тосковала, уйдя в думы. Вдобавок радовалась, что в лице тети Басти ей повстречался хороший человек, Улькяр верила, что всё изменится к лучшему.

Тетя Басти ничего особенного приготовить не заказывала, с аппетитом ела всё, что приготовит Улькяр. Игбал закупал много фруктов и овощей, говорил: «Маме нужно больше витаминов». Улькяр тушила капусту, жарила баклажаны, зелень с яйцами, варила фасоль. Порой готовила котлеты на пару или варила курицу. Кормила женщину, ела и сама, затем мыла посуду и прибиралась, а когда женщина спала днем, Улькяр смотрела из пристройки на море. Какие страсти таило в себе море: то исходило волнами, то бушевало, то становилось спокойнее и отражало солнце.

Улькяр беседовала с морем, вспоминала свое прошлое, горько жаловалась морю на свою судьбу. Ей в этой жизни выпали лишь страдания, будто судьба с мечом в руке восстала против нее, обьявив врагом.

Но она всё еще надеялась на лучшее, ее милая Айлин училась на отлично, была гордостью школы, Улькяр хотела видеть ее знаменитым юристом. Улькяр говорила ей: «Твоя мать не смогла защитить свои права, а ты станешь защищать как свои права, так и права других».

Отправляясь по воскресеньям проведать дочь, она каждый раз покупала ей сладости из сэкономленных денег. Мать и дочь крепко-крепко обнимались.

Состояние здоровья Зохраны, которая ни словом не хотела обмолвиться с дочерью, постепенно ухудшалось. Однажды Зохрана подозвала к себе Улькяр и сказала:

– Всё, что я делала, я делала ради твоего счастья. Но я своими же руками кинула тебя из огня в полымя. Да проклянет Аллах Мадара, как это уже случилось, никто даже не знает, жив он или мертв. Он мог бы сделать счастливой тебя и дочь, ты ничем не была запятнана, ты была тихой, смиренной, ласковой, услужливой, красивой невесткой, другие об этом только мечтают, а у тебя имелись все эти качества. Но мерзавец не оценил всего этого, посчитал тебя недостойной и бросил. Обычно все большие ошибки проистекают от мелких. Первую ошибку сделали мы с твоим отцом, когда насильно выдали замуж за того подлеца. Но последующие ошибки ты сделала сама, будто желая исправить первую ошибку. Как ты могла сойтись с тем сосунком,

который был младше тебя на целых пять лет?.. Не видела, что он не мужчина, смеется, как баба? Такой не посмеет ни слова возразить матери и отцу, не сможет защитить любимую. Мне так тяжело. Как ты могла обмануться, дать себя провести? Многие разводятся, вот и ты вернулась бы в родительский дом, и мы жили бы потихоньку, как живем сейчас. Но ты витала в облаках, любовь, страсть – все эти потребности сбили тебя с пути. Но ты снова не извлекла урока. Сошлась с мужчиной, который тебе в отцы годился, заключили кябин, ну, и что, почему ты на это пошла, не получив согласия его сыновей и жены-стервы, и вот они сообща опозорили тебя на весь белый свет. Вернулась ко мне побитой, униженной. Знаешь, я сотню раз тебе повторяла, даже буйвол дважды в одно болото не заходит. А ты, ты целый университет окончила, но после всего этого позора не стала смиренно сидеть, сошлась с этим религиозником. Я ведь тебе говорила, дура несчастная, он ваххабит, говорила я тебе, что он в мужья не годится. Видишь, так и вышло. Опомнись после всех этих мучений, смирись, работай, воспитывай дочь. Услышь и знай, тебе не предначертана Богом семейная жизнь. Поэтому смирись и живи дальше. Из-за тебя стыдятся и твои брат с сестрой, они от тебя отвернулись, у тебя никого нет. А мне недолго осталось. Воспитывай дочь, у тебя больше нет будущего, хватит строить личную жизнь, думай о дочери, живи ради ее будущего.

После всех этих слов Зохра впервые за долгое время обняла Улькяр, разрыдалась. И вправду, ребенок для матери всегда ребенок, что бы ребенок ни сделал, мать от него никогда не откажется.

Когда Улькяр получила первую зарплату, они пригласили и Назанде ханым. Улькяр накрыла красивый стол, приготовила долму, голубцы. Купила торт.

Они поели, побеседовали. Улькяр выразила довольство своей работой, рассказала о том, что женщина, за которой она ухаживает, очень благородна, мудра, ни на что не жалуется, проявляет великодушие.

Назанде ханым на деньги со своей пенсии купила для Айлин плюшевого мишку, Улькяр не смогла удержаться, расплакалась. Ей вспомнилось, как они вместе с Туралом и Бану водили Айлин гулять, покупали ей подарки. Но это воспоминание сменилось другим. Как можно забыть того огромного мишку, что купил Рашид-муаллим на десятилетие Айлин?

Разлука с Рашидом больше всего сказала на Айлин, она часто спрашивала у матери: «Почему мы не возвращаемся в нашу большую квартиру? Я скучаю по своей розовой комнате».

В тот день Улькяр впервые посетили непривычные мысли. Она поняла, что даже если бы Мадар оказался неплохим человеком, даже если бы Расим женился на ней, даже если бы семья Рашид-муаллима не встала у них на пути, даже если бы не был убит Турал, то есть в любом случае она не смогла бы стать счастливой. Ее мог сделать счастливой только Руфат. Бог посылает первым тебе того, кто и вправду способен сделать тебя счастливой. Вот почему первая любовь столь сладка и незабываема. Если упустишь ее, больше никогда не станешь счастливой, так что...

Ночью она прижала к груди подаренный Руфатом брелок и вдоволь наплакалась.

Откуда знать, где сейчас Руфат. Она как-то слышала, что он при хорошем деле, управляет личным бизнесом. Такой человек с прекрасной душой сейчас вероятнее всего обзавелся счастливой семьей. Сейчас рядом с ним счастливейшая женщина на свете.

Когда Улькяр вернулась после воскресного дня обратно в Бильгя, даже тетя Басти догадалась, что Улькяр много плакала, и тогда тетя Басти, как мать, положила голову Улькяр к себе на колени и захотела выслушать ее рассказ о своей судьбе.

– Расскажи мне о своей жизни, джаным. Расскажи, это принесет тебе облегчение.

Вот Улькяр и стала рассказывать. Это длинное повествование даже не дало им отобедать вовремя.

Летом школьники отправились на каникулы, и тогда по разрешению хозяев Улькяр привезла к себе и Айлин, Айлин ела тут, плавала в бассейне, стоя в пристройке, рисовала море. «Мама, – спрашивала девочка, – почему у нас самих нет такой дачи, почему у нас нет машины?»

Эти вопросы были не столь убийственны, но следующий вопрос Айлин оказался очень болезненным: «Мама, почему у нас нет папы?»

ГЛАВА 34 ОЖИДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Часы показывали без четверти пять, уже светало. На широких окнах, распахнутых на улицу, отражались синеватые всполохи рассвета.

Улькяр потеряла глаза, в которых жгло от бессонницы. Встала и прошла в ванную. Умылась. Затем прошла в кухню. Наполнила чайник и поставила кипятиться. Открыла кухонный шкаф в поисках заварки. Нашла несколько коробок, тут был и листовой, и обычный черный чай, был и зеленый чай, вдобавок и красный. Она наполнила заварочный чайник листовым. Вспомнилось детство, отец всегда покупал большую коробку листового чая.

Чайник закипел, она заварила чай, стала искать сахар, но, увидев шоколад, отказалась от сахара, выпила чашку с понравившимися шоколадками, а затем добавочную чашку, чтобы еще раз насладиться шоколадками.

Хотелось есть. Она открыла холодильник и долго смотрела внутрь. В морозильнике нашла куриные наггетсы и полуфабрикатные говяжьи котлеты. Естественно, в холодильнике холостого мужчины не найдешь изыски кулинарии... Растительное масло, коробка яиц... Рыбные консервы, тушонка, колбаса, сосиски, готовая довга в банке...

Значит, Ему было предназначено жить такой вот жизнью. Говорят, холостой мужчина что царь. Но домашнюю еду ничем не заменишь. Даже, казалось бы, обычный суп. Галандаров, уходя на работу, приказывал бедной жене, мол, сегодня приготовь суп-лобио, с чесноком и гатыгом; приготовь куриный суп с рисом и вермишелью; свари довгу да с горохом.

Галандаров любил супы.

Вдруг внутри нее стал подниматься гнев, ей стало странно, что ничего хорошего в связи с отцом вспомнить не может. И почему она должна поминать добром человека, который сделал ее несчастной? Галандаров заслуживает лишь порицания и проклятия.

Есть расхотелось. Она прошла в гостиную.

Хозяин квартиры обладал отменным вкусом, закрыть глаза на этот вкус никак не получалось. Комнату украшали различные сувениры. Посуда тоже была красивой, красивыми были и мебель, и люстра.

Она села на диван. Вдруг она ощутила жгучую ревность. Интересно, Он приводит в эту квартиру других женщин? Кто знает, может, Он предавался утехам прямо на этом диване. Подумав об этом, она тут же скорчила кислую гримасу, но сразу же упрекнула себя. «Как ты смеешь об этом думать? Ты-то??? Проститутка, которая ложилась под сотни мужчин. Теперь тебе не нравится, что Он мог иметь близость с женщинами?»

Это самоуничижение доставило ей боль, будто унижал ее кто-то посторонний, даже навернулись слезы на глаза. Как же низко она пала, девушка из серьезной, порядочной, дисциплинированной семьи. Теперь все знали ее как проститутку.

Она встала и опечаленно прошла к зеркалу.

Воспоминания оборвались на том месте, когда она работала в Бильгя. Следовало вспоминать дальше. Она подобралась к кульминационной точке своей жизни. Всё, что случилось, случилось после этого. Всё, что было до, можно было еще как-то понять.

Она посмотрела в зеркало. И стала горько плакать, будто заново проживала те самые мгновения.

ГЛАВА 35 ВОТ И ВСЁ

Был конец сентября, жаркие ветры утихли, временами шли дожди.

Игбал заходил периодически, не только по воскресеньям – то принёс еду, то торговался с клиентками, приходившими вместе с маклером смотреть дом.

В один из дней он вновь зашёл, пока тётя Басти ещё спала, проводил маклера с клиентом. Обычно он не задерживался, но в этот раз остался, присел и попросил Улькяр угостить его чаем:

– Стакан чая, если можно.

Улькяр принесла чай. Игбал пил медленно, и чувствовалось, что ему хотелось что-то сказать, и вид у него был беспокойный.

Со словами «тьфу ты, чёрт подери» Сулейман нервно подскочил с места:

– Наверняка этот демон пристанет к девушке. Это уже не лезет ни в какие ворота! Почему этой бедняжке вечно встречаются мерзкие люди?

Он взял телефон и набрал номер Эльгюна, не обращая внимания на время. Было около 6 часов утра. Через минуту, когда послышалось сонное «Алло» Эльгюна, он пригрозил:

– Ты должен изменить название произведения! Кто тебе дал право на такой выбор? Не Улькяр проститутка, а мужчины и общество, которые довели её до этого. Понимаешь? Мало просто взять и записать произошедшее на листе бумаги. Где твой писательский взгляд на событие, где вмешательство? С какой стати ты пускаешь всё на самотёк? На каком основании?!!

Тут же закончив разговор, он взял лист, чтобы дочитать и уйти на работу.

...Затем Игбал попросил ещё стакан чая и медленно выпил его.

– Вы ладите с моей мамой?

Улькяр не поняла сути вопроса. В целом, то, что Игбал не ушел, было подозрительно.

– Да, ладим.

– Да, она всегда лестно о вас отзывается.

– Спасибо ей.

– Она просит меня увеличить твоё жалованье, и я планирую обязательно сделать это в ближайшее время.

– Большое спасибо.

Улькяр хотела выйти из комнаты:

– С вашего позволения, мне надо заняться уборкой.

Игбал встал:

– Пойдите, подождите минутку.

Улькяр застыла на месте. Игбал подошел ближе, Улькяр всё еще не могла предположить, что произойдет – думала, что Игбал, вероятно, хотел её уволить, но не знал, как об этом сказать.

Внезапно Игбал накинулся на неё и прижался мясистыми губами к её лицу. Улькяр не устояла на ногах, и они оба свалились на пол. Игбал залез на неё, просунул руку меж её ног, стонал, хрипел и скулил: «Мой ангел, моя любовь», а Улькяр, преодолев первичный шок от осознания произошедшего, пыталась его оттолкнуть.

– Я подниму твою зарплату до тысячи манатов. Мне хватит, если ты раз в неделю будешь моей.

– Отпустите! Как вам не стыдно! Что это за зверство!

– Родная! Душа моя! Уф...

– Я закричу, ваша мать проснется.

– Жизнь моя! Любовь моя! Единственная...

Улькяр закричала, Игбал резко отпрыгнул в сторону.

Улькяр высвободилась от него и со слезами на глазах затолкнула под одежду вывалившуюся из разорванного ворота платья грудь, натянула нижнее белье, продолжая с криком повторять: «Как вам не стыдно!»

Игбал был в оцепенении. Он не мог подумать, что Улькяр не отдастся.

Улькяр, рыдая, начала собирать свои вещи. Игбал только промолвил:

– Но Намиг говорил, что вы... вы..., – и ему было стыдно закончить фразу, но он все же сделал это. – Намиг говорил, что вы... проститутка.

Откуда он знал Намига, вероятно, через Гюльюн или через кого-то ещё, откуда ему было известно, что Улькяр работает в его доме – выяснять всё это не имело теперь никакого значения.

История с Бильгя была закончена. Казавшаяся поначалу светлой, эта история закончилась довольно мрачно.

Её тело было в отёках и царапинах, одежда изорвана и даже губы прокусаны. Волоча свой алый чемодан на фоне мольбы и извинений Игбала, она вышла за дверь, а затем и за ворота того дома.

Игбал корил себя за неверные суждения, презирал свой поступок, запятнавший имя интеллигента, и проклинал Намига за то, что тот оклеветал честную женщину.

Для Улькяр все последние в мире мосты рухнули. Её сердце болело сильнее, чем тело. Она тянула за собой чемодан, и казалось, что дома, заборы, деревья и машины надвигались прямо на неё. Затем и небо с морем начали валиться на неё. Она стонала и охала, но сил хватало лишь на слёзы.

Словно с тяжелым грузом на плечах, Сулейман вышел из дома и отправился на работу. Роман тревожил его, душил, причинял боль, давил и топтал его чувства и мысли.

ГЛАВА 36 ВЫБОР

Увидев, в каком состоянии Улькяр вернулась домой, мать схватилась за сердце. Было ясно, что с её дочерью случилась очередная беда. Как мать ни настаивала, Улькяр не стала рассказывать о произошедшем. Она только сообщила, что ушла с работы.

Несколько дней она не выходила на улицу. Ей нужно было сделать выбор. Стоит ли ей продолжать жизнь с того места, где остановилась, или надо плюнуть на всё и выбрать другой путь.

И тогда вся её жизнь пронеслась перед глазами, словно кинолента. Она оплакивала свою несчастную долю. Её дочка подходила к ней, гладила ее по головке своими ручонками, вытирала слезы с глаз. Если бы не Айлин, она бы свела счеты с этой грязной жизнью, выбрала бы легкий способ покончить жизнь самоубийством и покинуть этот мир. Но это маленькое существо словно держало её и спрашивало: «А что станет со мной?» Как могла Айлин устоять в этом омерзительном мире? Случилось бы с ней всё то, что случилось с её матерью? Кто мог дать гарантии? Это были очень тяжелые и напряженные дни, жизнь была полна неопределенности.

Через неделю пришло время очередного осмотра матери у врача. Оставив на хлеб пять манатов, ей пришлось отдать все остальные деньги.

Ей было тяжело как финансово, так и духовно, но, кроме как плакать, она ничего не могла поделать. Когда слезы иссохли, она подумала о том, чтобы послушать музыку, посмотреть фильмы, почитать книги. Это несколько утешило её. Наступало утро, а за ним вечер – так и проходили дни.

Книг дома не имелось, она нашла и прочитала на телефоне любовный роман в pdf-версии. Роман Анара «Шестой этаж пятиэтажного дома». Много лет назад она видела фильм «Тахмина» по сценарию этого романа, и он ей очень понравился. Но роман оказался гораздо лучше. Она увидела себя в Тахмине. Хоть эта история и сорока-пятидесятилетней давности, но и там мужчины с жадной смотрят на женщин, пускают слюнки и сплетни о них. Уродливый старик Дадаш утверждает, что спал с Тахминой. Манаф, Спартак строят из себя переспавших с Тахминой. Единственная задача мужчин: охотиться на женщин, а когда они не достигают цели, то очерняют их, не признавая своего поражения.

Значит, за столько лет ничего не изменилось – всё то же разбитое корыто.

В последующие дни вдобавок ко всем заботам прибавились ещё и такие проблемы, как оплата счетов за коммунальные услуги и перевод денег за лицей Айлин. Ей надо занять в долг. Но у кого? У неё не было таких знакомых. Может быть, у Гюльгон? Никогда! Возможно, у Бану? Ни в коем случае! Может быть, у Назанде ханым? Она тоже на лечении, вся её пенсия уходит на уколы и лекарства.

Может, позвонить сестре? Она набрала номер сестры. Сестра заблокировала ее номер – бедняжку заставил муж сделать это.

Что же делать? Умирать нельзя – надо жить ради дочери. Она могла попроситься со своей жизнью двумя способами: самоубийством или же пустившись во все тяжкие. Ей необходимо принести себя в жертву ради дочери, выбрав второй путь. У неё была визитка Назы с номером телефона. Выбор пойти к ней и зарабатывать деньги, занимаясь проституцией, стал актуален. Проституткой её и так называли, так пускай это будет по делу.

Ей стало легче после принятия решения. Она выбрала свой путь. На следующий день она поедет к Назе и попросит у неё «работу».

ГЛАВА 37 **БУНТ**

То, как легко Улькяр сдалась перед ударами судьбы, поначалу взбесило Сулеймана. Он долго обсуждал Эльгюна за его спиной. Эльгюну следовало разъяснить ошибочность этого выбора. Лучше согласиться на предложение физика, чем на проституцию. Физик мог быть довольно противен Улькяр. Его страшная, заразная болезнь, его опасная шизофрения и т. д. могли отпугнуть Улькяр. Даже дурной запах изо рта мог быть причиной.

Почему автор не обосновывает, что выбор спать с тысячами мужчин вместо одного – безумие?

На работе Сулейману пришлось объяснять девушкам свою перемену. Девушки умоляли, чтобы им тоже дали прочесть роман. Забрав у Сулеймана листы, с которыми он успел ознакомиться, они пообещали прочитать их, не мешая рабочему процессу, и откланялись.

Недавние упреки и обвинения в адрес Эльгюна вдруг опровергли себя.

Сулейман понял, что эта последняя попытка изнасилования физиком лишила Улькяр всей веры в человечность, милосердие и гуманизм, разрушила все мосты. И на ту мерзость ей пришлось ответить иной мерзостью. Такое психическое состояние мог понять только тот, кто пережил это.

Если Бог и люди наказывают человека, доставляют ему боль и страдания до самого конца, то в итоге человек становится настолько слабым и жалким, что сам уже не ищет добра, а цепляется за всё плохое.

Это настолько просто.

ГЛАВА 38 ПОЗОР

Наза радостно поприветствовала её и заявила:

– Бедняжка, давно надо было тебе прийти ко мне вместо того, чтобы искать мужа и тратить свою жизнь на приказы козла, который тебе травил бы жизнь. Уж лучше пусть сотни козлов сохнут по тебе по твоему велению.

– Когда я могу приступить к работе, завтра?

Наза не думала отпускать её ни на день и ни на час:

– Сейчас же я отправлю тебя в «Ветерок».

Затем осмотрев Улькяр, буркнула:

– Что за вид у тебя! Одета, как старуха! Не говоря уже о лице и волосах. Фу!

Откуда-то мгновенно появились парикмахер и косметолог. Улькяр привели в порядок, сделали причёску, макияж. Наза позвонила знакомому торговцу, и Улькяр обновили нижнюю и верхнюю одежду.

– Надень эти трусики, их называют мерседесами, клиенты с ума сходят по девушкам, которые их носят – выглядит очень сексуально. Возьми черный бюстгальтер – черный подчеркивает грудь. Надень кожаные рейтузы с топиком. И эти туфли на высоком каблуке – походи в них. Если захочешь, можем потом насиликоним тебе губы. Грудь у тебя большая, но при необходимости добавим еще немного силикона.

Отправляя Улькяр в кафе «Ветерок», Наза дала ей полные инструкции:

– Слушай. Делай всё, что хочет клиент. Он при деньгах. Старайся делать даже то, что не умеешь. Твоя неопытность придётся ему по душе – клиентам нравятся зеленые девушки, они считают, что не повидавшие много лиц не слишком грязные.

А что, если кто-то увидит? Что, если мать, брат или сестра узнают, чем она занимается? Или вдруг кто-то сообщит Айлин, что её мать – проститутка?

Она на миг оцепенела, все возможные «вдруг» не давали ей покоя, но сказать «стой!» такси уже не было сил. Поезд уже тронулся, и остановить его было нельзя.

Таксист, обслуживающий Назу, отвел Улькяр в кабинет, где сидели двое мужчин средних лет, находящихся в приподнятом настроении после выпитого алкоголя. Увидев Улькяр, они тут же принялись тискать её. Улькяр прикусила губу и тихо стояла, не зная, что делать.

Затем мужчины раздели её и так же оживленно сняли с себя одежду. Улькяр хватило сил только запротестовать:

– Куда вы рветесь вдвоём? Я буду только с одним из вас.

Один из мужчин позвонил, поднес телефон к уху Улькяр. Это была Наза, она сказала: «Тебе заплатят триста манатов – делай, как они хотят».

Через два часа Улькяр вышла оттуда, отнесла Назе триста манатов, а та вернула одну стоманатную купюру и добавила от себя ещё пятьдесят манатов со словами: «С почином! За час ты заработала полумесячную зарплату».

Улькяр вышла из квартиры Назы с деньгами, которые обжигали ей ладонь, но она была настолько себе противна, что не могла в таком состоянии пойти домой к дочери. Она вернулась к Назе и мылась не меньше часа, растирая кожу почти до крови банной перчаткой.

Выйдя из ванной, Улькяр поняла, что она всё еще не отмылась, и поэтому не может пойти домой. Она попросилась переночевать у Назы, опасаясь, что если дочь прикаснется к ней, то и она станет нечистой.

Наза посмеялась над её словами и заявила:

– Ты ещё новенькая! Скоро привыкнешь и сама будешь просить клиентов для утех.

Улькяр тихо бросила: «Не дай Бог!», позвонила дочери и сообщила, что устроилась на работу:

– Я буду на работе в ночную смену, домой не приду. Не жди меня, иди спать. Так началась новая жизнь.

ГЛАВА 39 УЖАСАЮЩАЯ КНИГА

Порой она обслуживала шесть или семь клиентов за день. Деньги копились, и, помимо покрытия расходов на дом, ей хватало на покупку для себя золота и серебра. Она считала себя самым несчастным человеком на свете, жила в постоянном испуге и страхе. Что бы подумали её сестра, которая постоянно ругалась с мужем, защищая её, брат, шаставший по углам со словами: «Я сын душегубца Галандарова», мать с больным по её вине сердцем, если всплыла бы правда? А как насчет Назанде ханым, которая, несмотря на все обиды, до сих пор обращалась с ней как с собственным ребенком и верила ей? Жить в постоянном страхе очень сложно.

Каждый телефонный звонок вселял в нее ужас, она не могла найти себе места.

На своих Facebook и Instagram страницах Наза время от времени публиковала фотографии девушек, которые находились у нее в распоряжении, с подписью «Самые красивые девушки в Баку у меня», и, конечно же, Улькяр тоже была на этих фотографиях, как бы она ни возражала. Впрочем, это нисколько не останавливало Назу:

– Думаешь, только у тебя есть родня? У меня есть девочка, из хорошей семьи, ее считают самой воспитанной девушкой дома и в университете, она даже помолвлена, в скором времени зашьем ей пlevу и выдадим замуж. У другой отец работает в органах. Еще одна замужем, но тайно подрабатывает у нас. Они мне не запрещают выкладывать их фотографии, ты-то чего суетишься? Бедняжка, у тебя ни мужа, ни отца, брат отвернулся от тебя – кого и чего ты боишься? Да и пусть говорят, что хотят. Если что, скажи, что это не ты. Там же нет имён и фамилий, у них нет доказательств. Люди похожи друг на друга.

Единственным стимулом для Улькяр было то, что деньги, которые она зарабатывала этим делом и считала грязными, шли на то, чтобы расплатиться с ломбардом, куда она заложила свои драгоценности, чтобы помочь семье. Другими словами, она утешала себя тем, что не несла грязные деньги домой и не тратила их на мать и ребенка.

Однажды Назанде ханым пригласила Улькяр к себе домой, на поминки своего мужа Арастуна. Перед поминальным обедом они сходили на могилу. Там на Улькяр пялился какой-то мужчина, и Улькяр чувствовала, что случится что-то неприятное. Так и произошло. Человек подошел к Улькяр и сказал:

– Милая, в прошлый раз ты не оставила свой номер. Я б хотел снимать тебя, без мамы Розы, дай мне свой номер.

– О чем вы говорите? Вы меня с кем-то путаете! – бросила Улькяр и отдалилась оттуда. На вопрос обеспокоенной Назанде ханым: «А что это муж нашей Зибы от тебя хотел?», она сказала, что тот обознался. Её сердце колотилось, и в таком состоянии она провела этот день. Как долго ей удастся скрывать всё это?

Странная психология у проституток. У каждой всегда есть оправдание: «Что мне делать, как на хлеб заработать?», «Мне стыдно за свой внешний вид, разве я не должна жить, как нормальный человек?» У каждой из девушек своя правда, всё это они делали ради себя, хоть и чувствовали, что идут неверным путем, который несет позор, тем не менее, для них это был единственный путь к спасению, способный обеспечить их пропитание и безбедную жизнь.

Среди проституток находились и такие, которые совершенно не стеснялись и даже гордились выбранной профессией. Им было всё нипочем. Некоторые из них искали парней в социальных сетях, объявляя свою цену за час и за сутки. Они ходили с поднятой головой, ничего не боялись и жили комфортно.

Положение Улькяр было несколько иным. Она всё делала ради дочери, а не ради себя. Она смирилась с тем, что не сможет создать семью, не найдет опоры; её надежды на то, чтобы найти нормальную работу, которая оплатит образование дочери, тоже не оправдались. Она прибегла к этому пути после всех испытаний судьбы. Она жила в постоянном душевном потрясении и страхе, но другого выбора не видела.

Ноша слова «проститутка» была очень тяжела, она никак не могла смириться с этим. Разговоры о проститутках на рынках, упоминания в фильмах вызывали у неё отвращение. Даже когда ей в глаза бросались надписи, начинающиеся на букву «П», она невольно вздрагивала.

Однажды ей захотелось посетить Центральную библиотеку имени Ахундова. Библиотека находилась рядом с Педагогическим университетом, где она училась и куда часто ходила с подружками. Каждый раз она оглядывалась по сторонам, опасаясь, что может случайно встретить Руфата. Измученная всей грязью своей работы, она тосковала по тем беспечным дням. Предъявив удостоверение библиотекарше, она бросила первый пришедший в голову предлог:

– Госпожа, я феминистка, пишу научную работу о бесправии женщин, о девушках легкого поведения, так называемых профессиональных... – хотела сказать «проститутках», но не смогла выговорить слово. – Хочу узнать о безнравственных женщинах, какую книгу посоветуете прочесть?

Женщина нашла книгу в коричневом переплете со странным названием (хотя название книги и автор не имели для Улькяр значения) и протянула ей.

Улькяр подошла к одному из свободных столиков, открыла книгу на середине и принялась читать:

«Что такое жизнь? Сложный вопрос. Каждый живет своей правдой. Много лет Сабрина Валис занималась уличной проституцией в Новой Зеландии, и почти все это время она активно поддерживала кампанию за декриминализацию секс-индустрии. Однако когда индустрия действительно стала легальной, ее взгляды изменились, и теперь она выступает за криминализацию мужчин, использующих проституированных женщин. Вот ее история.

Когда Сабрине Валис было 12 лет, ее отец совершил самоубийство. Это полностью изменило ее жизнь. В течение следующих двух лет ее мать снова вышла замуж, и семья переехала из Австралии в Веллингтон, Новая Зеландия. Жизнь девочки там была невыносимой.

«Я была очень несчастна, – рассказывает Валис. – Мой отчим вел себя агрессивно и бил меня, мне не с кем было поговорить».

Она мечтала о карьере профессиональной танцовщицы, даже организовала клуб балета в своей школе. Клуб стал настолько популярным, что известная танцевальная труппа, *Limbs*, приходила в школу, чтобы давать детям уроки. Однако лишь несколько месяцев спустя Сабрина оказалась на улице, где она продавала секс ради выживания.

Когда она возвращалась домой из школы через местный парк, мужчина подошел к ней и предложил 100 долларов за секс. «На мне была школьная форма, он не мог ошибиться насчет моего возраста», — говорит она.

Валис использовала эти деньги, чтобы сбежать из дома в город Окленд. Однажды полицейские задержали ее, обыскали и угрожали. Все ее «преступление» состояло в том, что она стояла на улице, прислонившись к стене. «Я хотела позвонить кое-кому и попросить о помощи из телефона-автомата около хостела, но линия была занята, так что я решила подождать», — рассказывает она.

Полицейские остановились и спросили, что она делает. Она ответила: «Жду, чтобы позвонить». Полицейские заявили, что в телефонной будке никого нет, так что и ждать ей нечего. Они считали себя «очень умными», объясняет Валис, но они не понимали, что телефон, на который ей нужно было позвонить, занят. Они обыскали ее, рассчитывая найти презервативы, поскольку приняли ее за проститутку. Ее хостел находился рядом с Карангахап-роуд, известным районом проституции.

«По иронии судьбы именно они подали мне идею, где достать денег. Полиция напугала меня, но я понимала, что если не достану наличные, то окажусь на улице. Я подумала, что если для обыска и угроз было достаточно облокотиться на стену, то какая разница, занимаюсь я этим на самом деле или нет».

Валис пришла на Карангахап-роуд и попросила совета у стоявшей там женщины. Та назвала ей два переулочка, где Валис смогла бы «работать». «Она дала мне презерватив, сказала, сколько просить денег, и посоветовала мне заставлять мужчин уговаривать меня на то, что я согласна делать, чтобы мне не пришлось сопротивляться тому, к чему я не готова. Она была очень добра. Самоанка, не сильно старше меня, но она явно была там уже слишком долго».

В 1989 году, после двух лет «работы» на улицах, Валис посетила такую организацию как «Новозеландский коллектив проститутток».

«Я хотела получить у них какую-нибудь социальную помощь, может быть, даже выйти из проституции, но они предложили мне только презервативы и больше ничего», — говорит она.

Также ее пригласили на еженедельные «пятницы с вином и сыром» в организации.

«Они говорили про то, что самое плохое — это предрассудки против «секс-работников», потому что на самом деле проституция — это такая же работа, как и любая другая», — вспоминает Валис. Каким-то образом такие рассуждения делали то, чем она занималась, не таким невыносимым. Она стала волонтеркой организации и с энтузиазмом поддерживала ее кампанию за полную декриминализацию всех аспектов секс-индустрии (включая сутенеров).

«Мне казалась, что наступает какая-то революция. Я была в восторге от одной мысли, что после декриминализации женщинам станет легче жить», — говорит она.

Декриминализация стала реальностью 2003 году, в тот год Валис посетила праздничную вечеринку по этому поводу, которую устроил «Коллектив проститутток».

Однако вскоре ей пришлось попрощаться с иллюзиями. Акт о реформе проституции превратил бордели в законные компании — утверждалось, что такая модель сделает секс-индустрию наиболее безопасной для женщин.

Сейчас идея полной декриминализации активно продвигается в ряде стран, но по словам Валис в Новой Зеландии это привело к катастрофе. Единственные, кому оказалась выгодна декриминализация — это сутенеры и мужчины, платящие за секс.

«Я думала, что так у женщин появится больше контроля и прав, – рассказывает Валис. – Но очень скоро я поняла, что все совсем наоборот».

Одной из новых проблем стала практика «все включено» в борделях. Такой вариант оплаты означал, мужчина платит определенную сумму денег, после чего он может делать с женщиной все, что хочет.

«В первую очередь, нам обещали, что модели «все включено» не будет, – говорит Валис. – Потому что это значит, что женщина больше не устанавливает цену и не решает, на что она соглашается, а от чего отказывается. Возможность отказываться от определенных «услуг» была одним из главных пунктов в описаниях предлагаемой выгоды от декриминализации».

В возрасте 40 лет Валис устроилась в бордель в Веллингтоне, и то, что она в нем увидела, повергло ее в шок.

«Во время моей первой смены я увидела девушку, которая вернулась с выездной работы в эскорте. У нее была паническая атака, ее всю трясло, она рыдала и не могла говорить. Администраторша начала орать, чтобы она шла работать дальше. Я просто схватила свои вещи и ушла оттуда», – рассказывает Валис.

Вскоре она обратилась в «Коллектив проституток» в Веллингтоне, чтобы рассказать об этой сцене. «Что делать с такими ситуациями? Мы готовим какие-то службы, чтобы помочь уйти из таких борделей?» – спрашивала она в организации.

Ее вопросы «полностью игнорировались». В конце концов, она вышла из организации. Эта организация была для нее единственным источником поддержки на протяжении всех этих лет, по крайней мере, она могла прийти туда, не опасаясь, что ее будут осуждать за опыт в секс-индустрии. Однако именно во время волонтерской работы в ней она начала свой путь к тому, чтобы стать «аболиционистской».

«Одной из моих обязанностей в «Новозеландском коллективе проституток» был сбор вырезок из газет и журналов. Однажды я прочитала рассказ какой-то женщины о том, что она часто плакала и сама не могла объяснить почему. Только после того, как она ушла из секс-индустрии, она поняла, что именно в ней чувствовала. Все эти годы я думала: «Не понимаю, что происходит, почему я так ужасно себя чувствую?» И в тот момент я вдруг поняла: «Боже, это же как будто про меня написано». После этого для Валис уже не было дороги назад.

Она ушла из проституции в начале 2011 года и переехала в Австралию, где попыталась найти новый жизненный путь, но она лишь чувствовала растерянность и депрессию.

Однажды ее соседка попыталась рекрутировать ее в проституцию через веб-камеру, но она вежливо отказалась. «Я испугалась, что у меня на лбу написано «шлюха». Как она догадалась, что меня можно об этом попросить? Теперь-то я понимаю, что для этого достаточно просто быть женщиной». После этого соседка выкрикивала оскорбления каждый раз, когда видела Валис.

Она начала общаться с другими женщинами по Интернету, с феминистками, которые выступали против декриминализации и называли себя аболиционистками. Модель аболиционизма («Скандинавская модель») означает криминализацию сутенеров и покупателей секса и одновременную декриминализацию проституированных. Валис создала группу «Австралийские радикальные феминистки». Вскоре ее пригласили на конференцию в Университете Мельбурна. Это было первое аболиционистское мероприятие в Австралии, где бордели были легализованы в некоторых штатах. В самом Мельбурне легальные бордели существуют с середины 1980-х годов, и хотя все еще многие поддерживают эту систему, движение против легальной проституции набирает силу.

Валис говорит, что только в тот период, когда она стала феминистской активисткой против секс-индустрии, она смогла освободиться от прошлого и «начать мою новую жизнь».

«Сначала я ушла от проституции на эмоциональном уровне, потом на физическом и, наконец, на интеллектуальном», – говорит она.

После конференции Валис обратилась за медицинской помощью, и у нее диагностировали посттравматическое стрессовое расстройство. «Это был результат времени, которое я провела в проституции, это сильно на мне отразилось, но я умела хорошо маскировать эти последствия. После этого нужно много времени, чтобы собрать себя по кусочкам», — говорит она.

Для Валис лучшей психотерапией оказалась работа с женщинами, которые понимают, каково быть в секс-индустрии, и которые тоже стараются рассказать о вреде проституции.

Она также старается добиться, чтобы женщины, которые были лишены голоса своими насильниками, снова обрели его.

«Моя цель не в том, чтобы привлечь людей в эту отрасль или попытаться оттолкнуть их от нее», – говорит она. – «Но я хочу изменить ситуацию и, чтобы помочь другим женщинам, мне нужно быть максимально услышанной».

Улькяр заметила в окне наступление темноты и только сейчас поняла, что дочитала книгу почти за пять часов. Она встала, вернула библиотечарше книгу с названием «Продвижение проституции: развеяние мифа о секс-работе» и ушла. Путь, который она выбрала, и без того пугал её, а после прочтения этой книги она впала в ужас.

ГЛАВА 40 ВРЕМЯ СУЖАЕТСЯ

В 8:40 Улькяр вновь стояла перед зеркалом.

До Его приезда оставалось всего несколько часов, и от волнения у неё зудели конечности, трещал мозг, колотилось сердце и сбивалось дыхание.

Она также почувствовала боль в животе.

Она выдвинула все ящики на кухне и в гостиной, чтобы найти лекарства. Ей казалось, что если она не найдет и не выпьет что-нибудь обезболивающее, то спазмы в животе не прекратятся.

Но в квартире не было лекарств. Даже если были, Улькяр не смогла их найти.

Что ей делать? Времени не оставалось. Она взяла телефон, открыла WhatsApp и решила написать. Тянуть не было смысла. Она должна срочно написать Ему «нет», покинуть квартиру и вернуться в проституцию. Дом, семья... Видимо, ей это не суждено.

Трясущимися руками, захлебываясь в слезах, она написала:

«Дорогой мой! Я говорю «нет» твоему предложению руки и сердца. То, что я сейчас напишу, шокирует тебя. Я раскрою тебе истину, о которой ты даже не мог подумать. Я называю тебя «дорогой» и буду так называть, но я ни разу не упомянула твое имя с момента нашей встречи в Дубае. Не знаю, заметил ли ты. А знаешь, почему я боюсь так произнести твое имя? Потому что я испачкана, грязна. Ты чист, прозрачен, как вода. Я не могу и тебя замарать, поэтому мне нужно держаться от тебя подальше.

Я родилась в самой строгой и требовательной семье на свете, жила под запретами и знаешь, кем в итоге стала? Тебе б и не приснилось. Я не могу быть твоей женой, матерью твоих детей, потому что я проститутка. Да, проститутка...»

Тут она перестала писать. Слёзы душили её.

«Я проститутка», – написала она снова вскоре после этого.

«Я проститутка», – снова напечатала она.

«Я проститутка», – написала в очередной раз.

Она была не в себе и даже не осознавала, что делала и что писала. Не понимала, что раз за разом печатает одни и те же слова, которые выстроились в сообщении:

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

Затем она начала выстраивать восклицательные знаки:

!!!!!!!!!!!!!!!

!!!!!!!!!!!!!!!

!!!!!!!!!!!!!!!

!!!!!!!!!!!!!!!

!!!!!!!!!!!!!!!

Рыдания сменялись унынием и слабостью, в глазах потемнело, и она обессиленно прислонилась к стене.

Потом телефон выпал из её рук.

ГЛАВА 41 СВОЯ ЗАМЕТКА

В своей сознательной жизни Сулейман был уверен в одном: какого бы уровня ты ни считал себя достойным, общество будет видеть тебя на две-три ступеньки ниже. Другими словами, нужно ценить себя и стремиться к большему. Если ты будешь себя ценить, чего тогда ждать от других? Он так усердно перечеркивал карандашом эту часть романа, что порвал страницу.

«Я проститутка», – написала она снова вскоре после этого.

«Я проститутка», – снова напечатала она.

«Я проститутка», – написала в очередной раз.

Она была не в себе и даже не осознавала, что делала и что писала. Не понимала, что раз за разом печатает одни и те же слова, которые выстроились в сообщении:

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

«Я проститутка».

Затем она начала выстраивать восклицательные знаки:

!!!!!!!!!!!!!!!

Он позвонил Эльгюну и потребовал немедленно приехать к нему. Уже через двадцать минут Эльгюн был на месте. Девушки так восторженно встретили его и забросали вопросами о романе, что у него задрожал голос. Он подумал, что вопрос получения денег от его земляка Сулейман-муаллима для публикации романа уже решен. Если Сулейман-муаллим позволил прочитать роман своим сотрудникам, значит, он ему понравился, абсолютно точно.

Открытый этими мыслями, он вошел в комнату Сулеймана, но тот всё ещё держал в руках роман, так как ещё не дочитал его. Увидев Эльгюна, Сулейман принялся нервно отчитывать его:

– Роман не может быть напечатан с таким названием! – уверенно заявил он.

Эльгюн Баят был убежден, что его состоятельный земляк уже принял решение, и поспешно согласился с его мнением:

– Пусть будет так, как вы считаете, Сулейман-муаллим. Скажете поменять название – поменяю. Лишь бы издали книгу! Пусть послужит примером девушкам, пережившим судьбу тысяч Улькяр. Пусть будет стыдно мужчинам, породившим таких девушек. Каждая проститутка – это работа пяти-шести подлых мужчин.

Затем Эльгюн робко спросил, сколько средств ему выделяют. Сказал, что книги нынче продаются довольно небольшим тиражом, тысяча экземпляров будет стоить где-то около трех тысяч манатов.

Сулейман огорчил его, сказав, что еще не принял решения, и выпроводил ни с чем:

– Послушай меня! Старайся писать комедии, а не трагедии. Люди в эти дни хотят смеяться, потому что привыкли к слезам.

Он остановился на самом волнительном месте романа. Улькяр торговала телом. Покрытая грязью, она назвала себя «проституткой». Но Сулейман по-прежнему был твердо убежден в том, что Улькяр не проститутка.

Он продолжил чтение. Вскоре он узнает о событиях, о которых даже не мог подумать.

ГЛАВА 42 СТАРШАЯ

После прочтения книги «Продвижение проституции: развеяние мифа о секс-работе» жизнь Улькяр превратилась в ад. Среди мужчин, которых она меняла, как перчатки, попадались и знакомые, и даже однажды произошёл невероятный случай. Мужчина гораздо старше, лет шестидесяти, завел после интимной близости диалог с Улькяр:

– Девочка моя, ты мне вроде знакома. Как будто ты из нашего района. Откуда ты?

– Я отсюда, мужик. Местная. Какой ещё район?!

– Был в нашем районе один начальник милиции, тот ещё сукин сын, Галандаров. Ты напомнила мне его дочерей. У него их было две: одну звали Улькяр, другую – Лейли. Мы были соседями. Жили, как в одном доме.

Оказывается, этот до боли знакомый мужчина был их сосед Абдул, отец Тюркан и Салима. Он привез на рынок айву. Выручив хорошие деньги за товар, он решил тряхнуть стариной.

Словно ток прошел по телу Улькяр, она поднялась, спешно оделась, вышла из кабинки кафе, немного отошла и зарыдала. Значит, любой из её случайных клиентов мог её опознать. Этот человек принял её за кого-то, но не смог определить точно. Возможно, очередной мужчина мог узнать её.

Со слезами на глазах она молила Бога, чтобы Господь сохранил в тайне то, что она встала на этом пути.

Естественно, случайным клиентом мог стать её брат Хаял. Он был бабником и пользовался услугами проституток. Он мог вызвать к себе проститутку, и Наза случайно отправила бы Улькяр по тому адресу. Какой бы поднялся шум! Рашид-муаллим или Расим также могли стать случайными клиентами. А хуже всего, если бы им оказался тот учёный в очках, Игбал. Вот была бы история...

Омерзительный 2016-й год – год её тридцатилетнего юбилея – мучительно продолжался и подходил к концу. В этом году она потеряла Турала, получила тяжёлый удар судьбы. Затем Игбал забрал у неё последнюю надежду на счастливую жизнь. И за этим она выбрала проституцию. Удар за ударом.

Ульяр была бойкой в отличие от большинства девушек, работавших у Назы, на которых она могла накричать и прижать при необходимости к стенке. Девушки боялись Назы и никогда ей не перечили. Порой Ульяр психовала на ровном месте и при этом могла ударить какую-нибудь девушку или оттащить ее за волосы. Тягостные годы надломил ей нервы, и временами она теряла самообладание.

Наза часто бывала за границей, в частности, организовывала секс-туры в Дубай, возила туда избранных девушек, неделями отсутствовала в Баку. Так, она теряла контроль над девушками, не могла следить за доходами, теряла счёт деньгам. Видя вес Ульяр среди девушек, Наза назначила её старшей. Теперь Ульяр редко встречалась с клиентами лично, больше занимаясь сведением девушек с клиентами и дележом денег. Ей стало намного легче.

Однажды ей приснился кошмар. Она видела их дом в деревне, где за столом сидели её мать и трое детей и что-то ели. Потом пришел отец. Он сел, и мать подала ему то же, что они ели. В это время послышался рев, деревянная дверь сорвалась с петель. Это были жители деревни с лопатами, вилами и топорами в руках. Они напали на её семью. Сначала разорвали её сестру, затем брата, затем мать и отца. Наконец, они добрались и до Ульяр. Она тряслась, кричала и просила о помощи. Но никто ей не помог. Сперва ей отрезали все пальцы, потом ноги и руки, а затем обезглавили. Кровь била фонтаном...

Проснувшись вся в поту, она осознала, что ей предстоит тревожный день.

Наза была в Дубае. Всю работу поручила Ульяр. Наза оставила ей свой телефон, который она называла «рабочим», и Ульяр принимала заказы. Обычно заказы начинались во второй половине дня, и к вечеру наступал их пик.

И вновь первый звонок раздался в полдень. Она отправила в поселок Воровского двух дорогих красоток. Потом отослала женщину подешевле в «Ветерок» водителю «Совтрансавто». Отправив трех девушек к трем друзьям, развлекавшимся в мотеле на трассе Баку-Сумгайыт, она увидела по телевизору сюжет о рейде в одном из районов, где полиция выявила притон, и ей стало плохо. Полицейские выстроили в ряд полубогаженных девушек и мужчин, которые прятали лица от камеры. «Упаси Господи», – подумала она и встревожилась, что однажды её может настичь такая же участь. Она вновь вспомнила свой ночной кошмар и выключила телефон, чтобы ничем сегодня не заниматься, – у неё было дурное предчувствие.

Вскоре Наза позвонила на личный номер Ульяр и отругала её:

– Какого черта ты выключила телефон и парализовала всю работу?

Наза пригрозила оштрафовать её и оттащить за волосы. Оправдание «сел аккумулятор», естественно, не сработало. Подруга Назы обязалась отправить девушку на дачу к какому-то чиновнику, позвонила по «деловому номеру» и, обнаружив, что телефон выключен, тут же позвонила Назе...

После того, как уладили заказ чиновника, поступил другой заказ отправить шесть девушек в «Ветерок». Это было около 9 часов вечера. При таких групповых заказах старшая сама обязательно выезжает на место мероприятия вместе с девушками, получает деньги, а после выполнения работы выдаёт девушкам их долю и отправляет домой.

Девушки отправились в кафе на двух такси. Хозяин кафе часто встречался с Ульяр, однажды даже оказался её клиентом. Мужчина, которого звали Гоша, заявил, что получил от одиннадцатиклассников шестьсот манатов за шесть девочек, но сотню из этих денег он оставит себе. Ульяр это всё казалось отвратительным: школьники распивают спиртное в кафе, а потом входят в половую связь, как такое вообще возможно? Она посмотрела на мальчиков. Нежные зеленые парнишки. Как общество докатилось до того, что у этих малюток водились такие деньги, что они распивали водку, а некоторые из них даже вступали в интимные отношения с женщинами, годящимися им в матери?

Когда она возразила, Гоша засмеялся и сказал: «Глупая, возраст тут не при чем. Когда у мужчины встаёт, его нужно ублажить».

Девушек разделили по кабинкам, Улькяр ждала в зале. Время еле шло. Полученные у Гоши пятьсот манатов она разменяла у буфетчицы, чтобы отдать каждой девушке по пятьдесят манатов, а оставшиеся двести положить в кассу.

«Только бы закончить этот день без происшествий», – думала она.

В этот миг поднялся шум, всё вокруг перевернулось.

Это были полицейские. Они заперли двери и выстроили всех вдоль стен.

Дальше всё произошло в мгновение ока. Гошу и Улькяр вместе с полуголыми девушками, молодыми школьниками, сотрудниками кафе и еще несколькими посетителями загнали в автобус.

Улькяр, пытаясь выпутаться, со слезами обратилась к полиции:

– Мужчина, за что вы мы меня задерживаете? Я же только поесть пришла. В чем я виновата?

Оказывается, прибывшим полицейским все было известно до мелочей. Они знали, кто есть кто.

– Ты, мама Роза, заткнись. Нам хорошо известно, что ты за птичка. Стерва позорная. Могла бы хоть не пятнать имя отца, начальника полиции.

Улькяр захотелось провалиться сквозь землю.

Самое страшное было то, что в рейде участвовали и снимали на камеру тележурналисты. Скрывать лицо не имело смысла. Они озвучили всё: и имя, и фамилию, и отчество Улькяр. Она понятия не имела, как справится с таким позором. В тот момент ей хотелось покончить с собой, чтобы не знать о последующем. Она молила Бога о чуде, чтобы земля под ногами раскололась и она провалилась сквозь неё.

ГЛАВА 43 ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Суд приговорил её к шести месяцам.

Находясь в следственном изоляторе, она узнала обо всем, что случилось на воле.

Её увидели по телевизору, а те, кто не видел, узнали об этом из YouTube. Она стала печально известна в Баку и в деревне. Ее брат поклялся задушить ее собственными руками, сестру Лейли муж избил и выгнал из дома, состояние Назанде ханым ухудшилось, к ней в дом вызвали «скорую помощь». А самое трагичное случилось с её матерью. Увидев дочь по телевизору, она умерла от сердечного приступа.

По прибытии в камеру её глаза опухли от слез. Хотя в помещении было достаточно светло, но Улькяр оно казалось повергнутым в мрак. Стоял специфический запах – смесь запаха тел заключенных, туалета и пыли – как напоминание о среде, в которую она попала. Да, это было дно жизни, и она своими ногами пришла сюда. В душе она только и делала, что проклинала Назу.

Следящая за порядком в камере крупная мускулистая женщина по кличке Батя, толкнула Улькяр в грудь:

– Слышь, чего рыдаешь? Думаешь нас разжалобить? Стерва! Не ты ли, мама Роза, втянула наших дочерей и сестер на дурной путь? Тварь!

Батя объявила, что дала Улькяр эту кличку и велела всем обращаться с ней плохо. Со всей сторон посыпались брань, оскорбления и даже плевки в адрес Улькяр, заставшей в дверях с простыней, одеялом и полотенцем в руках.

Батя решила дальнейшую судьбу Улькяр:

– Насильников в мужских камерах превращают в петушков. Тебя тут ждет подобная участь. Вся твоя жизнь здесь будет тебе адом, помни!

Улькяр пришлось спать рядом с туалетом, который называли «парашей». До этого заключенные посменно убирали камеру, называемую «кубрик», и туалет, но Батя объявила об изменении законов, и теперь вся уборка в камере была исключительно обязанностью Твари. Было тяжело, очень тяжело. До сих пор ей казалось, что её жизнь – сплошные муки, но теперь, когда она потеряла свободу и попала в тюремную камеру, она поняла, что события жизни на свободе были цветочками.

Ей оставалось только плакать. На каждый жест и движение она отвечала слезами. Желание отстаивать свою правоту было неуместно – слишком много заключенных объединились против неё, – ей одной не справиться.

Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, законы правосудия – она не имела обо всем этом понятия, не знала, законно ли то, что её посадили в одну камеру с такой рецидивисткой, как Батя. Батя сидела за убийство своего мужа. Они поругались, и она зарубила человека, с которым прожила двенадцать лет. Причины никто не знал. Правая рука Бати Ануш также считалась опасной преступницей: на её счету числилось около сотни ограблений домов в Масазыре, Сарае и Новханы. Наркоманка по имени Чапа, не спускавшая с Улькяр глаз, была из самых опасных. Её посадили за продажу и употребление наркотиков. На её лице не было ни одной женственной черты. Она казалась грубым и наводящим ужас мужчиной. С первого дня женщина по имени Зорайда, наехавшая вслед за Батей на Улькяр, заявила, что не даст ей покоя. Оказывается, сестра Зорайды тоже была проституткой, потому она и считала, что такие «мрази», как Улькяр, должны ответить за свои дела.

В первую ночь Улькяр не могла заснуть – храпы, сонное бормотание, дым сигарет и смрад смешались воедино. В какой-то момент к ней в постель пробралась женщина. Это была Чапа. Когда она обняла ее и начала целовать, Улькяр вскочила с кровати.

– Что ты делаешь?! – закричала она

– Не ори, разбудишь всех. Ты моя. Ты должна заняться со мной любовью. Ты должна доставить мне кайф.

– Только этого не хватало, – с ужасом бросила она.

Чапа была возбуждена, она снова полезла к Улькяр, на этот раз умоляла её отжаться, а получив отказ, пригрозила Улькяр смертью, но и это не помогло.

– Убирайся! – закричала Улькяр и оттолкнула её. Чапа, мускулистая, как мужчина, никак не могла справиться с Улькяр.

– Что за шум, дайте поспать! – сказал кто-то, наконец, и прокашлялся.

– Эй, что там происходит? – слышался голос Бати, и все утихло.

– Я не успокоюсь, пока не отымею тебя, – прошептала Чапа и ушла к себе. Улькяр плакала до самого утра.

Угрозы шли со всех сторон, было непонятно, от кого защищаться.

Так проходили дни. Однажды одна из заключенных сказала:

– Она ложилась и под нашего Рашида. Развела его так, что тот купил квартиру в новостройке, открыл для нее салон. Жена и дети узнали, подняли шум, оттащали за волосы эту проститутку. Знали бы вы, что это за грязное существо!

Оказывается, Чапа узнала детали досье Улькяр и через своих приспешников организовала атаку на неё.

Отовсюду прилетали оскорбления и ругань в адрес Улькяр.

Тварь!!!

Мразь!!!

Проститутка!!!

Мама Роза!!!

Потаскуха!!!

Сука!!!

Тряпка!!!

Кто-то спрятал бритву под раковиной в туалете, и Улькяр заметила эту бритву. Она подумала вскрыть себе вены и покончить с собой. Какой смысл дальше жить? В камере лежала одна скомканная тетрадь в клеточку для общего пользования и шариковая ручка. Она решила написать письмо дочери. После смерти матери Назанде ханым взяла на себя заботу о дочери Улькяр. Если б не она, не известно, что стало бы с девочкой. С благодарностью в душе и слезами на глазах Улькяр записала:

«Моё дорогое дитя, единственное, что связывает меня с жизнью. Я дожила до этого момента ради тебя. Если б ты знала, через какие трудности, боли и муки я прошла, чтобы тебя воспитать, сколько оскорблений и клеветы я перенесла, как сильно меня растоптали. Я терпела грязь и прошла через позор, только чтобы ты жила. Но я больше не могу. Прости меня, грешную мать».

Она дописала письмо, вырвала листок из тетради, сложила его вчетверо и спрятала под подушку. Кто-нибудь после её смерти обязательно обнаружил бы это письмо, сжалился и вручил её дочери.

В так называемом туалете не имелось двери, и когда кто-то ходил туда, особенно по-большому, то стояла невыносимая вонь. Улькяр несколько раз брала бритву, чтобы исполнить задуманное, но как только она входила туда, кто-то непременно появлялся у входа и говорил, что ждёт очередь. Таким образом, ей не удалось реализовать план.

Однажды камеру прошмонали офицер и двое солдат с надписью «ВВ» на погонах. Они перевернули всё вверх дном, искали что-то подозрительное, нашли письмо Улькяр и изъяли его. Её доставили к тюремной администрации и в качестве наказания пригрозили продлить срок заключения.

Таким образом, Улькяр снова не удалось покончить жизнь самоубийством.

На ужин в железных тарелках подавали густое блюдо, называемое «баланда», и кусок черного хлеба. Все ели за столом, а Улькяр не подпускали близко: она ела на коленях перед туалетом. От стоявшей вони она с трудом сдерживала рвотные позывы. Арестантки веселились, кому-то принесли «передачу» из дома, которую они поделили. В это время Зорайда подошла к Улькяр, бросила ей в тарелку печенье и сказала, что не может есть, пока та голодна. И затем она плюнула в тарелку Улькяр.

Улькяр почувствовала, что чаша её терпения переполнена. Она швырнула железную миску в лицо Зорайды. Началась драка, подружки Зорайды принялись бить и пинать Улькяр.

Батя спокойно наблюдала за происходящим. Конфликт прекратился только после того, как вмешались охранники и утихомирили шум. Улькяр рыдала, вытирая окровавленный нос запястьем.

Смотритель в чине офицера спросил Батю, что произошло. Батя указала на Улькяр:

– Это новенькая, мы даже имени её не знаем – у неё психическое расстройство. Ни с того, ни с сего бросилась на беднягу, – Батя показала на Зорайду, – и стала колотить её. Бедняга защищалась и оттолкнула эту дебилку, та носом ударилась о кровать, и у неё пошла кровь.

Немного спустя по делу Улькяр было принято решение, и её отправили в карцер.

Карцер оказался ледяным, мрачным местом, где можно было еле повернуться, о кровати и столе и речи не шло, словно ты приговорен замерзнуть на бетоне. Но этот ад на фоне всего, что приключилось с Улькяр, казался ей раем. Оставшись наедине с собой, она вновь прокрутила в голове события своей жизни, вплоть до мельчайших подробностей. Она думала о путях спасения и борьбы. Но могла ли она повлиять на что-то? Точно нет. Она полностью зависела от других. Теперь её жизнь не стоила и гроша. Если бы её здесь втихаря задушили, никто бы не понес за это ответственности.

Когда она вернулась в камеру, прежнего беспредела уже не ощущалось. После случая с Зорайдой открытых оскорблений в её адрес уже не было. Убирались в камере так же, как и раньше, по очереди.

Среди заключенных была пожилая женщина по имени Мушкиназ. Она была из тех редких заключенных, которые с самого начала не приставали к Улькяр. Однажды они познакомилась поближе, и выяснилось, что они землячки. Впервые Улькяр в слезах рассказала Мушкиназ обо всем, что с ней произошло.

В камере Мушкиназ уважали, потому что она была старшей по возрасту. Она поговорила с Батей об Улькяр:

– Поначалу я тоже ненавидела Улькяр из-за её статьи. Но, узнав о её жизни, я поняла, что ошибалась. Эта несчастная была рабыней мамы Розы по имени Наза и выполняла ее поручения, чтобы заработать на хлеб для своей больной матери и маленькой дочери. Она многое пережила. Родители заставили ее выйти замуж за человека, которого она не любила. Ее первый муж оказался наркоманом, бросил ее с ребенком и уехал в Россию. Во второй раз она должна была выйти за подлюгу, но тот отказался, побоявшись своей матери. Потом она вышла за старика, но его семья была не в курсе, а когда они узнали, напали на бедняжку и выгнали с позором. Затем еще одна неудача. Вышла за верующего, тот был ваххабитом, уехал воевать в Сирию и погиб. То одни хотели изнасиловать бедняжку, то другие. Мужчины доставили много бед несчастной, замучили её. Она землячка моя. Очень эмоциональная, отзывчивая, достойная женщина.

С этого дня по приказу Бати отношение к Улькяр полностью изменилось. Заключенные сблизилась и подружились с ней. Даже Чапа больше не приставала к ней.

Улькяр отбыла половину срока. С большим трудом она привыкла к тюремной жизни. Однажды ночью, когда ей вновь не спалось, она заметила, что кто-то крадет к её кровати. По манерам подкрадывавшейся она узнала Зорайду. Улькяр сосредоточилась, и когда серебряный кончик ножа сверкнул в темноте и Зорайда попыталась всадить его в Улькяр, она отскочила и нож вонзился в подушку. Она вцепилась в глотку Зорайды и начала кричать изо всех сил.

Эта женщина не отставала от Улькяр, словно та была повинна в том, что ее сестра встала на дурной путь.

После этого случая Зорайду перевели в другую камеру, и следующие несколько дней Улькяр провела относительно спокойно.

Она считала дни, чтобы поскорее выбраться оттуда, навестить свою дочку, по которой так соскучилась. Ещё ей хотелось сходить на могилу матери.

Именно в тюрьме она осознала, что ни разу не посетила могилу отца. Такими странными и непонятными были их отношения.

Наконец, с трехдневной задержкой, в апреле 2017 года Улькяр выпустили из тюрьмы. Так перевернулась самая мрачная страница её жизни.

ГЛАВА 44 И ВНОВЬ ПО ТОМУ ЖЕ ПУТИ

Прошлое было тяжелым... Однако после пережитого в тюрьме её прежние тревоги казались искрами счастья. Ее детство, забавы с сестрой Лейли, школьные годы, тайный просмотр сериалов вопреки запретам отца и брата, растущий интерес к мальчикам, после познания сути отношений между мужчиной и женщиной, ожидание своего принца на белом коне...

Потом дни с Руфатом, их робкие переглядывания в коридоре, разговоры, первый раз, когда она ощутила свою руку в ладони Руфата, стихи, присланные Руфатом, брелок, который он подарил...

Затем дни в Баку, памятные студенческие годы. Походы с девочками в торговые центры, библиотеки, кинотеатры в свободное от занятий время... Перешагнув через воспоминания о свадьбе и жизни с Мадаром, она лишь вспоминала соседского парня, с которым тайно переглядывалась. И самый счастливый день в своей жизни – рождение Айлин.

Даже несмотря на печальный конец истории с Расимом, она осталась в памяти красивой и неповторимой. Занятия любовью в кабинете дантиста, дома у Расима, то, как он играл на синтезаторе и пел, как они мечтали о совместном будущем, бесподобная неделя, проведенная в Хызы...

Много светлого запомнилось и за время, проведенное с Рашид-муаллимом. Разжила деньгами, увлеченно управляла салоном, занималась фитнесом, ездила за границу, в Дубай, в Бодрум, посетила концерт Седы Саян, жила в комфорте, покое и благополучии. Получала самые дорогие подарки, носила самую модную одежду, ела самую вкусную еду в самых дорогих ресторанах...

Жизнь с Туралом была абсолютно прекрасной. Вместе ушли в религию, молились. Практика ислама была таким уникальным занятием, которое очищало и осветляло человека. Лишь за время жизни с Туралом Улькяр думала, что всё материальное скоротечно, и восхищалась совершенством духовного. Золотой характер Турала, приготовление и поедание сладостей втроем за чаем, посещение мечети по пятницам, бесконечно пронизательные рассказы Турала, прогулки с Айлин...

Было что вспомнить и среди дней в Бильгя. Слияние с собственным одиночеством в бесконечности синего моря, её беседы с морем, приятные незабываемые мгновения, проведенные там летом с Айлин...

Выйдя из тюрьмы, она отправилась к Назанде ханым, обняла свою дочь, а когда захотела забрать домой, Назанде ханым остановила Улькяр и сказала:

– Не обижайся, но я не отдам тебе Айлин. Ты прекрасно знаешь, чем занимаешься. Я тоже знаю и не собираюсь тебя упрекать или унижать. Но нельзя совместить такую работу и воспитание ребенка. Ты уходишь утром и возвращаешься домой в полночь. Иногда пропадаешь на несколько дней. Зохра смотрела за малышкой, но теперь и её нет. Кто будет возить ребенка в школу, заниматься уроками, кормить и поить? Хочешь сделать её несчастной беспризорницей? Ребенок останется со мной. Если хочешь, можешь и ты к нам переехать. Я не возражаю. Дело твое.

Затем, помолчав, добавила:

– На самом деле, тот путь, который ты выбрала, не имеет оправдания. Ведь общество не должно принимать таких людей, как ты. Я бы могла отсудить у тебя свою внучку и полностью разорвать связь с тобой, запретив тебе встречаться с Айлин. Но видит Бог: когда ты переступила порог этого дома, ты была умной, красивой девушкой. Во всём, что случилось с тобой, виноват мой непутевый сын. Это не оправдывает тебя, но, по крайней мере, уменьшает вину.

Конечно, женщина была права. Кто-то должен заботиться об Айлин. Более того, закон на стороне Назанде ханым. Улькяр решила остаться в своем доме. Она навещала дочь несколько раз в неделю, приносила деньги, но не заработанные, а взятые в долг в ломбарде, и отдавала Назанде ханым с просьбой тратить их на девочку. Она стыдливо лукавила и клялась, что работала в компании и не подозревала, что фирма торгует девушками; убеждала женщину, что ныне работает в другой компании и завязала с проституцией.

Одно время она наняла Малика водителем, чтобы тот отвозил её дочь. Малик был соседом Назанде ханым.

После освобождения Улькяр некоторое время избегала Назы и пыталась найти работу, но её «запятнанная биография» везде мешала ей, и после недели безуспешных попыток она вновь постучалась в дверь Назы. Наза считала Улькяр своей правой рукой, которая не заложила её и достойно отсидела свой срок.

Вскоре Улькяр начала ездить в Дубай, каждый раз отвозя с собой по пять-шесть девушек. Турне длилось около десяти дней. Собрав навар с арабов, она возвращалась в Баку и готовилась к следующей поездке. Так и продолжалась относительно стабильная жизнь. Улькяр сама больше не спала с клиентами.

Однажды ей довелось встретиться со своим братом Хаялом. Она покупала себе и дочери одежду в торговом центре «Парк-бульвар», в то время как Хаял с женой и детьми находились в детском отделе. Заметив Улькяр, Хаял подошёл к ней. Улькяр держала в руках новейший «айфон», была одета в очень дорогое платье, собрала три большие сумки с одеждой и, казалось, жила припеваючи. Хоть Хаял и грозился убить ее, слова его прозвучали очень робко. Они долго разговаривали о том, о сём, и у Хаяла словно пробудилось чувство родства, и он отказался от мысли убить сестру. Когда разговор зашёл о житье-бытье, Хаял признался, что находится в тяжелом положении, еле сводит концы с концами и занял у Улькяр двести долларов.

Улькяр уже спланировала дальнейший ход своей жизни. Работать с Назой, зарабатывать деньги. Когда накопит достаточно денег, откроет салон и станет управлять им. Восстановит салон «Айлин». Все силы отдаст воспитанию дочери. Даст ей образование и сделает счастливой, выдав замуж за порядочного парня.

Но человеку не дано видеть дальше своего носа.

С Улькяр произошло то, чего она не могла себе представить.

ГЛАВА 45 НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В ДУБАЕ

Улькяр с первого взгляда влюбилась в Дубай. Ещё приезжая сюда с Рашид-муаллимом, она была впечатлена городом. Теперь это восхищение приумножилось.

Правда, в большинстве мест охрана не позволяла снимать видео и фото, поэтому Улькяр затруднялась запечатлеть и отправить увиденное Айлин, но это несколько не принижало великолепия Дубая.

В этой стремительно растущей стране, полной возвышавшихся небоскребов и подъемных кранов, впечатляли ультрасовременные автомобили, мчащиеся по многополосным шоссе, протянувшимся вдоль морского побережья, и люди в белых нарядах с тюрбанами на голове...

Поездки на красном двухэтажном автобусе, перевозящем туристов, мчащееся то по воздуху, то по туннелям метро, головокружительный шопинг по крупнейшему в мире торговому центру – «Дубай Молл» с аквариумом внутри, пленяющий запах Парка Роз, живой пример неограниченности человеческих возможностей – Бурдж-Халифа, – сложно пересчитать всё интересное в городе!..

Наза позаботилась о том, чтобы они жили не в каких-нибудь дешевых отелях, а в самом «Хилтоне», где девушкам не составило труда привлечь зажиточных клиентов. Очень короткие юбки, глубокое декольте, выпуклая силиконовая грудь, силиконовые губы, парик на голове, голубые линзы в глазах, туфли на высоком каблуке, – всё это отличало проституток от других женщин. Девочки также научились говорить по-английски, и сюда привозили только тех девушек, которые могли общаться с клиентом без переводчика.

Девочки делали свою работу, а Улькяр, пользуясь случаем, гуляла по Дубаю.

Когда Улькяр впервые привезла сюда девушек, она смотрела на всё с открытым ртом, увиденное непрестанно изумляло её. В особенности поражал широкий выбор предлагаемых товаров в торговых центрах. Она купила планшет для Айлин. Радость дочери сделала её счастливой. Для Назанде ханым она также купила iPhone. Её старый телефон тоже покупала Улькяр, но с новым айфоном женщина будет идти в ногу со временем.

Во время своего второго визита в качестве заместительницы Назы она почувствовала, что привыкла к Дубаю.

15 мая состоялся её третий визит. Девочки были заняты делом, а Улькяр сидела в зале отеля «Хилтон», пила кофе и листала журнал «Вог».

Услышав вдруг речь на азербайджанском языке, она замерла.

– Ханым, место рядом с вами свободно? Могу я присесть?

Дело не только в том, что она услышала родную речь, но и этот голос оказался до боли знаком, знаком, он унес её далеко, туда, где у мирно журчащей реки, возле шепчущихся дубов стояла школа, в которой красивый, стройный мальчик признавался в любви очаровательной девочке...

Улькяр словно током ударило. Она подскочила.

– Руфат?! – так крикнула, что все обернулись и бросили на них взгляд.

– Да, это я, Улькяр.

Долгие годы её блуждающие глаза искали Руфата на улицах Баку, и она была убеждена, что больше не увидит его. И вот где, по иронии судьбы, они встретились.

Фантазируя о встрече с Руфатом спустя много лет, она представляла сцены, где они обнимали друг друга, жадно целовались и говорили друг другу нежные слова. Но с годами история этой любви теряла прежнюю силу, Руфат всё больше отдалялся от неё, как бы сильно она его ни звала.

Улькяр думала, что при случайной встрече Руфат даже не поздоровается с ней. Ей даже вспомнилось стихотворение из книги, которую её муж Мадар порвал в клочья. Это было стихотворение Бахтияра Вахабзаде «Не стоили привета».

*Сегодня я увидел тебя,
Хотел поздороваться,
Но ты отвернулась.
Скажи, как быстро ты забыла
Те годы, когда наши сердца
Бились в унисон?
Неужели мои кровавые слезы,
не просыхавшие пять лет,
не стоили привета?
Те годы, полные волнений, радости и печали,
Не стоили привета?
Как ты смогла пройти мимо,
даже не бросив взгляд на меня?
Ты обменяла глас любви на страх?
Или предала обещания?
Как ты могла быть так далека,
когда была так близко?
Наш сладкий смех, наши горькие слёзы
Не стоили привета?*

Так получилось, что Руфат сам подошел к ней и поздоровался. Выходит, зря она опасалась.

Дубай, отель «Хилтон», находка, утерянная в семнадцать лет и найденная в тридцать один год...

– Как ты? – спросил Руфат.

Улькяр хотела что-то сказать, но накопившаяся за эти четырнадцать лет боль вылилась в слёзы.

– Всё хорошо, – молвила она, наконец, но сама думала, что все эти годы не жила, а просто просуществовала без него.

Руфат жил в достатке, владел крупной консалтинговой компанией в Дубае, имел квартиры и в Баку, и в Дубае.

Она была рада за него.

Интересно, как сложилась его семейная жизнь? Наверное, он счастлив, у него счастливая жена и дети, ровесники Айлин.

Ульяяр стало немного завидно. Она думала о том, что родители лишили её счастья с самым красивым, самым умным, самым чувственным мужчиной на свете. Такой шанс был упущен!

Руфат не задавал вопросов о её личной жизни. Это беспокоило Ульяяр.

А вдруг он все знает?

«Возможно, я просто ему неинтересна», – подумал она.

Одержимая этой мыслью, она поинтересовалась о семье Руфата.

Руфат ответил, что не женат.

Весть о том, что Руфат остался вдовцом после неудачного брака, была сама по себе печальной, но Ульяяр почувствовала искру радости. Если он не женат, то, возможно, их звезды ещё могли сойтись.

Но она тут же ужаснулась этой мысли. Где она, а где Руфат?! Разве подпустил бы такой роскошный мужчина близко к себе такую грязную проститутку?

Руфат увлеченно рассказывал о своей последующей судьбе, деловой жизни. Сказал, что окончил Экономический университет с отличием, учился в магистратуре. Потом начал свой бизнес, приехал в Дубай, достиг успеха в этой свободной экономической зоне.

У него имелись большие планы. Его компания обслуживала несколько крупных отечественных и зарубежных фирм. Благодаря росту доходов его клиентов он получал высокие процентные ставки.

Он начинал с малого бизнеса, привлекал клиентов в прокат автомобилей и на бизнес-ланчи в кафе, а теперь дорос до сотрудничества с огромными компаниями в строительной сфере и в сфере импорта полезных ископаемых. Он также основал две дочерние компании.

Консалтинговая компания АРУ. Это звучало привлекательно.

Руфат спешил, его ждали в конференц-зале, он приехал в отель на небольшую деловую встречу. Ульяяр дала ему свой номер и договорилась встретиться вечером.

В тот день Ульяяр не могла прийти в себя. Она встретила одного из двух самых любимых на свете людей, с кем даже не надеялась уже когда-либо встретиться. Её сердце от волнения, как и в детстве, снова готово было уйти в пятки. Но этот Руфат не был её Руфатом. Она чувствовала, что между ними барьер сродни Великой Китайской стене.

Вернувшись в номер отеля, она даже подумывала какое-то время не звонить Руфату. Но её пальцы невольно потянулись к кнопкам телефона, и она вновь услышала родной для неё голос.

– Собирайся. Я заеду через час. Мы пойдем в самый великолепный ресторан Дубая, – сообщил Руфат.

Ресторан «Уайт» оказался действительно великолепен, ярко-белый зал оправдывал название, обслуживающий персонал в черных смокингах подавал им вкуснейшие блюда, а из окна открывался чудесный вид на Персидский залив.

– Руфат, родной, зачем столько еды, кто все это съест?

– Мы съедим, вместе. Лично я очень голоден. А тебе ещё утром было велено оставаться голодной, потому что вечером нас ждал поход в ресторан.

Меню из мяса и курицы, а также из морепродуктов – Ульяяр никогда не видела такой богатый стол: техасский стейк, куриный шницель, рыба на гриле, ассорти из копченой рыбы и креветок, красная икра рядом. Холодных закусок было так много, что не сосчитать. Руфат также заказал бордо с минеральной водой.

Они пили вино и общались.

Разговор зашел о детских воспоминаниях, и Руфат вдруг спросил:

– А помнишь, я подарил тебе брелок с сердечком?

Когда Улькяр достала из сумочки и положила на стол брелок, который всегда носила с собой, в глазах Руфата навернулись слезы. Он расчувствовался. Это ощущалось и по его голосу:

– Как хорошо, что ты его сохранила. Когда ты выбрала другого, а не меня, я подумал, что ты выбросила из своей жизни и меня, и мой подарок.

Улькяр пыталась объяснить, что это родители заставили её так поступить, но Руфат прервал её. Он сказал, что знает, за кого она вышла, что у неё есть дочь, что потом муж бросил их и уехал в Украину, а потом...

Руфат не стал продолжать, сменил тему и завёл разговор о себе:

– Я хочу иметь большое наследие, хочу создать в мире институты, где студентам будут проводить юридические тренинги по защите детей от родителей, и каждый студент, окончивший курсы, будет работать адвокатом, защищая детей от родительской диктатуры.

Они продолжали беседу, попивая вино. Как бы сейчас Улькяр обняла и расцеловала этого дорогого ей человека!

Но могла ли она? Имела ли она на это право? Ни за что...

Её терзала мысль, что Руфат мог знать, что она проститутка...

История с брелоком очень тронула Руфата, он взял его в руки, провел по нему пальцами и прослезился.

– Знаешь, как расшифровывается название моей компании? Знаешь, что такое АРУ? – спросил Руфат.

Улькяр ничего не пришло в голову:

– И как же?

– А – Азербайджан, Р – Руфат, – пояснил он и замолчал.

– А У? – поинтересовалась Улькяр.

После долгой паузы, он выговорил:

– У – это Улькяр.

На этот раз Улькяр действительно не смогла сдержаться. Значит, человек, которого она любила все эти годы, мечтал о ней и даже решил увековечить её имя. Она встала, обняла его и осыпала горячими поцелуями. Руфат тоже не остался равнодушным. В нём тоже вспыхнуло пламя, тлевшее годами, и он изо всех сил прижался к Улькяр.

Если бы люди в ресторане не стали аплодировать воссоединению этих влюбленных, кто знает, как долго бы они не отпускали друг друга.

Руфат спросил Улькяр, когда та возвращается в Баку.

– Послезавтра.

Он также выразил желание поехать в Баку.

– Давай вместе поедem. Я тоже соскучился по Баку. Я вернусь позже, у меня важный контракт. Я улажу дела за день и вновь вернусь к тебе.

Улькяр охватил страх. А что насчет девочек?

Но она нашла выход из ситуации, так как не могла лететь с ними, в любом случае.

– Тогда мне заказать билет? Можем и завтра вылететь.

– Лучше завтра. Да и почему ты заказываешь билеты? Дай мне свой паспорт, моя секретарша займется билетами.

Таким образом, на следующий день они вместе летели в Баку бизнес-классом. Руфат привел её к себе домой. Они пробыли вместе два дня, спали в разных комнатах. Улькяр, стиснув зубы, изо всех сил противилась соблазну перейти в соседнюю комнату и лечь в постель к Руфату. Руфат испытывал те же чувства.

Через два дня Руфат улетел обратно в Дубай, всего на один день.

А перед посадкой в самолет он написал Улькяр, что по возвращении они начнут совместную жизнь.

Улькяр никак не ожидала такого поворота событий.

Вообще не ждала...

В то время, как её единственным утешением в эти мучительные дни была её дочь, когда она принимала обезболивающие и антидепрессанты, чтобы избавиться от кошмарных воспоминаний прошлого, появление Руфата в корне меняло всё.

ГЛАВА 46 БЛИЖЕ К КОНЦУ

Сулейман сообщил сотрудницам, которые опережали его в чтении и заждались продолжения романа, что дочитает роман дома и не нужно его беспокоить. Всю свою жизнь он ничего не скрывал от Заррин. И теперь ему пришлось рассказать всё жене, которая была абсолютно уверена, что муж что-то скрывает, и обижалась на него. Рассказал, как Эльгюн вломился в его кабинет, как не одобрял ношение им длинной бороды, какими напряженными были последние три дня, и про судьбу Улькяр. Заррин не была книголюбом и, как большинство наших современных женщин, любила телесериалы. Однако даже её заинтересовала судьба Улькяр. В частности, ей хотелось лично прочитать историю, которая так захватила ее мужа. Сулейман сказал, что предыдущие страницы остались на работе, и начал жадно дочитывать последние страницы, которые были у него.

Он даже не заметил, что не поужинал, не выпил чаю и даже не переоделся.

ГЛАВА 47 ЭТО ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Шёл 11-й час, Улькяр невольно торчала на балконе. Казалось, что из любой остановившейся машины может выйти Руфат.

Но как же так, Руфат приедет, а она ещё не приняла решения. Надо определиться.

Она зашла внутрь, прошлась по комнате и вновь вышла на балкон.

Необходимо принять решение.

С каждым движением стрелок часов её сердцебиение учащалось.

Она была уверена, что проживет счастливую жизнь с Руфатом. Руфат станет отцом её ребенку, более родным, чем её биологический отец. Руфат был эталоном мужчины, человек с таким прекрасным характером, человек, поцелованный Богом. Руфат никогда в жизни не соглашался на недобросовестную работу и не ругался нецензурными словами. Это красивый, высокий, улыбчивый, дружелюбный мужчина, исполненный духовного богатства. Более того, он довольно состоятельный человек.

Так сложилось, что он холост, но жениться не хотел. А встретив Улькяр, сделал ей предложение. Значит, он все эти годы верил, что они встретятся. Возможно, он искал Улькяр, интересовался ею. Не зря, когда Улькяр хотела поговорить о своей жизни, он прервал её и сказал, что всё знает.

Но Руфат, вероятно, знал не всё. Он не мог знать, что она проститутка. Как он мог догадываться, если даже самые близкие ему люди не знали? Если бы он знал, то, вероятно, не сделал бы предложения.

А что, если бы ему стало известно?

Однажды Наза могла бы отомстить ей за то, что она уволилась с работы и оставила ее одну, могла рассказать Руфату, что его жена – путана. Что тогда?

Даже если бы ему никто не сказал, как бы Улькяр смирилась с тем, что всю жизнь изменяла человеку, которого любила? Как могла она скрыть, что эти губы, тело и сердце, которые он целует и ласкает, нечисты?

Чем бы это закончилось?

Только сейчас, в 10:44, она приняла твёрдое решение, что не станет обманывать Руфата.

Истина в том, что она не могла втянуть Руфата в эту грязь.

Странно, что человек поневоле решает уйти от того, кого очень любит, в то время как может прожить счастливую жизнь в достатке, надев маску и не принимая этого решения. Но есть такое понятие, как совесть, которое не позволяло Улькяр сказать «да».

Привыкнув к этому образу, проститутки начинают оправдываться, но Улькяр никогда не могла смириться с этим. Слово «проститутка» всегда обжигало ей язык.

Со слезами на глазах она взяла телефон и открыла WhatsApp. У неё дрожали руки, она напечатала «Привет», но так зарыдала, что долго не могла прийти в себя. Позже, когда она поняла, что нельзя терять времени, что Руфат мог вернуться в любую минуту и ей следовало продолжить сообщение, у неё не хватило сил.

Она собрала чемодан.

Когда-то с этим чемоданом она приехала в Баку из деревни учиться. Многолетний чемодан уже сильно потрепан. Но даже имея много денег, она никогда не решалась его выбросить. Как будто он носил в себе запах её чистых невинных дней, проведенных в отцовском доме. В нём хранился запах её дома, их с Лейли комнаты, её покойной матери, школы, Руфата – разве могла она предать это всё?! Единственной памятью о её прошлом был этот чемодан. И брелок, подаренный Руфатом. Она достала брелок и положила его на журнальный столик. Решила, что следует оставить его на память Руфату.

Она в последний раз осмотрела квартиру, представила, как счастливо могла бы в ней прожить, и, похоронив мечты, вышла за порог со слезами на глазах, оставив ключи под резиновым ковриком, и направилась вниз по улице. На самом деле она и не знала, куда идет.

На улице стоял шум молодых ребят. Отовсюду доносились пения и крики. Она заметила, что это школьники, мальчики и девочки в белых рубашках, девочки в черных юбках, мальчики в брюках. У каждого на груди красовалась красная лента. Улькяр вспомнила, что на календаре 25-е мая, день последнего звонка в школах.

Все смеялись. За исключением одной Улькяр.

Последовав за толпой, Улькяр очутилась на Приморском бульваре.

Она подняла глаза и заметила на башне с часами время, 11:30. Рейс Дубай-Баку приземлится в аэропорту через десять минут. Её возлюбленный Руфат вернется в Баку.

На бульваре яблоку негде было упасть. Школьники, их родители, выпускники прошлых лет... Люди гуляли, шутили, танцевали, писали на одежде друг другу пожелания...

Она остановилась возле ресторана «Мирвари». Это далекое, приятное воспоминание снова захватило её. Когда она училась в одиннадцатом классе, они вместе с семьёй её подруги Лейлы приехали из деревни в Баку. Этот момент пролетел перед её глазами, как киноплёнка. Стояла зима, 5-е декабря. Улькяр рассказала Лейле о своей бесконечной любви к Руфату. Говорила, что не может выбросить его из головы, как бы ни хотела этого. Лейла, зная довольно эмоциональный характер Руфата, предложила ей написать ему письмо и выразить в нём свою любовь. Лейла посоветовала ей положить это письмо в дупло вяза. Она пообещала сказать Руфату, чтобы тот забрал письмо и прочитал его.

В письме Руфату Улькяр выразила всю свою любовь и пожелания.

Правда, была вероятность, что кто-то обнаружит и заберет письмо из дупла дерева, но хорошо, что Лейла своевременно известила Руфата, который забрал письмо и прочитал, а на стволе того же дерева выцарапал буквы «Р + У = любовь» и изображение сердечка. Затем он сфотографировал эти слова и рисунок, отдал Лейле и попросил передать Улькяр, и та передала.

Впоследствии Улькяр не раз возвращалась сюда, в самые счастливые и грустные минуты, проводя пальцами по стволу дерева там, где Руфат выцарапал надписи, словно разговаривая с Руфатом, делилась с ним радостью и печалью. Она рассказывала о том, как сложно живётся без него, и не могла сдерживать слез...

И вдруг она поняла, что хочет написать письмо Руфату и положить его в то же дупло. Она достала из сумочки ручку и блокнот и вырвала из него двойной листок. Сразу начать писать не получилось – у неё тряслись руки, она всхлипывала и рыдала. Спустя некоторое время она собралась и начала писать.

ГЛАВА 48 ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО

«Руфат, мой дорогой, мой родной, мой падишах, мой султан, любимый, я хотела послать тебе сообщение по телефону, но подумала, что лучше написать тебе на бумаге, как тогда, и испытать эти чувства ещё раз. Потому что в этом письме я расскажу тебе многое, о чем не могла рассказать при встрече.

Знаешь, кто ты? Я бы сказала, что ты воплощение моих самых сокровенных чувств, но этого мало. Я бы сказала, что ты мое желанное счастье, но и этого недостаточно. Ты – мое сердце, мое дыхание.

Я бы хотела встретить с тобой рассвет. Я бы хотела слушать с тобой шум волн, разбивающихся о берег любви. С восходом солнца мне бы хотелось положить голову тебе на плечо и вдыхать твой запах и, касаясь твоих рук, чувствовать твои крепкие мышцы. А ты бы гладил мои волосы, мой султан. Эх, знаешь, сколько слез я пролила, чтобы дожить до этих моментов?

Но завтра не наступит для меня. Главное, что ты прочитаешь последние слова моего последнего письма. Мои первые мечты и надежды были связаны с тобой, дорогой, таковыми окажутся и последние.

Я пишу тебе эти слова. Поверь, я бы хотела написать вкратце, но не вышло. А ещё хочу поделиться мыслью. Когда мы, женщины, выбираем мужчин, мы сравниваем их со своим любимым, уважаемым и сильным отцом. Мы любим вас любовью Божией. А вы? Так же ли искренна ваша любовь? В большинстве случаев, нет. Однажды я вычитала в каком-то романе: «Любовь – объемный роман о жизни женщины и короткий рассказ о жизни мужчины». Зачастую для мужчин отношения с женщинами – развлечение и забава. Им сложно принять это всерьёз.

Просто надо быть мужчиной. Хочешь будь пастухом, хочешь – ханом. Женщин к мужчинам притягивают не слова, а чувства. Не каждая женщина – леди, так же, как и не каждый мужчина – рыцарь.

Общество любит выставлять в дурном свете всё естественное. Где та тонкая грань между уличной женщиной и порядочной домохозяйкой? Ведь есть женщины с улицы, которых вы выбираете, делаете подарки, осыпаете ласковыми словами, умоляете их, в то время, как со своей законной супругой обходитесь по-свински, кричите на них и оскорбляете. Кого вы выбираете, уличных девок?

Вам, мужчинам, нравится давить и унижать. Поступок – мера морали, а мораль – мера общества. Вы, мужчины, которых считают столпами общества, сексуально голодны, ненасытны. Сочетание голода и неудовлетворённости заставляет мужчин видеть в каждой женщине проститутку.

Вы, мужчины, не хотите просвещаться. Только издевательства и ругань модны в обществе. Для вас культура – это ненормативная лексика. «Мы не хотим просвещаться», – говорите вы.

Общество безропотно деградирует. Семена распущенности, порочности и расчленения довели нас до такого».

Её мысли время от времени сбивались, она переходила с темы на тему. Временами прерывалась и забывала, о чем собиралась писать. Так она продолжала писать свое последнее письмо. Окружающие с интересом и удивлением следили за женщиной, которая, сидя на камне с чемоданом на коленях, что-то писала со слезами на глазах.

«Сексуальная жизнь каждого человека представляет интерес для общества. Все выслеживают друг друга, разносят сплетни, наговаривают.

Самое страшное предательство – это предательство человеком самого себя, его души, его принципов, его жизни.

«Национальная проститутка». Временами мне встречается это слово. Вы, мужчины, давно навесили на нас этот ярлык. Почему бы нам, женщинам, не называть вас «национальным сутенером», «национальным подонком» или «национальным педерастом»? Ведь это так же мужская проституция.

Нам, женщинам, с детства велят быть послушной. Немного повзрослев, нам приходится «вести себя достойно семье», а потом нам говорят: «Когда выйдешь замуж, будешь поступать, как захочешь». Выйдя замуж, говорят: «Терпи, муж замутил, свекровь обидела – в следующие годы всё обязательно срастётся». Так из года в год нам вешают лапшу на уши. Скажи мне, кто портит нам жизнь?

За секунду человек может лишиться своего счастья, всё внутри заполнится пустотой. Из-за одной ошибки можно лишиться жизни.

Миром правят любовь и голод. Если сумеешь преодолеть материальный голод, то и духовный голод будет нипочем, и ты обретешь любовь.

Кто сделал меня проституткой? Общество, моя семья, мой муж, моя любовь, книги, которые я прочитала, сериалы или шоу-программы, которые смотрела? Или же распутство изначально у меня в крови?

Было ли это в моих генах?

Кто ответит за мои грехи?

В любом случае, во всём виновата я сама. Мне нет оправдания ни в этом, ни в ином мире.

Заройте меня в землю поглубже. И поставьте маленькое безымянное надгробие, чтобы хоть кто-то мог за меня помолиться, не зная, кто я. Пусть я навсегда исчезну из этого мира, и пусть мой ребенок никогда не стыдится.

Я видела всякую грязь. Знаешь, мой дорогой Руфат, это выражение к тебе не применимо, но вы, мужчины, везде одинаковы. Просто у вас разные цвет кожи и язык. Ваш образ мышления и ваше психическое состояние одинаковы. Вам должно быть стыдно, что вы до сих пор не умеете ценить нас, женщин.

От некогда невинной Улькяр не осталось и следа. Моя красота, моя чистота – все исчезло.

Руфат, я всегда всей своей сущностью хранила в сердце свою любовь к тебе. И до сих пор в моей душе и в моих мыслях ты со мной. Куда бы я ни смотрела, я везде вижу тебя.

За деньги можно купить тело женщины, но не её любовь. Порой любовь губит человека, и не все влюбленные становятся счастливыми. Поскольку ты человек с чистой совестью и душой, ты думаешь, что и другие люди такие же. Ты как наивный ребенок. Я умоляю тебя, преклоняюсь перед тобой, оставайся таким, и тогда общество будет жить. Ты не один, Руфат. Пусть и немного, но такие достойные мужчины, как ты, есть.

Знаешь, как страдают такие женщины, как мы, торгующие телом, каждый раз ложась в постель?

Помни, мир – это ад для чутких людей. Человек должен жить достойно, в любви и гармонии. Ты – моя недосыгаемая звезда, Руфат. В бесстыжих людях мы искали верность и дарили надежду безнравственным. Ты самая ценная книга в моей жизни. Жаль, что я не смогу прочитать её до конца.

Знаешь, какой вопрос теперь волнует меня больше всего? Кем я стану считаться в Судный день: матерью или проституткой?

Нравственность измеряется поступками. Как и любая другая женщина, я хотела любить и быть любимой. Я хотела быть красивой женой и ханым за хорошим мужем. Но мой мир обернулся для меня темницей. Моя человечность захлебнулась в колодце невежества.

Теперь у меня только один друг, и это мой Бог. Я хочу отстраниться от твоей любви. Потому что Богу известно, как сильно я тебя люблю.

Я всегда всей своей сущностью хранила в своем сердце любовь. Ты – единственный человек, который был добр ко мне, относился с любовью и трепетом. Я говорила: это потому, что ты сам чист и безгрешен. Я просила у Бога любви, и Он дал ее мне. У меня было одно желание: любить, и оно осуществилось. Я встретила тебя. Моя вера окрепла. До этого момента я была слепа. Ты открыл мне глаза.

Я не могу запачкать тебя. Я не хочу, чтобы при совместной прогулке кто-то показывал пальцем на тебя, как на сутенера.

Я хочу умереть мирно, хочу, чтобы Бог простил мне грехи.

Прошу тебя присмотреть за моим ребенком. За этот короткий промежуток времени ты заставил меня забыть все плохое, что мне пришлось пережить. Мои слезы – это не слезы печали, а слезы радости, слезы любви. Ты дал мне ощутить вкус любви, пусть и на секунду.

Не беспокойся обо мне, не слишком сожалей о моей смерти. Я тебе не пара!.. Ты должен обрести более достойное счастье.

Моя любовь на миг заставила меня позабыть годы страданий, мой дорогой, мой милый, моя душа.

Я не заслуживаю твоей искренней любви. Глаза мои слепы, язык мой нем, сердце мое запечатано. Я заслуживаю гореть в аду. Моя жизнь и душа годами кишели грехами, бранью и злодеянием. Я – опозоренное тело с мертвой душой.

Руфат, мой милый, но даже при всем этом я самый счастливый человек на свете, потому что над моей могилой будут проливаться твои слезы.

У меня есть ещё одна просьба. Ты всегда дарил мне розы. Посади розы на моей могиле, чтобы я всегда могла чувствовать твой аромат, мой вечный возлюбленный в обоих мирах».

Сколько слез в человеке? Все это время она не могла сдержать рыданий.

Она отправила Руфату сообщение в телефоне, что написала ему письмо и оставила в том же месте.

Ответное сообщение от Руфата не заставило себя ждать. Она не открыла и не прочитала его.

Она остановилась, затем немного походила.

Вновь и вновь приходили ей сообщения, а затем и долгий звонок. Все были от Руфата. Кажется, он разозлился на то, что она ушла от него без его ведома. Чего еще он хотел? Так ли это важно, чтобы в нынешнем положении он отругал и высказал всё Улькяр?

Звонки и сообщения не прекращались. Она дрожащими руками взяла телефон, но, стиснув зубы, решила не открывать сообщения.

Прочитав их, она могла бы изменить что-то.

Но не нужно ничего менять.

К ней подошел старик в панамке и легком летнем пиджачке и спросил, всё ли с ней в порядке и нужна ли ей помощь.

Как он мог ей помочь? Теперь уже никто не мог. Она сама определила свою судьбу, и ничто не могло её изменить. Время вспять уже не повернуть.

– Всё в порядке, спасибо, – сказала она мужчине разбитым голосом.

Мужчина достал из кармана стопку денег и сказал:

– Доченька, не стесняйся. Если ты в беде, возьми эти деньги и иди реши свои проблемы. Не бойся, я даю их безвозмездно. Я не могу оставаться равнодушным к чужому страданию.

Мир не без добрых людей. Но уже никакие миллионы и миллиарды не смогли бы смыть грехи и очистить прошлое Улькиар.

Поблагодарив мужчину, она отошла к другой части бульвара и под крики пролетающих чаек вновь стала искать отражение Руфата в воде. И нашла.

Теперь она ещё пуще ругала себя, шептала отражению Руфата, что виновата еще и в том, что втянула в грязь не только себя, но и тех девушек, которых возила в Дубай на забаву богатых иностранцев.

«Казалось, что я заплатила за свои грехи тюремной жизнью. Выходит, что это не так. Теперь я должна жить не для того, чтобы сделать тебя несчастным, а для того, чтобы смыть свои грехи внезапной смертью. Я должна смыть пятно и грех, который в меня впитался», – думала она.

Руфат продолжал без остановки звонить и писать. На этот раз она громко зарыдала. Её возлюбленный, её душа, свет её очей, смысл её жизни, её всё, её любимый Руфат...

Она беспрестанно думала о нём и повторяла его имя.

Внезапно небо накрылось черными тучами, яркий свет сменился слепящей тьмой.

Руфат бы её простил и принял, это был бы героический, мужественный поступок, но, кроме того, это было бы и самопожертвованием. Принимая её испорченную, он поставил бы под угрозу свое собственное будущее, свое благополучие и мир. Руфату пришлось бы иметь дело с десятками людей, способных чернить его за его спиной. Такие обвинения – как нож в спину. Некоторые даже могли бы извлечь выгоду из положения, чтобы решить в свою пользу какой-то вопрос, пытаясь его унижить, и это вынудило бы Руфата либо молча проглотить поношения, либо ответить этим людям или подражаться с ними.

Кто знает, возможно, внезапный гнев привел бы к тяжелым последствиям, Руфат мог пострадать или нанести кому-то увечья. Больница, тюрьма, могила – конец такой схватки непредсказуем.

Но допустим даже, что никто ничего бы не говорил. А если бы во время семейного отдыха Улькиар встретила мужчин, с которыми когда-то спала, и нарвалась на их издевательские взгляды, разве это не убило бы её?

Ноги привели её к берегу. Она села на бетонный выступ и уставилась на лазурные воды. Волны будто сводили счеты с жизнью, разбиваясь о берег. Она подумала: самоубийство волн – довольно странное явление. На этом берегу они убиваются, а на другом воскрешают. А когда человек решает покончить жизнь самоубийством, он уходит навсегда, без возврата.

Она заметила, что отражение Руфата двигалось в воде, подталкивалось волнами влево и вправо.

Вдруг она заговорила с Руфатом, сказала, что ей очень жаль. Слезы её превали.

Помолчав немного, она открыла сумку, достала таблетки, сложила их на ладонь и продолжила воображаемый разговор с Руфатом.

«Да, мне очень жаль. Сотни женщин потеряли мужей на войне, овдовели, ели черствый хлеб, пережили тысячу мучений, чтобы пропитать своих детей. Но они не сломались, носили черные платки на голове, брались за самые тяжелые работы и всегда высоко чтили память своих супругов, воспитывая их детей. Я не смогла этого сделать, не смогла защитить свою честь и достоинство, у меня не хватило на это сил, я предала твою любовь, мой Руфат...» – сказала она.

Слезы снова душили её, и она прервала речь, чтобы прийти в себя.

Отражение Руфата молча наблюдало за ней из воды, слушало её.

«Моя любовь к тебе так велика, что я буду любить тебя до конца жизни, но из иного мира, издалека, не приближаясь к тебе, не касаясь тебя. Я не могу унижить тебя ни перед кем, не могу допустить, чтобы ты оказался сломлен. Я не имею права отравлять твою будущую жизнь, единственный мой», – продолжила она.

С моря подуло, и лучи солнца блестели на голубых водах, сверкая в ослепительном сиянии.

Вся жизнь пронеслась перед глазами Улькяр, как кинолента. Первые обманы, спотыкания, удары...

Она тихо заплакала. Затем глубоко вздохнула.

Она точно знала, как смое с себя пятно. Нельзя больше втягивать непорочных в грязь. Достаточно!

Всхлипнув последний раз, она сделала жест руками, словно отталкивая тянущиеся к ней руки Руфата. Их встреча в отеле «Дубай», первые слова, их совместное возвращение в Баку, те чудесные минуты, часы, дни, которые они провели вместе... Все обернулось комом в горле и душило её. Странно, вроде счастье на расстоянии вытянутой руки, но ты замер и неподвижен.

Слезы лились рекой, вся нагрудная часть кофточки была мокрой

«Прощай, мой Руфат», – прошептала она несколько раз подряд, закинула в рот таблетки и с трудом проглотила их. Затем она бросилась в море, в объятия вод. Она сделала это без всякого страха и колебания.

Взволнованный Сулейман со слезами на глазах набрал номер Эльюна и велел ему как можно скорее приехать в кафе «Мирвари». Роман был почти дочитан, осталось всего две страницы.

Он пошел на кухню, выпил стакан воды, чтобы смочить пересохшее горло, и дочитал последние две страницы прямо там, на кухне.

Некоторое время Улькяр продолжала дышать, несмотря на давление соленой воды, она как-то держалась. Её глаза пока ещё были открыты. Каспий, который она привыкла видеть лазурным, казался ей мутно-серым. Затем в глазах начало темнеть, ей стало сложно дышать. Она непроизвольно приоткрыла рот, и вода наполнила её горло.

Реальный мир смешался с воображаемым, и вот уже последние мгновения и вечность. Чуть позже её жизнь погрузится в вечное молчание.

Когда человек при смерти теряет осознание пространства и времени, он не различает реальный мир от воображаемого. Руки, держащие её, тянущие её к себе, лицо Руфата, мысли, что Руфат и здесь её нашёл, – всё это, вероятно, было плодом её фантазии.

Дно моря постепенно погружалось в мрак. Черный цвет безжалостно поглощал все остальные цвета.

Но наверху светило солнце, веселились школьники, празднующие последний звонок. Там наверху кипела жизнь, полная любви и очарований.

Прочитав завершающие строчки, Сулейман не мог поверить своим глазам, искал предложение, хотя бы ещё одно слово где-то на странице. Всё не могло так закончиться!

Он стоял уже возле кафе «Мирвари». Всюду ему мерещилась Улькяр, он слышал ее стоны и вздохи. Сволочь, как же сильно он написал – не каждому дано добиться такого эффекта, выстроив ряд слов.

Кроме того, текст довольно жестокий и бескомпромиссный.

Эльгюн подошел к нему и заметил, что Сулейман под сильным впечатлением от прочтенного. Было это хорошо или плохо? Если он впечатлен, значит, ему понравилось. Но такие люди, как Сулейман, не похожи на среднестатистического человека. Они всегда выделяются своей неординарностью. Бывало же такое, что вы желали смерти автору за то, что он убил в произведении любимого героя?

Протянутая рука Эльгюна повисла в воздухе. Вместо того, чтобы пожать молодому человеку руку, Сулейман, размахивая страницами романа, воскликнул:

– Ты знаешь, что вся твоя семья отвернется от тебя из-за этого романа? Соседи будут издеваться над тобой! Тебя даже из университета выгонят, понимаешь?

Эльгюн, скрывая смущение от непринятого приветствия, дал короткий и ясный ответ:

– Если я смогу помочь нескольким людям, я уже буду счастлив.

Сулейман качает головой. Он что-то говорит, бормочет, колеблется. Он еще раз повторяет, что ему следует поменять название романа на «Ангел любви».

– Улькяр – не проститутка, – утверждает Сулейман. Затем добавляет, – почему ты убиваешь героиню?

Эльгюн часто представлял себе свою книгу, в темно-красном переплёте с белой пунктирной надписью «Проститутка». Но по состоянию Сулеймана он понял, что этот человек не выделит денег на издание книги.

Его воображаемые книги посыпались градом ему на голову и придавили его.

Ему хотелось повернуться и уйти, он уже сделал шаг, когда услышал слова, заставившие его остановиться.

В голосе Сулеймана не осталось и следа от прежнего гнева – его слова прозвучали, как брызги воды, тушившие огонь.

– Я готов печатать. Пусть люди читают. Важно, чтобы допущенные ошибки не повторялись. Но у меня есть условие: ты должен продолжить книгу! Эта история не может на этом закончиться. Продолжение необходимо всем. Это первая книга, пускай будет и вторая. Ангел любви ни за что не вместится в одну книгу!

Баку – Дубай – Баку. 2020-2021г.г.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

СЕРГЕЙ ЖАДАН

Схоронили сына

Знакомые схоронили сына прошлой зимой.
Дожди, гром – да вот, зима была такой...
Схоронили по-тихому, кучей дел сражены наповал.
За кого воевал? – спрашиваю.
Не знаем, – говорят, – за кого воевал.

За кого-то воевал, – говорят, – а за кого – не понять.
Какая теперь разница, – говорят, – что это меняет, ядрёна мать?
У него и спроси, хоть это - что спрашивать у прошлогодней травы.
Он не ответит – схоронили без головы.

На третьем году войны начали мосты чинить.
Я столько всего о тебе знаю – но кому изложить?
Знаю, скажем, как ты этот мотив распевал.
Я знал твою сестру. Даже в жаре любви обнимал.

Знаю, что ты боялся, и даже знаю, почему.
Знаю, кого ты встретил прошлой зимой, что говорил ему.
Ночи теперь таковы – пепел и зарев оскал.
Ты всегда играл за соседнюю школу.
А вот... за кого воевал?

Каждый год приходит сюда, сухую траву вырывать.
Каждый год землю мёртвую вскапывать, копать.
За каждый год – столько покоя и бедствий узрим.
До последнего веря – ты не мог стрелять по своим.

Птицы исчезают, будто тонут в дождя волнах.
Попросить бы кого за грехи твои – да не знаю о твоих грехах.
Попросить бы кого-нибудь, чтоб закончились наконец дожди.
Птицам-то проще – они и не слышали о спасении души.

Перевод ЛАЧИНА

**ИМРУЗ ЭФЕНДИЕВА
МЕХРИБАН АХМЕДОВА**

***РОДНАЯ ЗЕМЛЯ – МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ
И МОГУЧАЯ СИЛА***

«Честь, мудрость, щедрость, мощная рука –
Все свойства, при которых власть крепка».

Джами

«Сегодня мы должны построить такую
систему образования, которая позволит
воспитать граждан, способных достойно
жить в современном мире, верных идеям
гуманизма и мира».

Мехрибан Алиева
Первый Вице-Президент
Азербайджанской Республики

«Я – ашуг, забыл я страх
Пусть грозит бедою враг».

Пословица

С каждым днём ширится слава замечательного композитора, народной артистки республики, члена-корреспондента НАНА, Председателя Союза композиторов Азербайджана, профессора Франгиз Ализаде.

От нас, педагогов, очень многое зависит – как представить творчество всемирно известного композитора, его духовный мир, эстетику мироощущения. Известно, что современная система образования характеризуется ориентацией на формирование культурной личности, интеллигентного человека, позитивно воспринимающего всё художественно-эстетическое многообразие окружающей действительности.

Нам, музыковедам «шестидесятых», крупно повезло – мы общались с великими людьми, о которых Народный писатель Анар рассказал в книге, образно и поэтично названной «Чуть ближе к звёздам». В этой книге статьи об Узеире Гаджибекове, Кара Караеве, Шовкет Мамедовой, Микаиле Абдуллаеве, М.Ф.Ахундове, Джалиле Мамедкулизаде, Вагифе Мустафазаде, Ниязи, Рашиде Бейбутове, Тогруле Нариманбекове... Конечно, это не полный список деятелей нашей отечественной культуры. Со многими из них писатель состоял в творческом содружестве.

Прошло около четырёх десятков лет и, естественно, появились новые звезды – звёзды, которые вышли на мировую сцену, о них говорят, пишут, их произведения исполняются.

Франгиз ханым Ализаде – личность яркая, неординарная. Её жизнь, эмоционально и творчески насыщенная, полна заслуженных успехов.

Тема любви к Родине в широком плане – любви к её величественным горным пейзажам, шумящим с голубыми отливами водопадам, отчетливо прослеживается в

самом названии произведений Франгиз ханым: «Azərbaycan pastorali» («Азербайджанская пастораль» для 2-х гитар, флейт и ударных), соло для виолончели «Eşq havası» («Мелодия любви»), «Dərviş» septeti» (септет «Дервиш» для виолончели, скрипки, альты, неа, канона, гоша-нагары и ханенде), Абшеронский квинтет для подготовленного фортепиано и струнного квартета, «Bayatılar» («Баятылар» для вокального квартета и стеклянных колокольчиков на произведения азербайджанской народной поэзии, «Deyiştə» («Состязание» для двух арф, магнитофона и голосов), «Müğamsayağı» (Струнный квартет №3), «Fantaziya» (Фантазия для гитары) и др.

Эти произведения мы часто слышим на различных волнах радио, кроме того, они входят в учебную программу высших учебных музыкальных заведений.

В 1997г. была издана книга Франгиз ханым о Кара Караеве (на азербайджанском, английском, русском языках). В этой книге море любви к величайшему композитору, педагогу, музыкально-общественному деятелю.

Хочется рассказать читателям, как воспринял издание книги о К.Караеве академик Азад Мирзаджанзаде. Я была у него в 1999г. – отнесла свою монографию о Васифе Адигезалове, чтобы подарить и узнать о новых правилах, связанных с защитой докторской диссертации. Очень эмоциональный и открытый всем сердцем приходящим к нему людям, Азад муаллим вдруг воскликнул:

– Я за одну ночь прочёл книгу Ф.Ализаде, посвященную Кара Караеву. И тут же взял телефонную трубку, и стал звонить всем членам Высшей Аттестационной комиссии, назначая на следующий день обсуждение книги о Кара Караеве. Заседание было намечено на 5 часов вечера, и можно сказать, что все ознакомились с книгой. Я первый высказал свое мнение: «Вот кто должен получить звание профессора!» Затем было высказано много неординарных мнений о музыке Кара Караеве, о блестящей книге Франгиз Ализаде. После обсуждения было единогласно принято решение о присвоении Франгиз ханым звания профессора.

Новый этап в творчестве Франгиз ханым связан с написанием «Mərsiyə» – Виолончельного концерта в сопровождении симфонического оркестра. Премьера состоялась в Лиссабоне (Португалия) 2 июня 2002 года.

А через 2 месяца в Швейцарии, в г.Люцерне (Люцерн) состоялась премьера «Nağıllar» («Сказки») для большого симфонического оркестра.

27 января 2003 года состоялась премьера «İthaf» («Посвящение») для большого симфонического оркестра.

И в последующие десятилетия Франгиз ханым остается верна своим традициям – названия её произведений связаны с различными уголками Азербайджана: «Yapar dağ» для виолончели и баяна, квинтет «Xəzər», покоряющий красотой эмоциональных образов (струнный квартет и фортепиано). Премьера состоялась в Нью-Йорке 1 февраля 2006г. А через 2 недели в США прозвучало мощное произведение «Atəş» («Огонь») для флейты, кларнета, виолончели и ударных инструментов. Далее были созданы мугамно-импровизационный «Дастан» для соло скрипки, «Dəniz» – для подготовленного фортепиано, виолончели и камерного оркестра, премьера этого произведения состоялась в г.Берн в ноябре 2008 года.

С 2012г. в репертуаре наших талантливых пианистов произведение «Mənzərə» («Пейзаж»). Это яркое, красочное произведение, основанное на переливах малых, полууменьшённых септаккордов, пленит красотой поэтических образов, в которых перед слушателем раскрывается пейзаж горного леса или журчание реки.

Это – мир современной музыки. И как верно отмечает Людмила Сергеевна Дьячкова: «В современной музыке различаются следующие типы гармонических структур: аккорд – структурно замкнутая, высотно дифференцированная, дискретно отграниченная, симметричная одновременность; сонор – красочная, структурно замкнутая, высотно недифференцированная одновременность; сонорное поле – структурно открытое, высотно недифференцированное континуальное пространство».

Появление новых идей, развитие нового, художественного мира – способствовали перестройке, обновлению всей системы музыкального языка, изменились концепции стиля, музыкальной формы. Рождаются новые понятия музыкального тематизма, гармонии, ритмических структур, фактуры, оркестровки. Мышление и художественное сознание слушателя – многообразный функциональный комплекс эстетических и технологических принципов. Нам кажется, что в популярной фортепианной композиции «Mənzəgə» с тонким вкусом автором использовано «сорное поле».

А вот гармонический язык оперы «Интизар» на либретто профессора, доктора филологии Наргиз Пашаевой – основан на синтезе классических и гармонических принципов. С большой любовью использованы народно-национальные черты азербайджанской классической музыки – мугама, ашугские мотивы – и всё это в синтезе с художественно-техническими достижениями XX-XXI столетий.

Уместно здесь вспомнить высказывание Ю.Н.Холопова: «Освобождение диссонанса от немедленного обязательного разрешения в консонанс и превращение диссонанса в независимый самостоятельный элемент гармонии, устранило ограничение аккордики, характерное для классической музыки. В современной музыке... нет такого сочетания звуков, которое не могло бы быть применено в качестве аккорда».

В статье «Мысли о Прокофьеве» Кара Караев пишет: «Без освоения наследия Прокофьева нельзя двигаться вперед». И в этой же статье, считая себя «косвенным» учеником Прокофьева, отмечает: «Занимаясь с учениками, я вижу: одному он ближе своей «бережной, затаённой лирикой; другому – мощной, «крутой» динамикой; третьему – неподражаемой точностью жанровых образов...»

Нам кажется, что в музыкальном стиле Франгиз ханым эти черты, свойственные музыке Прокофьева, даны в совокупности.

Недавно в Союзе композиторов Азербайджана состоялось Правление, и Франгиз ханым нам подарила свою новую книгу «Azərbaycanın simfonik musiqisi. Monodiyadan simfonik orkestrə» («Азербайджанская симфоническая музыка. От монодии до симфонического оркестра»).

В этой книге Франгиз ханым вводит примечательные термины, характеризующую симфоническую музыку. К примеру термин «мелос тембровых комплексов» применён при анализе «Пяти пьес для оркестра (op.16)» А.Шенберга, где тембр раскрывается как дыхание. В главе «У истоков» анализируется труды Г.Дмитриева, Э.Денисова, великого композитора Н.А.Римского-Корсакова. Особо подчеркивается значение статьи Кара Караева.

Книга состоит из трех больших глав: I-я – У истоков; II-я – Симфонические мугамы Ф.Амирова (национальное в оркестровке); III-я – От «Лейли и Меджнун» к Третьей симфонии (к эволюции оркестрового мастерства К.Караева), и заключения.

Это прекрасное исследование предваряется «Введением», где четко сформулированы новаторские искания трёх гениев азербайджанской композиторской школы.

Учёный отмечает: «Истинные первооткрыватели, Узеир Гаджибеков, Фикрет Амиров и Кара Караев продолжили новые пути развития не только родного музыкального искусства, но и всего композиторского творчества Востока».

В настоящее время все музыковеды Азербайджана отмечают эту мысль-прогноз Ф.Ализаде, забывая напомнить читателям, что она впервые была высказана молодым учёным.

Ещё в 1998г. была издана её книга «Симфоническая музыка Азербайджана» (на материале её кандидатской диссертации).

Большая исследовательская статья посвящена искусству мугама, преклонением перед гением поэта отмечена статья о Низами.

Недавно наша страна праздновала 880-летие Низами, к этому юбилею наши композиторы создали романсы на слова гениального поэта, были опубликованы

новые исследования и статьи, посвящённые творчеству великого гянджинца. Музыковеды написали статьи, посвящённые этим событиям, выступали по радио и ТВ.

И ещё одно суждение Франгиз ханым нас особенно затронуло: «И, наконец, в 1965г. в своей «Третьей симфонии Кара Караев воссоздал атмосферу ашугского музицирования, опираясь на технику додекафонного письма».

Прежде чем написать эту книгу, Франгиз ханым изучила более 20 исследований и книг об оркестровке на иностранных языках (замечу, что ученый знает много иностранных языков). Она приводит цитаты из их трудов.

Из отечественной литературы, из трудов музыковедов XX века Ф.Ализаде отмечает следующих: В.Шарифову, Д.Мамедбекова, Н.Мамедова, С.Слонимского, В.Трамбицкого, Ю.Фортунатова, В.Цуккермана, А.Шнитке. Большое внимание автор уделяет научным трудам А.Бадалбейли, Кара Караева, О.Кулиева.

Книгу «Azərbaycanın simfonik musiqisi» («Азербайджанская симфоническая музыка») предваряет вступительная статья профессора Х.Бабаевой, где даётся характеристика творчества Франгиз Ализаде. Как пишет Х.Бабаева, в современной академической музыкальной культуре Франгиз Ализаде, является единственным лидирующим композитором в мусульманском мире.

Книга завершается священными словами Президента Республики Ильхама Алиева: «Qarabağ Azərbaycandır!»

В разделе «Qarabağ Azərbaycandır!» Франгиз ханым пишет, что в один из ноябрьских дней 2020 года мы услышали по радио и на всех волнах телевидения взволнованный, но гордый голос нашего Президента: «Шуша, ты свободна!»

Наш народ всегда говорил: «Qarabağ bizimdir!», и далее Франгиз ханым продолжает: «Для восстановления Карабахской земли и её дальнейшего расцвета мы не пожалеем сил и энергии. Во время Второй Карабахской войны наш Союз композиторов принимал активное участие, а именно, на заседаниях Правления было принято и было утверждено несколько деклараций, в т.ч. и в особенности «Обращение Союза композиторов Азербайджана к музыкантам всего мира», где мы призывали граждан всей планеты поддержать борьбу Азербайджана за освобождение своих территорий, оккупированных армянскими террористами, быть с нами, сочувствовать нам в справедливом требовании азербайджанского народа».

Ф.Ализаде как «Артист мира» обратилась к директору UNESCO – Одри Азуле. В своём призыве она выразила протест против армянских захватчиков, которые уничтожили памятники мировой культуры, ещё раз напомнила, что Карабах – неотделимая часть Азербайджана, нельзя разрушать памятники культуры. Текст этого обращения на английском языке напечатан в книге.

Как известно, глава нашего государства объявил Шушу центром культуры, где будут проводиться различные международные мероприятия. К примеру, «Xarı bülbül». Этот международный фестиваль привлёк большое количество участников.

Франгиз ханым особенно подчёркивает деятельность композиторов, певцов, – выходцев из Карабаха – Уз.Гаджибейли, Бюльбюля, Ниязи, С.Гаджибекова, И.Гаджибекова, Ф.Амирова, А.Аббасова, З.Багирова, В.Адигезалова, С.Алескерова и многих других, сыгравших огромную роль в развитии музыкальной культуры Азербайджана. Союз композиторов создал в различных городах республики областные отделения Союза композиторов Азербайджана – в Шуше, Нахчиване, Гяндже, Шеки, Лянкярана.

Еще в 1972 году С.Алескеров организовал в Шуше отделение Союза композиторов Азербайджана и руководил им до последних минут своей жизни. После его смерти эту должность поручили Р.Алиеву. Шушинское отделение работает по сей день.

По линии Союза композиторов Азербайджана шушинцы, жившие в Баку, вместе с представителями бакинского музыкального искусства дали в Союзе несколько концертов.

Особо отмечает Франгиз ханым концерт, посвященный «Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti – 100», состоявшийся 22 июня 2018 года.

Кроме того, члены Союза композиторов Азербайджана вместе с исполнителями неоднократно выезжали на встречу с воинскими частями.

Искренней любовью к Родине проникнута статья «Qarabağ Azərbaycandır!» Книга завершается словами Ф.Ализаде:

«Наша страна придает огромное значение нашей национальной музыкальной культуре. Распространение нашей национальной музыки в мире очень важно, и каждый из нас должен донести правду об Азербайджане, об истории и освобождении Карабаха в праздник Карабаха до людей всех национальностей, воплотив их в своих произведениях. Лозунг «Карабах – это Азербайджан!» будут вечно освещать наш жизненный путь».

Думаю, что эта новая книга – прекрасное учебное пособие для изучающих историю азербайджанской музыки.

Творчеству Франгиз ханым посвящены статьи Земфиры Сафаровой, других азербайджанских музыковедов, молодого талантливого писателя, журналистки Улдузе Гарагызы (на турецком языке).

У нас есть некоторые пожелания и замечания редколлегии этой книги. Почему-то не вошли в «Библиографию» глубоко аналитические статьи азербайджанский музыковедов, не отмечены диссертации, посвященные сугубо личности Ф.Ализаде.

Например, в октябре 2023 года мы участвовали на презентации книги академика Земфиры Сафаровой «Azərbaycan musiqişünaslığı: mühüm mərhələlər». («Азербайджанское музыковедение: важные этапы») И в этой книге есть большой раздел о творчестве Ф.Ализаде. Кстати, после Президента НАНА Иса Габиббейли на презентации этой книги выступила Франгиз ханым, сделав глубоко содержательный доклад. И её выступление было одним из ярких и значимых.

В другой книге З.Сафаровой также имеется раздел, связанный с творчеством Франгиз ханум. В этой книге – «Azərbaycan musiqisi müstəqillik dövründə» («Азербайджанская музыка в период независимости») подробно разбирается опера «Интизар».

Мы должны гордиться, что на турецком языке написана книга молодого талантливого писателя, журналистки Улдузе Гарагызы.

Об этой книге автор этих строк написала рецензию, напечатанную в журнале «Musiqi elmi, mədəniyyəti və təhsilin aktual problemləri». («Актуальные проблемы музыкальной науки, культуры и образования»).

Таких примеров можно привести очень много.

Мы поздравляем Ф.Ализаде с выходом новой книги. Это – прекрасный подарок и для неё, и для нас музыковедов. Впервые в книге собраны важные, научно-исследовательские статьи, отражающие и композиторскую, и музыкально-общественную деятельность выдающегося композитора нашей современной эпохи. Желаем новых творческих достижений на благо нашей Родины!

ПЬЕР ШЕН

От переводчика

Пьер Мари Жан-Батист Шен (1882–1963) – французский драматург, прозаик, критик. Сын лионского нотариуса, он окончил Сорбонну, где изучал философию. Начинал Шен, как поэт, в 1906 году дебютировав книгой стихов, но тогда же начал выступать и как прозаик, и как драматург. Участник Первой мировой войны, в 1917-м писатель выступил с антивоенным романом-памфлетом «Воспоминания крысы». Дополненный второй частью, в 1921 году роман вышел с предисловием Анатоля Франса. В нем классик французской литературы писал: «В эти ужасные годы можно позволить себе несколько здравых и разумных слов только под покровом басни или аллегии». Эта манера Пьера Шона сказалась и в его сатирических, полных юмора рассказах. Писатель был не только членом Ассоциации военных писателей, но и членом Академии юмора Франции. Предлагаемый читателям рассказ впервые представляет его сатирическую прозу на русском языке. Хочу здесь выразить глубокую благодарность французскому международному колледжу литературных переводчиков СИТЛ, способствовавшему моему увлечению французской литературой, и за предоставленную возможность работы над переводом финской пьесы «Многоликий Маннергейм», впервые опубликованной в журнале «Литературный Азербайджан», а позднее включенной в сборник моих переводов финской драматургии.

Таира ДЖАФАРОВА

Странный случай с месье Бонневалем

Рассказ

В тот день, как и в предыдущие, у месье Бонневалея не наблюдалось никаких тревожных симптомов. Утром он чувствовал себя бодро, как обычно, поработал в своем кабинете до полудня и сел за стол, демонстрируя завидный аппетит. Ничто не предвещало грозившего ему страшного недуга, первые признаки которого проявились внезапно около двенадцати часов тридцати минут, за обедом, в следующей ситуации.

Младший сын Рири спросил его:

– Скажи, папа, когда же ты, наконец, купишь мне лодку?

Месье Бонневаль ответил сыну, указывая на свою тарелку:

– Ты же видишь, что я ем рагу из барашка, а не шарлотку.

Мадам удивленно посмотрела на мужа. Она прекрасно поняла требовательный вопрос сына, произнесенный звонким мальчишеским голосом.

– У тебя, наверное, вата в ушах? – спросила она мужа, поскольку месье Бонневаль зимой время от времени прибегал к этому способу, чтобы уберечься от простуды. Но ответа не последовало. Она повторила вопрос. В ответ молчание.

– Жорж, ты меня слышишь?

– Папа, мама с тобой говорит!

Бонневаль, увлеченно занимавшийся бараньим рагу, вдруг поднял голову, глянул на жену и сына, хохотнул и спросил:

– Что с вами? Вы все сегодня словно языки проглотили? Только, умоляю, не отвечайте хором.

– Боже мой, да он оглох! – взволнованно воскликнула мадам Бонневаль. – Жорж, ответь, ты что, оглох?

– Да, это что-то ужасное, – согласился муж. – Вы говорите, а я ничего не слышу!

Поднялась суета, начались эксперименты. Даже горничная Гертруда, выбежав из

кухни, попыталась протестировать хозяина. Месье Бонневаль приложил к уху ладонь, потом подергал его за мочку и даже повертел в ухе мизинцем – напрасные усилия.

Его жена, чтобы объясниться с мужем, прибегла к бумаге. Несчастный настроил свой лорнет и прочел: «Нужно немедленно обратиться к специалисту!»

– Завтра я зайду к доктору Лануа, – заявил Бонневаль, а под женой запиской написал: «Успокойся, я не оглох».

Пока в доме ужасались и пылко обсуждали странный случай с месье Бонневалем все обитатели, вплоть до консьержки, последний ретировался в кабинет, чтобы объяснить жене причину своей неожиданной глухоты:

– Это простой и удобный способ, который я нашел, чтобы умерить требования Рири, и это не фантазия, внезапно пришедшая мне в голову, я давно его обдумывал, это лишь первая проба. Меня всегда поражала легкость воспитания ребенка до двух лет, то есть до тех пор, пока он не начал лепетать первые слова. Все зло приходит с речью. Как только дите научается говорить, оно становится невыносимым: рассуждает, спорит, лжет, тиранит родителей.

– Но далеко не у всех рождаются глухонемые дети, – глубокомысленно заметила мадам Бонневаль.

– Конечно, – согласился муж. – Но это безумие – спешить так рано предоставлять им инструмент независимости и бунта? Мы иногда слышим, как родители жалуются, что их сын запаздывает в развитии, им, видите ли, не терпится, чтобы он знал, как сформулировать свою жалобу или отказ. Некоторые, не довольствуясь обучением детей родному языку, добавляют к нему еще и выражения из других языков. Они боятся, что их детям не хватит обычных слов для формулирования своих желаний, которым мы заранее решили не потакать. Ибо, наконец, разве не общепризнано, что благовоспитанный ребенок не должен иметь никаких других желаний, кроме тех, что поощряются родителями, которые только и могут судить о его потребностях и поведении? Какая ему польза от возможности высказать собственное мнение? Если оно соответствует отцовским пожеланиям, это бесполезно, а если наоборот, то вредно. Я каждый день виню себя за то, что позволил Тото и Рири изучать французский. Поскольку слова необходимы для споров. И я утверждаю, что без знания языка, не было бы ссор и что, если бы собаки умели говорить, они бы недолго оставались друзьями человека.

– Что же делать? – вздохнула мадам Бонневаль, потрясенная новизной мужниных открытий. – Мы следовали обычаю, который заключается в том, чтобы учить детей говорить. Теперь зло неизлечимо!

– Как знать! Согласись, что дар речи полезен и эффективен только до тех пор, пока мы находим, с кем поговорить. Человек не спорит с вещами. Он их терпит. Робинзон на своем острове стал забывать родной английский язык.

– Но ты, надеюсь, не собираешься высадить Тото и Рири на необитаемый остров?

– Нет, но изоляция может быть достигнута искусственно, с помощью чрезвычайно простых процедур. Ты недавно видела, что Рири не смог воспротивиться моей глухоте. Это материальное препятствие, перед которым он признал себя бессильным. А если бы я стал ему возражать, объяснять, почему отказываю, он бы продолжал надеяться на то, что я могу передумать. Теперь допустим, что и ты «оглохнешь», и так как у нас есть хо-рошая служанка...

– Ты хочешь рассчитать Гертруду?

– Дадим ей месячный отпуск, а пока обойдемся с помощью эльзасской горничной. Через месяц дело будет сделано. К тому же, у глухого папы есть свои преимущества: в квартире можно играть в войну, бить в барабан, издавать дикие крики, не боясь его потревожить, мешая отдыху или работе. А когда к тому же еще и мамочка глухая, то это просто дар небесный.

Именно такое счастье привалило маленьким Бонневальям, поскольку на следующее утро их отец, проснувшись, встретил их предупреждением:

– Не целуйте меня, дети мои. Моя болезнь заразная, похожа на грипп. Ваша бедная мама заразилась и тоже оглохла.

Действительно, мадам Бонневаль в одночасье сделалась глухой тетерей. Таким образом в этот день дети могли вволю болтать за столом, и никто их не заставлял замолчать, никто не делал им замечаний. Теперь помалкивать должны были взрослые. Какое сладкое воздаяние за прежние одергивания! Осталась, правда, цензура родительских взглядов, но свобода слова – это уже половина независимости. Такое преимущество вполне может искупить невозможность попросить что-либо у родителей. К тому же и из этого неудобства нашелся выход.

Вот в каких сильных выражениях было написанное Тото письмо от имени Рири, которое младший сын представил отцу: «Когда, наконец, ты купишь мне лодку?»

К счастью, месье Бонневаль был близорук. На этот раз он притворился, что не может найти свой лорнет.

– А какой был бы шик, если бы у нас были слепые родители! – заметил Тото.

– Да, – согласился Рири. – Мы бы тогда за обедом ели только то, что нам нравится...

– А я бы стал брать столько соуса, сколько захочется!

Родители не без стыда тайком подслушивали болтовню своих детей. Этот стыд был проявлением щепетильности честного человека, вынужденного подслушивать у двери. Но неожиданные разоблачения быстро сменили это смущение на изумление. За пять минут они узнали о проделках Тото и Рири больше, чем за пять лет пристального наблюдения за детьми. Виноватые разоблачали себя с той уверенностью, которую дает полная секретность. Выяснилось таким образом, что они прятались, чтобы покурить, что у них имелся запас спичек, что они вставали ночью, чтобы утащить что-нибудь вкусненькое из буфета, и т.д. Нашлось также объяснение таинственного короткого замыкания, взрыва газа и множества других злодеяний, авторы которых до сих пор оставались вне подозрения. Месье Бонневалью пришлось несколько раз заставить себя сдерживать свой гнев, а мадам Бонневаль приложить усилия, чтобы не взорваться от эмоций. Она лихорадочно резала хлеб, а он непомерным усилием воли оставался склоненным над тушеным кроликом и делал вид, что внимательно выбирает очередной кусок.

– Скажи, Рири, папа опять забрал все самые вкусные кусочки?

– Думаешь, Тото, он оставит нам хоть немного соуса?

– Мама совершенно права, заявляя, что он думает только о себе!

Оплеуха, тем более оглушительная, что долго откладывалась, напомнила Тото об уважении к предкам и одновременно предупредила о том, что состояние отца заметно улучшилось.

– Дурачок! Это научит тебя не смеяться над мамой!

Тото не заплакал. Он был потрясен.

Но через некоторое время пробормотал:

– Так... ты уже слышишь? Вы с мамой уже поправились?

Мадам Бонневаль, жестом своего мужа освобожденная от обета глухоты, сочла, что следует вмешаться и дать правдоподобное объяснение внезапному выздоровлению:

– Видимо, лекарство подействовало. Я тоже начинаю слышать.

Это было признанием поражения, неудачи опыта, краха новой педагогической системы. Месье Бонневаль промолчал, он счел, что умнее продолжать как ни в чем не бывало:

– Тото, пойди и скажи Гертруде, чтобы подавала кофе. Да, поживей!

Но Тото, не шевелясь, спокойно смотрит на отца и объявляет, потирая порозовевшее ухо:

– Ой, не пойму, что это со мной, кажется, я совсем оглох!

*От всей души поздравляем нашу любимую,
вечно молодую актрису, многие годы
дарящую нам радость своим творчеством*

НАРГИЗ БАГИРОВА

РАССКАЗЫ

До встречи в сентябре...

Посвящается Людмиле Духовной

Она любила это время... Отшумела премьера, стихло всеобщее возбуждение, угмонились придичивые критики. Свет софитов стал мягче и не так резал веки... Преподнесенные поклонниками цветы в безнадежной попытке продлить молодость с грустью отрекались от своих увядших лепестков...

Спектакль, оставив позади премьерную горячку, все еще находился в поре яркости и новизны. Но безумное волнение «первой ночи» уже не выталкивало ее из гримерки и не заставляло блуждать, словно неприкаянную, по лабиринтам театра до начала спектакля.

Она так и не смогла привыкнуть к предпремьерной лихорадке – этой острой смеси страха, трепета, томительного ожидания...

Словно студентка на первом экзамене, она боялась забыть текст, размазать грим, потерять связь с партнером. Бывали секунды, когда ей казалось, что она видит сцену со стороны, что она – это вовсе не она, а какая-то чужая, произносящая ее реплики женщина в ее костюме и с ее лицом... Тогда она, ища поддержки, смотрела в зал. И не было случая, чтобы она не нашла себя в чьих-то глазах – незнакомых и ставших на один вечер близкими... глазах зрителя...

Ее дальнейшие отношения с ролью всегда зависели от первого представления. Если с первого раза что-то складывалось не так, то спектакль никогда уже не становился любимым, а роль неприятно царапала память.

Сегодня она пришла в театр за несколько часов до начала спектакля... Она любила его и таким – будничным, без гостей... Работники сновали по коридорам, кто-то здоровался, кто-то на ходу делился сплетнями, кто-то останавливал и рассказывал новый анекдот. Ей казалось, что, когда театр надевал на лицо маску повседневной обыденности, он становился похож на другие, «нормальные» учреждения.

Она вошла в зал, села в зрительское кресло и стала разглядывать сцену. Было довольно темно, откуда-то сверху доносились приглушенные голоса осветителей... Маленькая пушинка, мечтающая о карьере балерины, томно кружила в вальсе, то пропадая во мраке, то вновь появляясь в компании пылинок помельче...

Лишь на мгновение она закрыла глаза...

– Ну, и зачем ты пришла так рано?... – спросил ее на удивление знакомый женский голос.

– Дирекция вызвала... – ответила она.
– Вроде актриса, а врать не умеешь. Что-то случилось?..
– Нет, тьфу, тьфу, тьфу – все в порядке. Просто я во сне увидела, как надо проиграть ту сцену в кафе, она давно меня беспокоит... Хочу попробовать.
– Ты неисправима! – усмехнулся голос. – На спектакле и отыграла бы свою сцену!

– А вдруг не получится, – ответила она, – зачем? Вначале одна попытаюсь... Там надо сесть вполоборота, а потом встать, резко развернуться так, чтобы свет ударил в лицо и...

– К чему такое рвение... Неужели ты думаешь, что кто-то заметит, как ты будешь освещена?.. Пять-шесть человек, не больше.

– Разве пять-шесть по-настоящему понимающих тебя зрителей – это мало?..

– А ты не задумывалась над тем, что эти вот «понимающие» забудут все твои профессиональные выкрутасы через час после окончания спектакля?

– Не забудут или забудут... Какая, по большому счету, разница... Я не умею по-другому, и захочу – не получится, не выйдет... Всегда, все свои роли я рожала в страданиях, прости за банальность...

Ей стало интересно, с кем это она так разоткровенничалась, и она обернулась назад.

– Не туда смотришь, – усмехнулся знакомый голос.

Она посмотрела на сцену...

Перед ней стояли женщины разного возраста, в разных париках и одеждах.. Стояли нестройной вереницей и смотрели на нее. Она сразу узнала их: это были сыгранные ею роли... Королевы, крестьянки, фабричные девушки, студентки, врачи, котки, монахини... Невинные и коварные, кроткие и развязные, смешные и трагичные, любимые и не очень, знаковые и незначительные...

– Узнала? – спросил ее голос.

– Всех до одной, – тихо произнесла она, – ведь это моя жизнь... Все они здесь... даже первая моя роль, та, которую я играла в школьном спектакле... Последнее время я часто вспоминаю ее. Я помню каждый миг, прожитый на сцене, помню, как мучительно оттачивала каждую фразу, каждый жест, как проходили премьеры, что писали в газетах, сколько я тогда весила, сколько раз за представление меняла костюмы... Боже мой, они все здесь... Но ты... кто же ты...

– А ты еще не догадалась?..

– Нет...

– Я – твоя новая роль...

Она почувствовала, как мурашки пробежали по ее коже, и сладко заныло сердце. Она была хорошо знакома с этим ощущением. Это было предвкушение новой роли, манящей и неизведанной, возможно, главной роли в ее жизни...

Тем не менее, она решила возразить:

– Нет, не сейчас, я устала, совсем недавно – после долгого простоя – я отыграла сложный спектакль. Я хочу отдохнуть, поехать куда-нибудь, развеяться...

– Ты же даже не знаешь, из какой я пьесы, кто будет твоим партнером, кто будет ставить спектакль, кто будет его оформлять!..

– Знаешь, на той неделе у меня брала интервью одна девочка. Очень хорошенькая, довольно бойкая и совершенно не знакомая с театром. Она буквально засыпала меня избитыми вопросами: «Ваша любимая роль», «Ваши творческие планы», «Кого вы мечтаете сыграть»... Так вот, пока мы таким образом общались, я вдруг поняла одну вещь... Я совершенно освободилась от обиды за несыгранные роли... У меня их и без того было более, чем достаточно, всего не переиграешь...

– А я буду «стоять у ваших ворот, как столб у дверей шерифа, и дождусь вас, даже если из меня сделают подпорку для скамьи».

– Реплика Мальволио... Вот, кстати, еще одна моя роль, а ведь не всякой актрисе выпадает такая удача и такой шанс – сыграть мужскую характерную роль!.. Так что меня трудно удивить...

– Как говорил классик: не верю, МИЛОЧКА, не верю! – рассмеялась Новая Роль. – Ты меня не убедила. Твой актерский зуд никогда не даст тебе покоя и не надейся! Езжай, куда хочешь, расслабляйся, отдыхай... Осенью встретимся.

Актриса рассмеялась в ответ:

– До осени! – и, посмотрев на стоящие на сцене силуэты сыгранных ею героинь, застенчиво добавила, – до свидания...

...ее глаза были закрыты лишь на одно мгновение...

«Ну, и сон! – подумала она, – а вдруг он вещий? Значит, новая роль?.. Что ж, подождем до осени...»

Она поднялась с кресла и дунула на приунывшую было пушинку. Та завертелась в новом ритме и взлетела под самый потолок. Осветители по-прежнему негромко спорили о чем-то своем. Пылинки, попав в струю слабого света, возомнили о себе Бог знает что и решили всей труппой изобразить Млечный Путь.

Пройдя сквозь ряд, она немного постояла у сцены, медленно пошла к дверям... И вдруг, перед тем, как выйти, неожиданно для осветителей и к непередаваемому удовольствию пушинки, озорно закружилась в вальсе...

А сцена... Сцена была взволнована... Она все ещё пребывала под впечатлением от визита недавних гостей и, несмотря на темноту, излучала неяркое сияние... Доски её удивленно скрипели, софиты заговорщически перемигивались, и таинственно шуршал занавес.

Июньская зимняя сказка

Был жаркий летний день. В театре давали спектакль для детей «Снежная королева». И всё бы ничего, но по всему зданию отключили кондиционеры. Везде – что в служебных помещениях, что в зале. Днём. В июне.

Снежная королева (жена главрежа) пыталась насобачить на глаза белые ресницы. Вбежал завхоз, сообщил, что во всем виноват Минфин, задержавший дотацию, и, оставив дверь открытой, выбежал.

Залетевший сквозняк вздыбил парик на актёрской голове и унёс в неизвестном направлении правые ресницы. Дверь пришлось закрыть. Прима выматерилась и взяла второй комплект ресниц. Духота плавил мозг и изматывала душу..

Грянул второй звонок. Народ в зале с ходу почуял неладное: взрослые обмахивались театральными программками, дети хныкали и требовали колу.

В начальной сцене бабушка (первая жена главрежа), дико сверкая зрачками, поведала зрителю о снежинках, сравнивая их с белыми пчёлками.

– А пчёлы бывают альбиносы, что ли? – спросил рыжий мальчик во втором ряду.

– Нет, мальчик, – вымученно улыбнулась со сцены бабушка, – это я так.. для сравнения..

Накануне режиссёр наказал актёрам в случае чего взаимодействовать с публикой. Вытирая пот, струящийся из-под парика и шерстяного чепчика, бабуся продолжала нести муть о ледяных узорах, вьюге и Снежной королеве, холодными ночами праздно шатающейся по спящему городу и заглядывающей в окна домов.

– Это нарушение личного пространства! – выкрикнула с места толстуха лет десяти.

С целью поддержания зимней атмосферы на сцену сверху полетели хлопья снега из ваты. Кай разразился канонадой чихов, чем вызвал бурный восторг детворы.

– А Снежная королева сюда не войдёт? – надрывалась Герда.

– Пусть только попробует! Я кааак посажу её на печку, она тут же растает!

– Супер! Так ей и надо! Она дура, – инициативу Кая поддержал мальчишка в очках.

– Чихать он на неё хотел! – съехидничал кто-то из зала взрослым женским голосом.

Спектакль наматывал обороты.

Когда Кай, получивший, как известно, дозу льда в сердце, крикнул: «А мне не больно! Мне только очень холодно!», один мальчик влез ногами на кресло и, дирижируя, пропел:

– А нам жарко!

Дети в зале одобрительно заржали. Бабушка остервенело сплюнула на пол прилипший ко рту кусок ваты.

А Кая впереди ждали нехилые испытания. Мало того, что он, дундук дундуком, был в куртке, в вязаной шапочке с помпоном и шарф, толстый, как питон, обвивал его шею; мало, что Снежная королева вертанула его на глазах всего Копенгагена, так она ещё откровенно ему предложила:

– Ты совсем замёрз: полезай ко мне в шубу!

Кай чихнул и растерянно оглянулся: в шубу ему по такой жаре совершенно не хотелось. Даже если бы его туда пригласила Анджелина Джולי – сто раз бы подумал.

Наконец бабуся, Кай и Снежная королева покинули сцену. Герда, якобы за Каем, выбежала за кулисы:

– Сворачиваться надо. Вам хорошо, а я сейчас выкину!

– Кого? – спросила бабушка, снимая парик и чепчик.

– Вообще-то я беременная на третьем месяце!

– От кого? – хором спросило закулисье, включая реквизитора, монтировщика и гримёршу.

Герда вытерла подолом юбки пот со лба и вернулась на сцену. Актриса, играющая старушенцию-владелицу волшебного сада, обещала ей:

– Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобою!

Но Герда в соответствии с сюжетом соскочила из садово-дачного участка, по территории которого задорно скакал кордебалет.

– Кай умер и больше не вернётся! – заявила залу беременная героиня сказки.

– Ничего он не умер! Я его только что в буфете видел! Он не настоящий! – слышался возмущённый детский крик.

Зал заволновался:

– Настоящий он! Да!

– Не настоящий! Там только королева Снежная настоящая!

– Ха! Нашлась мне умная! Она, если хочешь знать, наша ранняя соседка! Актёрка она!

– А я знаю, чем всё окончится!

– Кай ничего не умер, не бойся, Гердочка! Он заболел. Видала, сколько чихал?

– Я тоже знаю, чем всё закончится!

Дети кричали, хлопали в ладошки, вскакивали с мест и смеялись: зал жил своей жизнью. Актёры были взмылены и измучены.

Лапландка в тулупе обмахивалась картонной «сушёной рыбой». Финка, наплевав на снежный антураж, самовольно сняла унты и шлёпала по сцене босая. Принцесса скинула королевскую мантию, принц разорвал кружевной воротник, а мамаша-атаман шайки швырнула шалью в сказочника (заслуженного деятеля искусств), который читал авторский текст. Лучшее всего себя чувствовали девочки-статистки. Цветочный гербарий носился по сцене в лёгких красочных нарядах, а птицы, размахивая крыльями, вентилировали, как могли, себя и других.

Принцесса (вторая по счёту жена главрежа), цинично скалясь, предложила Герде надеть рукавички и муфточку. Герда всегда жалела, что при поступлении в институт не сдала документы на театроведение, как советовала ей мама..

Зато маленькая разбойница, которая жила с главным в неофициальном сожительстве, вернула Герде надежду на актёрское братство, когда сняла с неё меховую муфту.

Короче, отыграли, как могли. Герда-таки загнала Кая в датскую семью, Снежная королева растаяла – воплотив хотя бы на сцене то, о чём мечтала вся женская часть труппы.

Герда, которой досталось больше остальных, не смывая грима, вызвала такси и уехала.

– Что она злая такая? – спросил директор.

– А она на третьем месяце, – наябедничал администратор.

– Как, опять? А от кого? – заинтересовался директор.

Систему кондиционирования на следующий день врубили. Правда, завхоз со зловещим выражением лица снова бегал по театру и, проклиная жлобство Минфина, каркал, чтоб никто в театре не надеялся на отпускные до конца августа. При этом он, как всегда, забывал закрывать за собою двери.. Сквозняки гнали по театру парики, мантии и накладные ресницы. А в воздухе порхали новые творческие замыслы главного режиссёра.

Великая секта

Они шагали по бездорожью, спали под открытым небом, мерзли, голодали, дрожали от волчьего воя и опасались молний... Священники слали проклятья на их головы и не позволяли хоронить их на церковных погостах.

Скоморохи, мимы, фокусники, акробаты, певцы, танцоры, музыканты... Актеры... Лицедеи... Они умели декламировать, петь, танцевать, жонглировать и гуляли по канату так лихо, будто широченная дорога распласталась под их ногами.

Публика замирала от их трагедий, смеялась над их остротами, млела от любовных сцен.

Их отовсюду гнали. Их всюду принимали. Им рукоплескали чопорные господа в замках и простолудины на шумных ярмарках. Они, как никто, умели пленить человеческие сердца...

В конце представления они выходили на край сцены и низко кланялись зрителю. А зритель удивлялся тому, как он мог поверить в королевское происхождение нескладного мужчины в пыльном парике и в красоту некрасивой женщины в стоптанных туфлях...

А главное, он не мог объяснить самому себе, почему он так безутешно лил слезы над выдуманной историей, за которую два часа назад заплатил на входе в зал.

Потом зритель возвращался в свой дом, а они снова пускались в странствие. Словно неведомая сила заставляла их жить жизнью, несхожей с тысячами других жизней. Будто какая-то мощь магнитом влекла их за собой, гнала на неизвестную дорогу и помогала справиться со страхом уснуть навсегда в поле под одиноким камнем.

Слетали века, как листья со старинного дуба... Они научились жить в комфорте, окружать себя добротными вещами, путешествовать на роскошных лайнерах и ездить на дорогих автомобилях...

И все равно, они те же, с теми же мятущимися душами... Видите старую, разбитую кибитку на дороге? Это они снова бродят под открытым небом, репетируют на перекрестках дорог, латают изношенные туфли и пудрят парики. Как и сотни лет назад, они бесстрашно гуляют по канату и с головокружительной высоты поют нам

свои баллады. Они прекрасны. Они удивительны. С самого рождения небеса даруют им мастерство и вводят в великую секту лицедейства.

Земля укрывает их одеялом, сотканным из теплых трав и цветов. Дождевые струны играют им органную мессу, а соловьи темными ночами поют им хвалебные оды. Им по-прежнему рукоплещут высокомерные вельможи во дворцах и толпы на площадях.

И очарованный таинством сцены зритель до последнего своего вздоха так и не может понять: ну, почему же он так горько плакал над выдуманной историей, за которую заплатил деньги на входе?

Вор

В обычном маленьком доме на окраине большого суматошного города жил вор.

Мошенник этот обладал довольно заурядной внешностью: маленького роста, тощий, с включенными волосами, и на его горбатом носу сверкали очки с толстыми линзами...

Он редко выходил из дома, а выйдя, стремился поскорее вернуться. Шёл быстро, не вынимая рук из карманов, бурчал приветствие соседям и шмыгал за дверь. Человек он был немногословный, жил одиноко и сторонился любого, даже самого поверхностного общения...

Тем не менее, и к нему иногда захаживали гости. Вернее, двое гостей с многолетним стажем знакомства...

Один, в отличие от него, был высокий, представительный мужчина. Его густая шевелюра серебрилась благородной сединой, одевался он с шиком и хорошо продуманной небрежностью. У него был красивый профиль, мягкий голос и манеры джентльмена из общества...

Он тоже был не вполне обычный человек, а был самый настоящий шпион. Постоянно подслушивал, подсматривал, не стеснялся задавать любого рода вопросы, сопоставлял и анализировал... Боясь упустить детали, он всё время что-то записывал в маленькую книжечку в кожаном переплёте...

Вторым гостем, то есть гостьей, была дама, причём дама не очень молодая... Несмотря на морщины и вызывающе белоснежные зубы, она была очень красива. Ей удалось сохранить прекрасную фигуру, в её нарядах неизменно присутствовал стиль, она не скрывала под длинным подолом ноги и не боялась открывать руки.

Но главная причина привлекательности таилась, пожалуй, в её глазах. В карих зрачках сияли золотые лучики, а в озорном взгляде чувствовался редкий для женщины её возраста, острый интерес к жизни.

Но, увы, она также была не без греха... И прекрасно дополняла общество вора и шпиона тем... Что была ужасной сплетницей!.. Собирала всевозможные слухи, коллекционировала домыслы, и ни одна мелочь не могла ускользнуть от ее внимания. Ужасная была сплетница.

Вечерами, по давно установившейся традиции вор собирал этих людей в большой гостиной с дровяной печью и роялем, стоящем на почётном месте...

Отблески огня заигрывали с кистями красных бархатных занавесей, кофейные чашечки проливали таинственную гущу на скатерть, скрипела чердачная лестница... Дом на окраине жил ожиданием...

Наконец, сияя золотыми зрачками, дама спрашивала:

– Ну же, дорогой друг, не томите нас, рассказывайте!.. Что вы смогли украсть в эту неделю?

Маленький хозяин дома много чего украл со дня последней встречи с друзьями... Застенчиво улыбаясь, он вставал с кресла, поправлял очки с толстыми стёклами и садился за чёрный рояль...

Он рассказывал, как выкрал улыбку старика и удары ставень об стену в ветреную ночь... Срезал кошелёк у стручка с соседского огорода и рассыпал золотые горошины по тротуару... Ограбил рассветное утро и окрасил город в нежно-абрикосовый цвет. Подкараулил в переулке гусыню, и та отдала ему прозрачное перо.

Всё это было сложно описать, ещё сложнее объяснить. Но ведь он был необычный вор! Собирая украденное, он вначале переводил добычу на счета в нотную тетрадь, а вечерами хвастался трофеями перед друзьями...

Рояль, посвятивший вору всю свою жизнь, виртуозно ему подыгрывал и, командуя клавишами, иногда плавно, а порою взволнованно пересказывал все преступления своего хозяина.

– Теперь ваша очередь, приятель... – вставая из-за рояля, говорил вор, – я так люблю ваши рассказы!..

Тогда импозантный джентльмен из общества выходил на середину комнаты и начинал рассказывать, как и за кем он шпионил.

Своим мягким голосом он читал истории, которые всё время записывал – джентльмен был известный писатель.

Он был обожаем почитателями, по его пьесам ставились спектакли, а рассказы проходили в школах на уроках литературы. У него не было недостатка во внимании, но он дорожил этими встречами и всегда с нетерпением ждал их...

Он ведал друзьям, как устроил самую настоящую слежку за бушующем цветом апрелем и небом, брызнувшим в траву голубыми незабудками.. За уличными котами, сражавшимися на рыцарском турнире в честь соседской кошечки. Он мастерски шпионил за всем на свете – за женщинами и мужчинами, за насекомыми и лошадьми, за океаном и городским транспортом.. Его маленькая книжечка была бездонна и кроила в себе несметные истории...

Теперь наступал черёд дамы – талантливейшей актрисы с глазами, излучавшими потрясающую жажду жизни.

...так несправедливо сложилась судьба, что, несмотря на её невероятное дарование, она почти всю свою профессиональную жизнь протолкалась в предбаннике театра. Ей повезло меньше, чем она заслуживала и на что была рассчитана... Такое встречается нередко, тут уж ничего не поделаешь..

Весь остаток вечера актриса увлечённо сплетничала обо всём увиденном, подсмотренном и подслушанном. То неподвижно сидя на диване, то бегая вокруг стола, она кричала, шептала, смеялась и грозила кулачком улице в окне. Тушь, стекая с ресниц, вливалась в русло её морщинок...

Приятели были горячие поклонники её таланта и следили за ней, как за гипнотизированными. Фарфор в шкафу восторженно звенел аплодисментами.

Иногда, разошедшись, друзья менялись ролями. Дама, энергично стуча по клавишам, исполняла популярные песни времён её молодости. Писатель забавно обезьяничал, подражая перебранке двух молочниц. А хозяин дома расставался со своими очками и, нелепо раскачиваясь, читал стихи собственного производства...

После они выпивали ещё по бокалу вина, джентльмен брал под покровительство даму, и они, стараясь не поскользнуться на золотых горошинах, рассыпанных по тротуару, уходили в ночь...

Необычный вор уносил всю грязную посуду на кухню, закрывал крышкой рояль, выключал в доме свет и укладывался спать.

Дровяная печь и чёрный рояль долго ещё спорили между собой, приписывая актрисе роман то с одним, то со вторым другом поочередно. А старая чердачная лестница, желая показать, что знает больше, чем остальные, продолжала натужно скрипеть...

Обычный дом на самой окраине суматошного города...